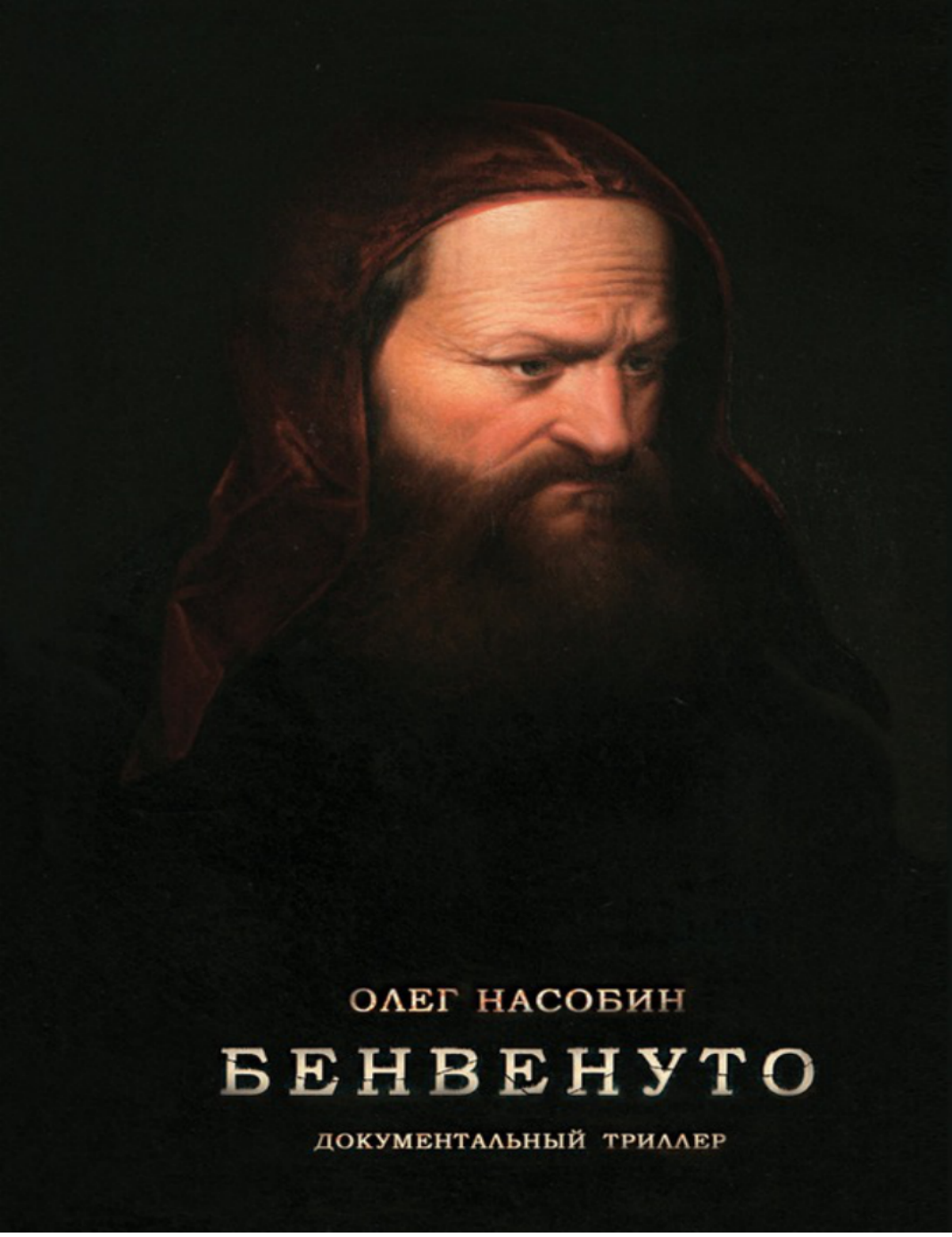


ОЛЕГ НАСОБИН

БЕНВЕНУТО

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга повествует о реальных событиях, случившихся с реальными людьми. Однако без документов и подтвержденных свидетельств было бы трудно поверить, что такое вообще возможно.

История ломает стереотипы, по драматическому накалу ничего подобного в последние десятилетия вниманию читателя не предлагалось.

Известный бизнесмен, коллекционер живописи случайно совершает выдающееся открытие: в его руки попадает автопортрет Кровавого Ювелира, мистического Бенвенуто Челлини. Картина, которая исчезла из поля зрения публики 450 лет назад.

Действие разворачивается в современной Франции, полной противоречий стране, а так же в Лондоне, Нью-Йорке, Москве и Италии.

Книга содержит точное описание тайных переговоров на самом высшем уровне, а так же противостояния разведок нескольких государств. Бизнесмен попадает под безжалостный пресс спецслужб, подвергается провокациям, шантажу и давлению. Его любовница оказывается офицером французской контрразведки ДСРИ. Спецслужбы принимают коллекционера за представителя каких-то влиятельных сил и групп, они развивают совершенно неадекватные усилия в попытке разгадать тайну, которой нет.

Современники «Бенвенуто» (1500–1571) дали знаменитому Ювелиру, скульптору и убийце прозвище «Дьяболо». Жизнь этого человека полна таких приключений, что они не закончились даже с его смертью.

- Олег Насобин
  -
  -
  - Находка
  - Путем сэра Джона
  - Слепая стража
  - Достояние республики
  - «Это наше мясо»
  - Убежище
  - С открытым забралом
  - Теперь снова беги
  - Перо и пергамент

- Нью-Йорк. Университет Коламбиа
- Сумрак
- Арест
- На запах денег
- Оборотни
- В постели с врагом
- Порочные связи
- Кто охотник и кто теперь дичь?
- Тебе нравится моя шерсть?
- «Шла Саша по шоссе и сосала сушку»
- Турин. Библиотека Реале
- Добро пожаловать, Бенвенуто!
- Антропологическая экспертиза
- Технический анализ пигментов и основы картины
- Нотариальный акт 1571 года
- Стилистическая экспертиза
- Загадка красного капюшона. Фрески Кампо Санто
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Олег Насобин
Бенвенуто

Все фотографии, использованные в книге, принадлежат автору, кроме фотографий, предоставленных: «РИА Новости»; Art access and Research (UK, London) ltd.; Biblioteca Reale (Italy, Turin); Soprintendenza Speciale per il Patrimonio Storico, Artistico ed Etnoantropologico e per il Polo Museale della citta di Firenze; Museo di Palazzo Vecchio.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Катрин позвонила и попросила войти в скайп.

Она, конечно, знала, что я нахожусь дома, ведь уже в течение нескольких месяцев мой айфон исправно информировал ее обо всем, что я делаю и говорю.

Я тут же открыл свой ноутбук и связался с ней. Мы поговорили, но без картинки, то есть без видеосвязи.

Катрин суховато и напряженно сообщила мне, что у нее для меня неприятная новость. При этом она предупредила, чтобы я «не нервничал и не переживал, ведь всякое случается, и проблему можно решить».

После такой «подготовки» я действительно встревожился: «Что случилось»?

— Помнишь, ты просил меня разузнать насчет банков? Помнишь? Та твоя проблема насчет черного списка, и тебе не дают кредитов?

— Ну да. Ты ничего не сделала с этим.

— Не сделала, потому что проблема не в банках. Я попросила Андрея разузнать все у банкиров, ты ведь знаешь, у него очень много денег, и банкиры ему стелют красные дорожки, куда бы он ни пришел. А еще у него очень хорошие связи. Вот что он узнал: твое досье блокировано на очень высоком уровне, оно блокировано полицией.

— Полицией? Да ну, это, наверное, устаревшая инфа. Ты же

помнишь, нас в 2008 году арестовывали по доносу. Помнишь? Нас допрашивала бригада из Парижа, Police Judiciaire.[1] Но все закончилось хорошо, они обещали все зачистить в банках.

— Не закончилось! Это продолжается!

— Кэт, говорю тебе — уже два с половиной года прошло, как «это не закончилось»?! Но я же не арестован и не под следствием. Включи ум-то!

— Нет, не закончилось, послушай меня. Я точно знаю.

— Катрин, хорош заниматься ерундой. Я уже в 2008 году после ареста получал небольшие кредиты без всяких проблем.

— Ты под слежкой! За тобой следит не Police Judiciaire!

— Да ладно! А кто? Мафия? Инопланетяне?

— ДСРИ!

— Чего?

— ДСРИ!

— Я не пойму никак, кто? Напиши мне месседж.

— Сейчас, но я его сразу сотру.

Она прислала мне четыре буквы: «DSRI» — и тут же стерла их.

Вообще-то название «конторы» пишется вот так: «DCRI», но она намеренно заменила одну букву. Агенты частенько так делают, наверное, чтобы не попасть сразу под ухо «большого брата» (системы «Эшелон»), а может быть, опасаются своих коллег, немедленно реагирующих на ключевое слово.

— Вторая буква пишется не так, а как «Сити», понял?

— Нет.

И тут я услышал в наушниках высокий голос нервно вскрикнувшего мужчины:

— Il est con ou qoi?[2]

У меня в мозгу тут же включился сигнал тревоги, и я стал соображать стремительно, в экстренном режиме:

— Кто это был, Катрин?

— Где?

Она тоже явно нервничала.

— Я слышал сейчас мужской голос. Кто находится рядом с тобой?

— Никого здесь нет.

— Не ври. Кто рядом с тобой? Я слышал своими ушами. Он назвал меня коном…[3]

Я реально разозлился и готов был на этом закончить разговор и отношения вообще.

Видимо, она почувствовала это и неохотно уступила моему напору:

— Это был Андрей? Никитин?

— Да.

— Дай ему микрофон.

— Его здесь нет. Я выгнала его из комнаты.

— Скажи ему, что я не кон. Поняла?

— Ладно, скажу. Но ты понял, что я тебе сказала?

— Нет, не понял. Это всё твои фантазии. Я не знаю, что такое ДСРИ. Ты просто стебешься надо мной.

— Нагугли! Я тебе потом перезвоню!

— Ладно, потом. А сейчас я хочу переговорить с твоим Никитиным.

— Перестань. Ревнуешь, что ли? Он не мой. Это всего лишь партнер, я тебе говорила, у нас нет ничего, кроме бизнеса. Мой мужчина — это ты, но я не могу создать с тобой семью. Ты женат.

— Это мы уже обсуждали.

— Да, я перезвоню тебе, будь умницей, проверь на «Гугле»…

Я набрал четыре буквы в поисковой системе и вскоре оторопело узнал много нового для себя.

Оказывается, еще в августе 2008 года по инициативе Николя Саркози, президента Франции, две вечно конкурировавшие между собой французские спецслужбы ДСТ (Direction de la Surveillance du Territoire — контрразведка) и РЖ (Services des Renseignements Generaux — внутренняя разведка) были объединены в одну секретную суперструктуру, которую французы и назвали Direction centrale du Renseignement Intérieur — ДСРИ.

Находка

На самом деле эта история начинается шестью годами раньше, в августе 2004 года, в Провансе.

Хотя как сказать… Возможно, началом ее следует считать февральский день 1571 года, когда в осиротевшем после смерти Кровавого Ювелира доме флорентийский нотариус, составлявший опись его имущества, записал: «В вестибюле… портрет мессера Бенвенуто в ореховой раме…» (См. главу «Нотариальный акт 1572 года».)

Но все равно будем считать, что эта история началась с тех событий, которые мы пережили лично, были их свидетелями и можем все подтвердить.

В моем рассказе не будет никаких выдуманных фактов или событий. Жизнь настолько причудлива и удивительна, что не нуждается в фантазиях.

Под давлением своей семьи и моих адвокатов я изменил имена некоторых персонажей. Но весь архив документов у меня на руках, свидетели живы, и я готов подтвердить каждое свое слово.

Итак, в тот день, в августе 2004 года, у меня было прескверное настроение. Шел седьмой год нашего пребывания во Франции — чудесном южном раю, превратившемся в сущий ад для предпринимателей.

Я и моя жена, Ирина, еще в 1997 году основали собственное предприятие на юге Франции, недалеко от Канн.

Можете себе представить? Мы, русские, выросшие и воспитанные в СССР, были настолько очарованы образом Франции, известным нам по книгам, кинофильмам, музыке, сказкам и историческим фактам, что упрямо не хотели замечать очевидного: во Франции предпринимателям не рады.

Здание филиала компании Green Mata во Франции. Монитору, 2004 г.

Несмотря на весь наш оптимизм, молодой задор и волю к жизни, к седьмому году пребывания здесь усталость от постоянной борьбы с безумием умирающей экономики потихоньку накапливалась, и всё чаще случались дни, когда одолевала хандра и опускались руки.

Во время тягучего, медленного обеда в местном ресторане, отмеченном, впрочем, двумя звездами Мишлена, я бубнил: «Черт бы их побрал. Тут пока дождешься последнего блюда, уже снова проголодаешься, а когда встанешь из-за стола, все равно будет чувство, что неприлично объелся…»

Конечно, жене не очень хотелось слушать эту шарманку, она искала какие-нибудь нейтральные темы и наконец нашла: «Кончай хандрить. Давай лучше сходим сегодня на выставку-продажу антиквариата. Здесь недалеко, в соседней деревне, в Фаянсе».

Вообще-то мы с Ириной к этому моменту уже собирали живопись, предпочитая красивые, демонстрирующие зрелое мастерство современные произведения.

Иногда покупали и старые вещи, если нам они нравились.

Но в этот раз идти никуда не хотелось. Я долго отнекивался, она настаивала, однако в конце концов мне стало стыдно быть букой и я согласился.

Мы закончили обед и, вместо того чтобы отправиться в свой офис на нашей фабрике, проехали еще на пять километров дальше, по дороге в сторону города Драгиньян.

Вообще-то фабрика была расположена в живописном местечке Монтару, недалеко от бирюзового озера, в краю трюфельных лесов, пробковых деревьев и зонтичных сосен.

Была — до того, как ее сожгли дотла 4 сентября 2012 года.

После пожара. 2012 г.

Маленький средневековый городок находится как раз между Каннами и Сан-Тропе, чуть в стороне от автодороги А8. Монтару, в окрестностях которого жил и похоронен Кристиан Диор, теперь разросся виллами, домами, домиками с садами и занимает весь холм, откуда открываются чудесные виды на роскошную зеленую долину и озеро Сан-Касьян.

Соседний холм приютил другое древнее поселение под названием Кальян. А уже за Кальяном лежит тот самый Фаянс, куда мы и направлялись. Все эти игрушечные, древние городки похожи между собой, как плоды одного дерева.

Когда-то через всю долину, покрытую полями душистых цветов и трав, была проложена узкоколейная железная дорога. Крестьяне возделывали землю и отвозили горы лепестков фиалок, ирисов, тубероз, герани, жасмина или лаванды в Грасс. Этот известный на весь мир город парфюмеров тоже расположен неподалеку, и там растения отдавали свои ароматы роскошным

духам, прославившим его на весь мир.

Теперь времена сборщиков трав в цветущей долине ушли невозвратно, и все изменилось — ручной труд в современной Франции слишком дорог. Поэтому в долине теперь нет цветов, и остатки железной дороги сохранились лишь местами.

В окрестностях Монтору

Витрина в антикварной лавке. Фаянс

В Фаянсе антикварные ярмарки устраиваются пару раз в год.

Под это мероприятие отведено пространство, примерно с полгектара, на котором размещены всякие строения, домики, времянки и шатры.

Со времен Средневековья традиции ярмарок не изменились: лавчонки, состоящие из трех стен и потолка, открытые на улицу,

назывались в древней Италии bottega. По сей день они выглядят почти так же, как и пятьсот лет назад.

Во время ярмарки все торговые «бутики» заполняются разномастными продавцами антиквариата или просто вещиц ручной работы.

Сюда съезжаются как небольшие галереи, так и частные торговцы.

Вещи, которые продаются на ярмарке, в большинстве своем недорогие. Редко встретишь предмет (чаще всего это мебель), за который продавцы спрашивают более десяти тысяч евро. Для антиквариата, который стоит дороже, есть салоны и выставки другого уровня.

В основном цены на выставленные объекты в Фаянсе колеблются от нескольких десятков евро до нескольких тысяч, но не дороже. Хотя и откровенно дешевой, копеечной мелочи здесь тоже не бывает.

На ярмарке предлагаются картины, гобелены, антикварные лампы, ковры, древние инструменты, уже почерневшие от времени, мебель, как я уже сказал, старинная посуда, трости и холодное оружие — безнадежно затупленное, но все еще красивое.

На маленьких открытых и разномастных прилавках лежат в развалах какие-то бабушкины ювелирные украшения и дедушкина булавка для галстука с бриллиантом.

Посетитель ярмарки платит за вход несколько евро, а потом, стараясь укрыться в тени от палящих лучей провансальского солнца, неспешно бредет среди открытых лавочек, этаких импровизированных бутиков, в каждом из которых продавцы устраивают свой маленький мирок.

Ходить так интересно под настроение. Но быстро надоедает, честно говоря.

Поскольку, как уже говорилось, в этот день я был несколько мрачен (хотя на самом деле у меня от природы веселый и оптимистичный нрав), жене я надоел, и она деликатно от меня ускользнула.

Антикварная ярмарка в Фаянсе

Солнце нещадно жарило во всю свою южную мощь, и потому я с удовольствием завернул в одно из строений, хотя по опыту прошлых лет я знал, что обычно там ничего хорошего не продается.

Это был тесный, маленький домик с белыми стенами, сложенными из местного дикого камня, отштукатуренными в XIX

веке и теперь покрашенными изнутри.

Двери были распахнуты настежь, и я нырнул в спасительную тень. Внутри расположились продавцы всякой мелочи, ложек, вилок и современных изделий ручной работы из льна.

Но все это меня не интересовало.

По тесной скрипучей лестнице я поднялся на второй этаж…

Равнодушно скользнул взглядом по прилавкам, проходя в другую комнату, и вдруг меня будто пронзило током.

Прямо на стене передо мной висел портрет потрясающей силы.

На нем был изображен немолодой задумчивый человек, чей глубокий проницательный взгляд свидетельствует о незаурядном уме мыслителя и философа. При этом от картины буквально волнами исходили с трудом сдерживаемая внутренняя мощь, затаенная тоска и не вполне удавшееся смирение бунтаря…

Все, что бурлило в душе у меня самого и не находило выхода. Все это и еще в тысячу раз больше.

Я вперился взглядом в портрет и не мог отвести глаз. Потом все-таки взял себя в руки и спросил миловидную женщину лет сорока, сидевшую рядом:

— Это ваше?

— Да.

Женщина улыбнулась.

— Э… Это продается?

— Да, конечно. Вам нравится? Мне тоже. Он такой задумчивый…

— Мне? Я… Э-э-э… Надо посоветоваться с женой…

Я оглянулся в поисках Ирины. Мне хотелось сразу же разделить с ней радость и, разумеется, узнать ее мнение о своей находке.

Портрет из Фаянса

Но, как назло, ее рядом не было. И если еще пару минут назад меня вполне устраивало одиночество, сейчас я остро нуждался в своей подруге. Она должна быть рядом! Какого черта? Где она?

Я неловко улыбнулся продавцу, сказал, что я сейчас, и поспешно сбежал по лестнице к выходу, чтобы скорее найти жену.

К пущей радости, я разыскал Ирину в толпе очень быстро, она успела пройти всего-то пару бутиков.

И тут меня вдруг охватил страх, что, пока я бегаю туда-сюда,

портрет кто-нибудь купит.

Эмоции переполняли меня, трудно было говорить, я просто схватил ее за руку и, невнятно что-то бормоча, потащил к портрету. Ирина не сопротивлялась, и мы успели — картину еще никто не купил.

Я привел жену на место, и она вежливо поздоровалась с продавцом.

— Ну, как тебе? — спросил я после небольшой паузы, когда мы оба вглядывались в портрет.

Мы говорили по-русски, причем так, чтобы по интонациям продавец не поняла, как сильно мы заинтересованы. Хотя наши наивные попытки скрыть свои чувства были тщетны. Опытные торговцы сразу видят — клиент «запал».

— Покупай, конечно. Сколько она стоит?

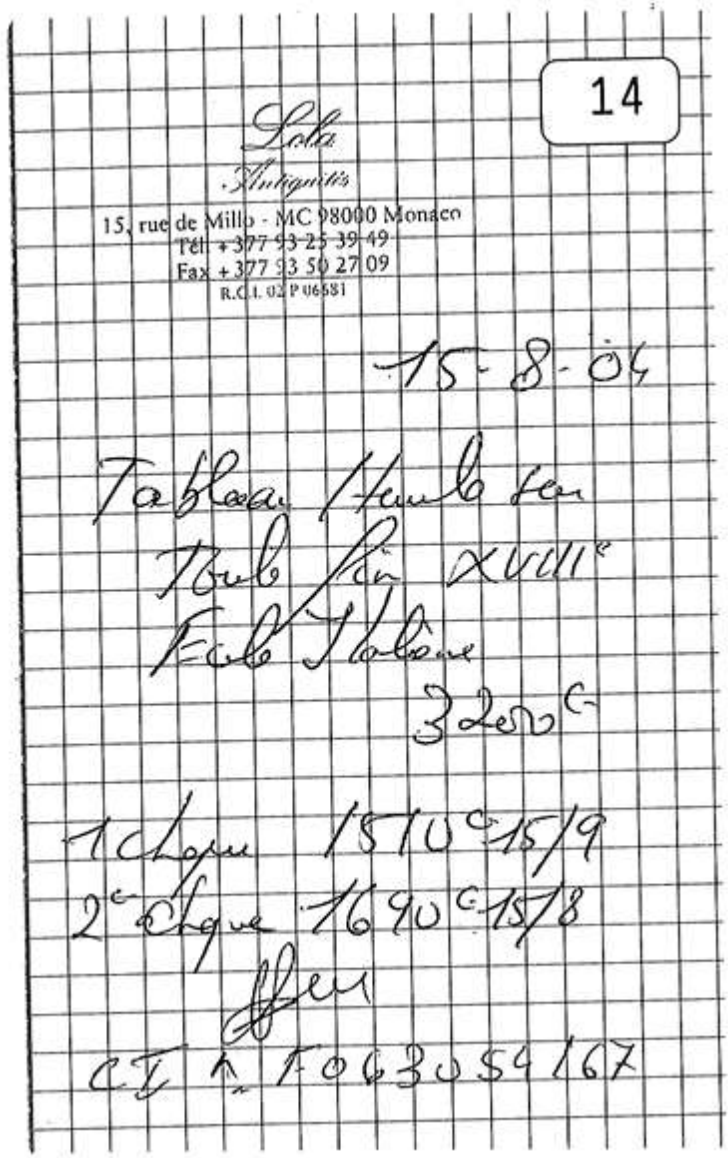
Я заметил: Ирина тоже смотрела на картину круглыми от удивления глазами…

Честно говоря, я не помню, как мы торговались, по-моему, даже отошли от портрета на пару минут и вновь вернулись…

Продавец сначала назвала цену в четыре тысячи евро, но в конце концов мы сошлись на трех тысячах двухстах. При этом договорились, что оплата будет чеками: я выпишу два чека прямо сейчас, но один из них мне предъявят к оплате сразу, а второй — только через месяц.

Этот ритуал — «поторговаться», — с моей точки зрения, есть часть обязательной традиции, и настоящий ценитель, коллекционер никогда не должен им пренебрегать.

Совершая покупку обдуманно и не спеша, мы доставляем не только пользу своему карману, но в какой-то степени и моральное удовлетворение продавцу.



Счет-фактура

Словом, в конце концов портрет мы вместе с антикваром сняли с белой стены, и она отдала его нам в руки.

Судя по тонкому, хорошему и характерному холсту, с изнанки эта работа выглядела как изделие XIX века, но продавец твердо стояла на своем: картина написана в XVIII, а возможно, даже в XVII веке. Во всяком случае, никак не в XIX, и она готова

дать любую гарантию, что о позапрошлом веке здесь речь не идет.

— Холст с изнанки, вероятно, результат хорошей реставрации в XIX веке, — сказала она. — Оригинальный холст состарился, и его укрепили, бережно наклеив на более новый.

Мадам, которая продавала картину, приехала из Монако, она представляла небольшую монакскую галерею, впрочем, довольно известную на Юге Франции среди специалистов и коллекционеров.

Я попытался расспросить ее насчет «провенанса» картины, то есть происхождения и истории владения работой, но продавец не захотела говорить на эту тему.

Она скупо сообщила, что прежний владелец, женщина-музыкант из Монако, скончалась, а ее наследники принесли портрет галеристам. Больше нам не удалось вытянуть из нее на эту тему ни слова.

Продолжая мило болтать с нами, продавец оформила, как положено, счет-фактуру на три тысячи двести евро.

Как только картина и счет оказались в наших руках, мы тепло попрощались и, насколько это вообще было возможно в такой ситуации, неспешно, степенно удалились.

Однако, едва выйдя из здания, мы оба не сговариваясь со всех ног бросились к своей машине и, забыв про другие дела, помчались прямо домой.

Меня лично потряхивало от возбуждения.

Теперь не надо было скрывать свои чувства и радость от покупки, поэтому в машине мы дали волю эмоциям. Было ощущение, что сегодня нам удивительно повезло и мы с Ириной приобрели нечто выдающееся.

Приехав домой примерно через сорок пять минут, мы тут же сняли со стены чудесную акварель московской художницы Сони Дешалыт и на ее место повесили портрет.

От этой великолепной работы, сразу же овладевшей всем пространством зала, трудно было оторвать взгляд, но рама картины вскоре стала нас раздражать.

Она представляла собой довольно вычурное изделие из дерева и крашенного «под золото» гипса, которое совсем не подходило к настроению портрета. Ее нельзя было назвать китчевой, но она просто-напросто ему не шла…

Рама, очевидно, сопровождала этот холст уже как минимум несколько десятилетий: по стилю ее можно было безошибочно отнести к началу XX века, но не факт, что эта рама заказывалась именно для нашего портрета.

Сама по себе она была не ахти какая красивая, и к тому же прежний владелец зачем-то сделал ее еще более уродливой. Наш

предшественник приклеил крашенные «под золото» вставки в каждый из четырех ее углов, и теперь они придавали прямоугольной, строгой картине овальную форму в соответствии с модой XVIII века.

Диссонанс между каким-то убогим гламуром и строгой силой изображенного персонажа невозможно было терпеть, со временем он ощущался все сильнее, мешая наслаждаться портретом и в конце концов стал невыносим.

Несмотря на протесты жены, я решительно снял картину со стены и вынул ее из рамы. Которую, к счастью, для этого пришлось сломать.

Ирина останавливала меня, предлагая сначала заказать новый багет, а уж потом избавляться от старой рамы. Но я больше не мог терпеть — она мне здорово мешала.

В процессе расправы над богато облепленным позолотой гипсом нас ждал еще один сюрприз этого дня.

На одной из тех самых угловых вставок, которые раздражали больше всего, чья-то (очевидно, женская) рука написала несколько слов графитовым черным карандашом.

Четкий почерк выдавал человека «из прошлого времени», и хотя надпись была сделана впопыхах, на скорую руку, читалась она легко, и над всеми і, образно говоря, были расставлены точки.

Надпись гласила: «Голова мужчины. Бенвенуто Челлини».

Из надписи следовало, что автора картины зовут Бенвенуто Челлини.

Иными словами, надпись утверждала, что этот самый Челлини изобразил некоего бородатого мужчину, чья личность неведома.

Фрагмент рамы с надписью

Позвольте… Челлини? Бенвенуто? Это какой же Челлини? Тот самый Челлини?!.. БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ?!!

Путем сэра Джона

Мы оба с Ириной перечитали надпись несколько раз и попытались ее осмыслить. Она явно относилась именно к этому портрету, и никакому другому.

Но как понять и принять смысл написанного: Бенвенуто Челлини автор этой работы? Тот самый Кровавый Ювелир?

Нет. Что вы, этого не может быть. Ерунда какая-то… Разве он был художником? Да и портрет этот XVIII века, как сказала нам продавец, а Челлини умер в конце XVI века.

Ну мало ли что пишут на некрасивых рамках картин? Нет, нет, решительно этого не может быть.

Но интересно…

Мысль уже неудержимо неслась дальше:

А кто, собственно, изображен на портрете? Причем здесь вообще Челлини? Может быть, это более поздняя копия, которая имеет какое-то отношение к XVI веку и легендарному Бенвенуто?

Все наши мысли и предположения вертелись теперь вокруг Челлини.

Но что мы действительно знаем о нем, самом знаменитом ювелире нашей цивилизации, мистике, гордом итальянце, достаточно аморальном, чтобы не упоминать его имя на школьных уроках? Почти ничего. Какие-то смутные ассоциации с убийствами, папами, королями, вычурной золотой посудой и статуей Персея на главной флорентийской площади…

В нашей домашней библиотеке, впрочем, нашлась его автобиография, но в переводе — на чешском языке. Ирина купила ее, когда мы еще жили в Праге.

Недолго думая я сел перед компьютером и начал терзать поисковики. Информация о Бенвенуто в Сети имелась, но постоянно скупо повторялось одно и то же.

В книгах по искусству и альбомах с репродукциями, которые оказались у нас под рукой дома, о самом Челлини тоже было написано весьма сухо…

Словом, Ирина присоединилась ко мне, мы оба нырнули в Интернет и составили список всех книг, которые стоило приобрести, начиная с его собственных, конечно.

Потом я взял портрет и поехал к знакомому мастеру, чтобы заказать для картины новую раму.

В этот раз мы выбрали строгий багет, без всяких финтифлюшек, и, как мне кажется, не ошиблись. По-моему, наша рама теперь очень подходит к портрету.

Книги, заказанные по почте, поступили к нам в офис

увесистыми посылками уже недели через две.

Однако самую нужную из книг нам посчастливилось приобрести почти случайно. Мы не знали о ее существовании, а в Сети нам как-то не попалась информация о ней, и потому мы ее не заказали.

Вот как это произошло.

Вскоре после описанных событий нам пришлось съездить по делам в Париж. И, как всегда, по нашей семейной традиции мы заглянули в Лувр.

Каждый раз, бывая в столице Франции, мы стараемся попасть в этот великий музей и осмотреть хотя бы пару залов.

На первом этаже есть небольшая, ничем не примечательная книжная лавка. Мы любим в ней порыться после прогулок по Лувру, когда есть для этого время и дети не отвлекают нас.

В этот раз тем более мы никак не могли миновать наш любимый магазинчик, поскольку искали какие-нибудь книги или альбомы, которые пролили бы свет на загадку человека с портрета.

Я, честно говоря, как человек с «техническим» складом ума, все-таки сомневался, что наш портрет имеет отношение к Челлини.

Тем не менее, принимая во внимание качество картины и выдающееся мастерство ее создателя, я предполагал, что на нем изображен какой-нибудь известный человек. Поэтому вполне возможно, что мы случайно встретим это лицо где-нибудь еще.

Ведь, в конце концов, и современный мир тесен, как говорится, а уж тем более в XVII–XVIII веках он был и вовсе мал.

В каталогах, альбомах, книгах по искусству XVI–XVIII веков, попавших мне под руку, я бессистемно искал изображение лица, похожего на «наше».

Я ставил перед собой задачу сначала установить личность этого самого бородатого человека в красном капюшоне, а уж потом будет видно, как именно поступать дальше.

Нас, понятное дело, в конечном плане интересовала атрибуция картины — установление ее принадлежности кисти определенного художника и определение времени создания. Установив личность персонажа, мы могли существенно сузить круг поиска кандидатов в авторы работы.

Идти сразу к искусствоведам, не зная о портрете ровно ничего, совсем не хотелось. Тем более что монакские антиквары уже оценили эту картину в смехотворную сумму, и, на мой взгляд, они поступили довольно самоуверенно.

Впрочем, была надежда, что специалисты справятся с атрибуцией гораздо лучше, если они будут располагать какими-то

дополнительными данными — провенансом работы или сведениями об изображенном персонаже, художнике и самом артефакте, о технике и материалах, использованных при его создании.

Словом, я листал книгу за книгой, альбом за альбомом, не обращая внимания на надпись, оставленную нам на сломанной раме прежним владельцем.

Немного раздражало, что в работах ни XVII, ни XVIII веков я не видел стилистически похожих картин. Зато нечто подобное встречалось в XVI веке и потом в XIX. Это меня злило — я чувствовал, что XIX век здесь ни при чем, а о XVI еще даже и не думал. И от этого диссонанса никак не удавалось избавиться.

Однако у Ирины, как я чувствовал, сложилось другое мнение…

Еще дома, на Юге Франции, когда мы открыли надпись на изнанке угловой вставки, она задумчиво протянула:

— А ведь Бенвенуто Челлини — это Скорпион…

— Ну и что?

— На картине бородатый мужик — это Скорпион, Олег.

— Да ладно, откуда ты знаешь?

— Я со Скорпионом прожила шестнадцать лет, если ты забыл… (Она имела в виду наш брак и меня. Ее личный Скорпион — это я.)

Я отмахнулся от жены и поскорее выбросил из головы этот ненаучный бред.

Я-то сразу понял, куда клонит жена: она таким образом намекала мне, дипломатично и издалека, что на картине, возможно, изображено лицо самого Челлини. То есть, вероятно, это портрет Челлини. Возможно, более поздняя копия с какого-то прижизненного портрета. Так, по крайней мере, я понимал ее туманные намеки.

Но я сразу и решительно пресек все подобные разговоры: мы не какие-нибудь мечтатели. Мы солидные коллекционеры и придерживаемся строго научных и подтвержденных фактов, а не оккультных домыслов.

И вот я стоял в луврской лавке, упорно листая книги по искусству XVII–XVIII веков. Ничего похожего на наш портрет. Ни стиль, ни выражения лиц персонажей, ни манера письма, ни тем более лица.

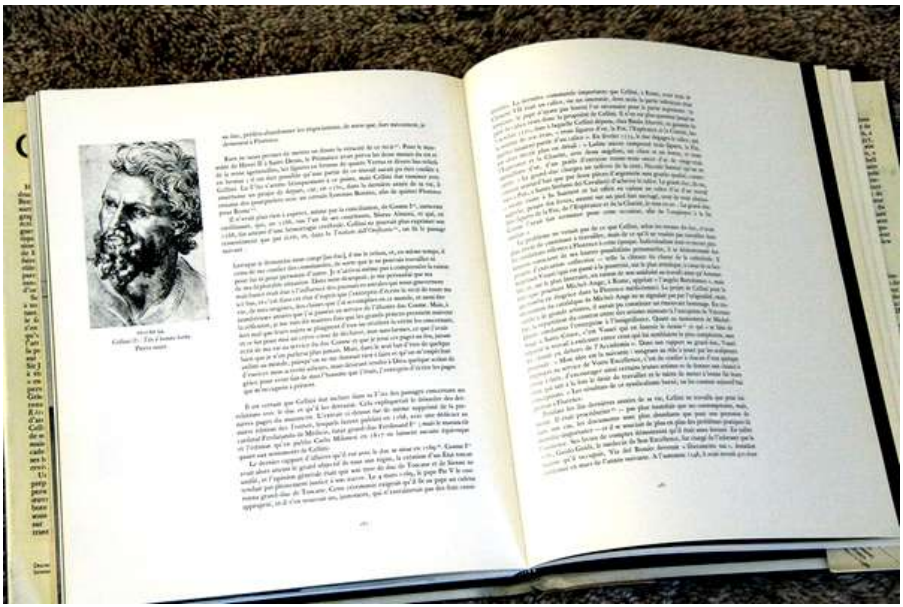
И в этот самый момент Ирина вдруг подошла ко мне с большим фолиантом в руках.

Едва взглянув на ее лицо, я сразу спросил:

— Нашла, что ли?

— Смотри…

Она показала мне страницу из глянцевого, дорогого издания в твердом переплете, на которой была репродукция рисунка, изображавшего того же человека, что и на нашем портрете. Под рисунком стояла подпись: «Челлини (?). Бенвенуто Челлини, рисунок. Библиотека Реале, Турин».



Разворот из книги «Бенвенуто Челлини» Джона Поупа-Хеннесси

Это был он, тот же самый человек, что и на нашем портрете, — никаких сомнений, только лет на 10–15 моложе и смотрел немного в сторону уверенным, орлиным взором.

Я молча достал из кармана фотографию. (Здесь на иллюстрации для удобства рисунок Челлини развернут вправо, как на оригинале. В книге он смотрит влево из-за ошибки верстальщиков.)

Два портрета в сравнении

Бенвенуто Челлини. Фрагмент доспеха Козимо Первого Медичи (фото взято из книги «Бенвенуто Челлини» Джона Поупа-Хеннесси)

Да. Это был он. Я неловко повернул тяжелую книгу и посмотрел на обложку: «Бенвенуто Челлини». Автор — какой-то Джон Поуп-Хеннесси.

«Хм… Англичанин, видимо, раз Джон», — прозорливо догадался я. Но надо признать, что имя автора при этом само собой связалось у меня исключительно с маркой французского

коньяка. Других ассоциаций не возникло.

Я второпях полистал фолиант и наткнулся на еще одно изображение знакомого лица в виде морды сказочного козлольва на доспехе Козимо Первого Медичи.

Рассмотрев этого самого козлольва, я решительно захлопнул альбом.

План наших дальнейших действий теперь совершенно прояснился: первым делом книгу немедленно следует купить, а уж потом, в спокойной обстановке, разберемся, при чем здесь коньяк, козлольвы, Челлини и англичане.

Поскольку я человек практичный, то сразу решил приобрести несколько экземпляров безусловно полезной нам книги. Один отвезем в Москву, другой пригодится в нашем доме на Юге. Остальные книги, может быть, придется подарить кому-нибудь… Да мало ли какая случится потребность и оказия?

Но к нашему удивлению оказалось, что книга — единственная в магазине. Это букинистический товар, ее как раз сегодня кто-то принес и сдал на комиссию. А Ирина так удачно ее нашла на полке.

Мы с женой еще не знали, что такие удачи и находки будут сопутствовать нам постоянно, при том что в целом путь наш окажется чрезвычайно долог, труден, опасен и тернист.

За кассой магазина нас встретила уже немолодая, прямо скажем, пожилая француженка весьма интеллигентного вида.

Было похоже, что она — управляющая или даже сама владелица магазина, по каким-то причинам временно заменившая штатного кассира.

Мадам взяла книгу и вдруг пристально посмотрела прямо мне в глаза:

— У вас хороший вкус. Отличный выбор, месье. Это выдающаяся книга. Премия Вазари за 1986 год. Интересуетесь скульптурой?

— Я?

Вопрос застал меня врасплох, и я растерялся.

Мадам понимающе улыбнулась. Я сообразил, что для самопиара надо было солидно и веско сказать, мол, да, интересуюсь, еще как… Но момент был упущен, теперь говорить что-либо было бы нелепо, и потому я просто ответил, неловко стушевавшись:

— Мерси, мадам, оревуар.

— Оревуар, месье. Бон шанс…

Спиной я почувствовал ее долгий взгляд, будто она благословляла меня.

«Чего ей надо? Наверно, она одинока», — решил я для себя и

тут же забыл о ней.

Больше эту женщину я никогда не видел, хотя заглядывал потом в ту лавку неоднократно и даже специально искал ее глазами.

Ирина уже ждала меня у выхода на улицу, и мы отправились из Лувра прямо в отель.

По нашей семейной традиции мы всегда в Париже останавливаемся в одном и том же отеле на улице Сент-Оноре.

По-моему, этот район между площадью Вандом, площадью Согласия и Лувром — самое удобное место в городе, который «стоит мессы».

Несколько раз мы с женой пытались сменить привычку и бронировали номера в других гостиницах неподалеку, но в конце концов всегда возвращались сюда.

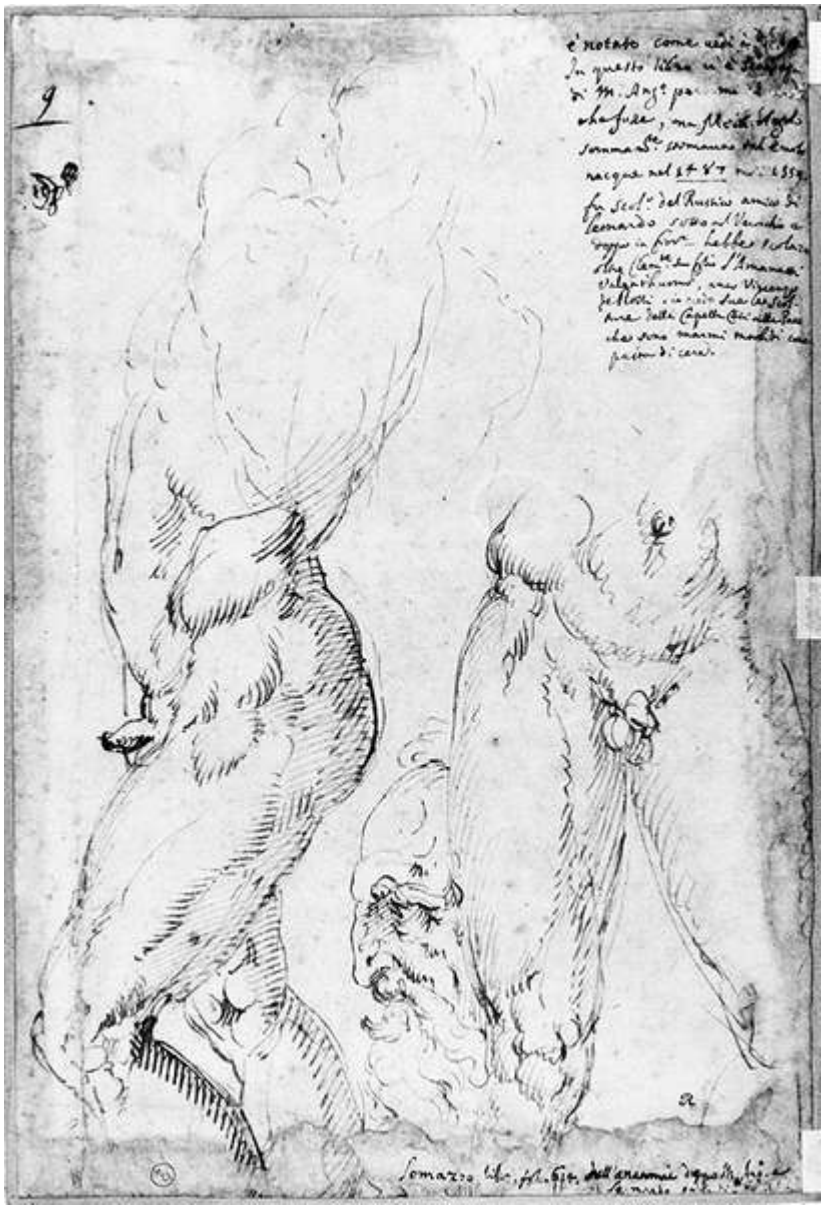
Мы пошли в наш уютный отель пешком. Это совсем недалеко от Лувра, и по дороге парижские декоры казались нам какими-то необычно возвышенными, сказочными и исполненными особого смысла.

В отеле, в своем номере, мы принялись увлеченно разглядывать книгу.

Как оказалось, Джон Поуп-Хеннесси — это великий искусствовед, бывший директор Британского музея (British Museum), а также Музея Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum), потомственный английский аристократ и лучший в мире специалист по Челлини.

К сожалению, к тому моменту, когда мы впервые прочли о нем, он уже скончался во Флоренции несколько лет тому назад.

Так вот, из книги мы узнали, что в Королевской библиотеке города Турина, оказывается, хранится рисунок, выполненный Бенвенуто Челлини собственноручно. (См. главу «Турин. Библиотека Реале».) На одной стороне листа бумаги — наброски фрагментов статуй и текст, написанный рукой Челлини. А на другой стороне этого же листа — портрет человека с каким-то мятежным выражением лица, который Ирина показала мне в магазине.



Бенвенуто Челлини. Рисунок (лицевая сторона и оборот). Турин, Королевская библиотека

Из текста следовало, что Джон Поуп-Хеннесси предполагал: рисунок сей есть на самом деле автопортрет Челлини. Предполагал и даже утверждал это, но все же ставил знак вопроса.

Кроме того, в книге говорилось, что люди и искусствоведы не знают, вернее, забыли, «как выглядел Бенвенуто Челлини, когда

был еще относительно молодым человеком».

Еще там упоминалось, что народная легенда гласит, что, мол, на затылке своей самой знаменитой скульптуры «Персей» Бенвенуто тоже изобразил свое лицо.

Оказывается, в XVIII и XIX веках, когда автобиография Бенвенуто вернулась к публике из забвения, он вошел в моду у читателей и его книга «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции» заслуженно стала наконец бестселлером.

Для иллюстрирования книги издателям потребовался портрет автора, давно к тому времени умершего. Но подходящего портрета не нашлось.

Фрагмент скульптуры «Персей». Флоренция, Палаццо Веккио

Бенвенуто Челлини. Скульптура «Персей». Флоренция, Палаццо Веккио

И вообще вдруг выяснилось, что никто не помнит, как выглядел неистовый Бенвенуто. Остались лишь весьма неконкретное словесное описание его внешности и портрет Челлини в виде какого-то безвольного, грустного старца работы великого искусствоведа, но не ахти какого художника Джорджио Вазари.

Старец, о котором идет речь, изображен на фреске в Палаццо Веккио, и еще один — на подготовительном наброске для той же самой фрески.

Образ Бенвенуто, оставленный нам Вазари, при этом никак не соответствует образу, который доносят до нас автобиография Челлини, а также свидетельства его современников.

Поэтому в конце концов многочисленные художники XVIII–XIX веков стали изображать мастера «по словесным описаниям». Все равно ведь никто уже не помнил, как выглядел молодой Челлини. Фактически, изображая его, художники каждый раз выдумывали свой собственный образ.

Вот эти изображения, более или менее удачные, но имеющие мало общего с действительностью, и кочуют теперь всюду, сбивая людей с толку. В качестве примера можно сослаться на великолепный бюст «Челлини» работы скульптора Романелли, тот, который стоит на Понте Веккио, во Флоренции. Это превосходная скульптура, но и сам Романелли говорил, что внешность Челлини он себе представил, выдумал.

После беглого знакомства с книгой меня охватило волнение, возбуждение и в то же время недоумение: ну как можно говорить, что настоящее лицо Челлини забыто? Если вот оно: на барельефе, на статуе, на рисунке, на портрете, на бюсте — всюду. Везде одно и то же лицо. И раз одно и то же лицо встречается на многих произведениях автора — значит, это он сам и есть, это же ясно! (См. главу «Антропологическая экспертиза».)

Чего тут умничать?

Три портрета в сравнении

Почему же Джон Поуп-Хеннесси, выдвигая гипотезу, что рисунок Челлини из Турина — это автопортрет, не доказывает ее?

Почему ставит знак вопроса, а не уверенную точку?

Но при размышлении становится ясно, почему именно сэр Джон поступает так, а не иначе.

Дело в том, что лицо на рисунке очень похоже на лицо с нашего портрета. Однако все остальные изображения Челлини, которые теперь мы видим на его работах, похожи скорее на наш портрет, чем на рисунок из Турина.

Иными словами, портрет, который мы случайно приобрели, вдруг открыл нам и другим людям глаза, и теперь на произведениях Челлини мы видим его автопортреты, которые раньше искусствоведы и зрители почему-то оставляли без внимания.

Возможно, тут дело в том феномене, который описывает в своей книге Джорджио Вазари, утверждая, что портретное сходство оригинала с рисунком всегда меньше, чем с живописью. Поэтому рисунок из Турина не мог открыть глаза искусствоведам и историкам искусства.

К счастью, оказалось, что Бенвенуто Челлини изображал себя на собственных произведениях каждый раз, как только подворачивалась такая возможность.

Благодаря нашему портрету мы видим это, а у сэра Джона не было в распоряжении нашей находки, то есть не было универсального ключа для доказательства своей гипотезы.

Поэтому, вероятно, он и не стал ее доказывать, просто-напросто «продавив» истину своим авторитетом. В конце концов, при жизни он считался наиболее компетентным исследователем творчества Челлини среди своих современников, и с ним в академическом мире было рискованно открыто спорить.

Однако после смерти сэра Джона ситуация несколько изменилась, и некоторые специалисты стали оспаривать тот факт, что туринский рисунок — это автопортрет Бенвенуто.

Особенно не совпадают, на первый взгляд, рисунок из Туринской библиотеки и портрет Челлини с фрески работы Вазари из Палаццо Веккио. Однако появление нашего портрета смогло примирить между собой и эти два изображения, утвердив правоту сэра Джона.

Чуть позднее описываемых событий наиболее авторитетная из всех возможных во Франции антропологическая экспертиза доказала, что и старец с фрески Вазари, и Челлини с нашего портрета — одно и то же лицо, хотя и в разном возрасте. (См. главу «Антропологическая экспертиза».)

Челлини! Но кто же автор? Неужели он сам? Ведь надпись на раме свидетельствует именно об этом: «Голова мужчины. Бенвенуто Челлини».

Впрочем… Даже если автор портрета вовсе не Бенвенуто, это никак не умаляет важность другого открытия: ведь теперь мы видим лицо Челлини на многих его произведениях, а до находки оно, к сожалению, было неузнанным.

На самом деле, даже если автор этого портрета останется неизвестным, все равно: наша находка — это ключ, и он работает!

Гостиничный номер стал нам внезапно тесен. Хотелось летать или по крайней мере двигаться, ходить, бесконечно говорить об этом.

Мы тут же собрались и, вне себя от радости и возбуждения, отправились в ресторан неподалеку, чтобы выпить шампанского. Отличный выбор шампанских вин, причем доступных по цене, — одна из позитивных сторон французской жизни.

Позднее все наши предположения, сделанные в номере гостиницы на улице Сент-Оноре, были полностью подтверждены экспертами.

Оказалось, что мы действительно обнаружили автопортрет, на который Челлини вдохновили фрески Кампо Санто в Пизе и который он создал для собственной книги. Вероятно также, что именно эта картина висела в вестибюле его дома в день кончины мятежного Бенвенуто. (См. главы: «Антропологическая экспертиза», «Технический анализ пигментов и основы картины», «Загадка красного капюшона…», «Стилистическая экспертиза», «Нотариальный акт 1572 года».)

Слепая стража

На следующее утро после знакомства с гипотезой Джона Поупа-Хеннесси мы улетели домой, на Юг. Мы покинули Париж из аэропорта Орли в направлении Ниццы.

И я и Ирина прекрасно понимали, что теперь картину следует как можно скорее показать профессионалам, причем чем выше в иерархии искусствоведов и экспертов окажется этот человек, тем лучше.

«Лучше пока не мечтать, — рассудили мы с женой. — Пусть выскажутся профессионалы из мира искусства, а там посмотрим».

Но, в любом случае, раз с помощью нашего ключа можно совершать научные открытия — это здорово! И, безусловно, ценно с точки зрения науки и культуры.

Не все ведь в жизни меряется только толщиной кошелька.

Портрет мог познакомить миллионы неравнодушных людей с настоящим лицом и цветом глаз одного из талантливейших людей в истории. Разве этого не достаточно для радости?

Теперь, в самолете, сидя в узких синих креслах Air France, мы обсуждали с Ириной, как нам лучше организовать «смотрины», то есть презентацию картины публике и специалистам.

«Поле» искусства нам было на тот момент совершенно незнакомо, и требовалось особенно хорошо продумать, как именно действовать и поступать. (См. главу «Сумрак».)

Поэтому по прилете в Ниццу мы сначала решили самостоятельно разобраться в законодательстве, ознакомиться с принятой во Франции практикой, хотя бы поверхностно.

Прежде всего мы выяснили, как осуществляется «регистрация» ценных произведений изобразительного искусства, каков порядок их вывоза за границу, а также какова система налогообложения в случае продажи или наследования.

Юристы нашего собственного предприятия подготовили для нас информационную справку, из которой мы узнали, что с 2002 года в Европе вступил в действие новый закон, регламентирующий все вопросы владения и перемещения ценностей в странах ЕС (L92 1477 31/12/92, Decret 93-124 29/01/1993). Закон дополнялся многими юридическими актами, и все их здесь цитировать невозможно.

Говоря попросту, каждая картина, которая стоит больше, чем сто пятьдесят тысяч евро, может (а в некоторых случаях и должна) получить так называемый «Certificat d'exportation pour un bien culturel». Этот сертификат выдает Министерство культуры

Франции, и наш случай как раз вполне классический для подобной процедуры.

Документ служит разрешением на вывоз артефакта за пределы страны и ЕС, а также свидетельствует, что конкретно эта картина не находится в розыске, не является частью национальных коллекций и не представляет собой сокровища французской нации. (То есть не является народным достоянием, по-русски говоря.)

Если Минкульт откажет обратившемуся в выдаче сертификата, например, потому, что произведение искусства — выдающаяся культурная и историческая ценность, государство обязано эту работу выкупить у коллекционера в течение двух лет, если, конечно, он пожелает ее продать.

Четко прописана в законе и процедура справедливой оценки произведения.

Короче, нам в любом случае требовалось обзавестись этим самым сертификатом, хотя мы понимали: скорее всего, нам откажут в нем, и тогда картина будет официально признана национальным достоянием Франции.

Так мы рассудили с женой.

Процедура подачи официальной заявки на сертификат от коллекционера довольно проста, логична и, на взгляд иностранца, привыкшего ко всяким местным бюрократическим сложностям, вполне понятна. Для ее оформления требуется подготовить пару фотографий картины размером десять на пятнадцать сантиметров, скачать с сайта Министерства культуры формуляр заявки, заполнить его и отправить по почте в Париж, приложив фотографии.

Министерство культуры назначит дату и место встречи с экспертом, заявитель должен будет привезти туда работу, эксперт ее осмотрит, и в случае, если не возникнет возражений, просителю выдадут сертификат.

Если же работа особенно ценная, эксперт приедет сам на место ее постоянного хранения и осмотрит прямо там.

Вся процедура осмотра артефакта и выдачи документа проходит совершенно бесплатно. Эксперты — лучше не придумаешь. Это сотрудники Лувра.

Одно непременное условие не должно быть нарушено, по процедурным правилам: прежде чем выдадут сертификат, эксперт должен лично осмотреть произведение искусства.

Ознакомившись с принятым порядком, мы обрадовались. Во-первых, чего же нам еще желать? Государственный, высокопрофессиональный сотрудник Лувра осмотрит нашу работу. Его экспертная оценка на практике гораздо весомее, чем

мнение какого-нибудь частного, коммерческого специалиста.

Во-вторых, мы были уверены, что научный взгляд и культурная значимость возобладают над любыми меркантильными условностями. Картину сразу же заметят ученые, и, если они установят, что она действительно ценная, мы договоримся, на каких условиях передать ее в Лувр.

По крайней мере, портрет следовало изучить. Мы именно этого и желали и вовсе не думали в тот момент о какой-то наживе. Разумеется, мы с женой не отказались бы от денег, однако понимали, что государственные музеи во Франции не располагают большими бюджетами для закупки картин, а вывезти портрет в США или другую страну, где много денег, нам все равно не разрешат.

В глубине души мы с Ириной надеялись отдать картину в музей «на длительное хранение». Но в крайнем случае готовы были подарить ее Франции, ведь с этой страной мы собирались связать свое будущее и судьбы наших детей.

Словом, все вроде складывалось отлично: наши интересы, как нам казалось, не противоречили интересам Франции и полностью совпадали.

Оставалась единственная сложность. Опасаясь очередной пакости от мытарей (налоговиков) или каких-нибудь жуликов-рейдеров, мы сошлись во мнении, что нам лучше сохранять анонимность так долго, как сможем.

А значит, нанять французского адвоката было бы неосторожностью. К сожалению, у нас уже имелся отрицательный опыт, о котором я подробнее рассказываю в главе «Сумрак».

Тем не менее дело начиналось важное, и без советчика нам было никак не обойтись. Поэтому мы решили поискать хорошего юриста в России. Такого, чтобы он имел международные связи и авторитет.

Перебрав кандидатуры наиболее известных адвокатов Москвы, предварительный выбор мы остановили на Павле Алексеевиче Ипатьеве.

В 2005 году он еще не был государственным чиновником и снимал офис недалеко от ресторана «Прага».

Наши ассистенты договорились о встрече, и я приехал к нему для переговоров в конце сентября 2004 года. Павел Алексеевич любезно принял меня в кабинете с кожаной мебелью ярко-желтого цвета. Сам он был одет в элегантный костюм фирмы Brioni и розовый с переливом галстук. На ногах красовались бордовые блестящие туфли из тонкой кожи угря. Из нагрудного кармана пиджака выглядывал красивый радужный шелковый платок.

Я представил себе Павла Алексеевича на пресс-конференции, посвященной выдающемуся открытию, среди экзальтированной публики, и понял — это самое оно. Как раз тот, кто нам нужен.

Павел Алексеевич к тому же не ломался и взялся за это дело охотно.

Мы споро и деловито оговорили гонорар, который, кстати, в десятки раз превысил сумму сделки с картиной…

Само собой, мы обсудили и вознаграждение господина Ипатьева в процентах от суммы сделки на случай, если нам все-таки придется продать картину, а Павел Алексеевич будет посредником, то есть непосредственным участником этой сделки.

Как я уже сказал, на продажу картины мы не очень-то рассчитывали, и потому гонорар в виде процентов от суммы хоть и был весьма увесистым, но скорее гипотетическим. Потому другая часть гонорара, фиксированная, была достаточно велика, чтобы в любом случае удовлетворить адвоката.

Словом, мы пришли к полному согласию по всем пунктам. Я отдал адвокату фотографию портрета и уехал.

Вскоре Павел Алексеевич подтвердил мейлом свое согласие работать по предложенному мной делу. Мы договорились, что адвокат сам, от своего имени, подаст заявку на сертификат в Минкульт в Париже, хотя все тексты и информацию ему для этого подготовит наш французский офис.

Исполняя наши договоренности, мои ассистенты во Франции не мешкая заполнили формуляр заявки и, снабдив запрос фотографиями нужного формата, отправили его через руки Павла Алексеевича по установленному адресу.

Но еще до того, как мы подали официальную заявку, я снова тщательно осмотрел картину и вдруг обнаружил, что она выполнена на самом деле отнюдь не на холсте.

Если очень внимательно присмотреться, видно, что основа, на которую непосредственно наложены красочные слои, — это на самом деле нечто вроде плотной, очень толстой бумаги или даже картона, аккуратно наклеенного на холст.

Позднее физико-химический анализ, проведенный в специализированной лаборатории, показал, что я был прав: это действительно особая бумага, которая была в ходу во Флоренции и вообще в Италии с незапамятных времен. (См. главу «Технический анализ пигментов и основы картины».)

В основе ее состава — шелк и немного шерсти. Материал радикально отличается от современного, толстые плотные листы практически вечны, они не подвержены желтению или старению.

Как выяснилось, в XVI веке картины, а скорее, скетчи, выполненные маслом на бумаге, в Италии не были редкостью.

Хотя, конечно, художники чаще всего рисовали на деревянных досках или холсте. (См. главу «Стилистическая экспертиза».)

Бумага, тем более та, прочная и вечная бумага эпохи Ренессанса, имела свои привлекательные для художников свойства по сравнению с холстом, поэтому они частенько обращались к ней.

Подбор итальянских картин XVI века, выполненных масляными красками на бумаге, и их исследования в 2011 году были проведены по нашей просьбе замечательным искусствоведом из Оксфорда с помощью Института Курто в Лондоне.

Но тогда, в 2005 году, я еще ничего не знал об этом. Поэтому просто отрезал малюсенький кусочек материала с самого края, положил его под микроскоп в нашей лаборатории и рассмотрел как мог.

Я увидел, что это бумага, и без всякой задней мысли так о сем факте в заявке и написал.

Поскольку в это время мы еще не имели на руках ни рапорта исследования, ни результатов анализов пигментов и основы картины, мне, неспециалисту, визуально трудно было понять, темпера или масляные краски использовались художником. Когда масляные краски богаты пигментом, а масла в них совсем мало, и вовсе непросто разобраться на глаз.

Об этом я тоже честно написал в анкете.

Словом, мы отправили в Минкульт заявку, для пущей ясности указав, что речь идет предположительно об автопортрете Бенвенуто, и стали ждать ответа.

«Автопортрет не автопортрет, пусть эксперты разберутся, а мы заявим по максимуму», — решили мы.

Между делом я с удовольствием начал читать замечательную книгу самого Челлини «Жизнь Бенвенуто…».

На ее мягкой обложке издатели поместили какую-то невнятную физиономию неведомого бедолаги. Я заклеил унылое лицо, намазюканное плохим художником, фотографией настоящего портрета Челлини, и книга сразу же «заиграла» совсем иначе.

Надо сказать, что это какое-то неземное удовольствие — читать искрометный автобиографичный текст, написанный в свободной манере с превеликим юмором, и при этом наслаждаться полным душевным контактом с автором. Возникает ощущение личной связи, даже дружбы с ним.

За заботами, бизнесом и чтением книг по истории искусства недели бежали быстро. И вот через каких-то пару месяцев французский Минкульт прислал мэтру Ипатьеву письмо.

Я думаю, что благодаря выходу на киноэкраны фильма «Код да Винчи» и ожиданием в связи с этим повышенной ажитации публики работники министерства интересовались: все ли в порядке у заявителя с головой? Не склонен ли болезный к фантазиям и выдумкам?

Именно эти высокомерные вопросы читались между строк, хотя с формальной точки зрения Минкульт сухо просил нас сообщить имя автора, размеры, технику… То есть все то, что уже и так было указано в заявке.

Ну, мы так и ответили: «Смотри заявку, там есть все ответы на ваши вопросы, но на всякий случай дублируем». И выслали эту самую заявку снова.

Еще раз повторю: эксперты обязаны были осмотреть работу лично. Однако мы находились во Франции, и здесь имели место свои нюансы: возможно, наше дело попало в руки «искусствоведа» перед обедом или в пятницу. Возможно, этот «искусствовед» оказался одним из тех, кто считает себя великим, и просто поленился. Я не знаю…

Однако факт остается фактом: работник Минкульта не стал заморачиваться с осмотром «автопортрета Бенвенуто Челлини», зевнул и, более не утруждаясь перепиской, просто взял да и выписал сертификат.

То есть без всякого осмотра министерские сотрудники выдали нам «Certificat d'exportation pour un bien culturel» на картину, обозначенную как «Автопортрет Бенвенуто Челлини, 1558 год, Флоренция».

Этот документ просто упаковали в обычный конверт и отправили его к нам по почте. Когда я через несколько дней вскрыл своими руками этот самый конверт и увидел сертификат, то не поверил своим глазам.

Прошло некоторое время, прежде чем я смог осознать происшествие и смириться с ним.

Вот этот простой факт, нелепое происшествие, направил потом судьбу картины и нашу жизнь по весьма и весьма тернистому пути, полному опасностей, угроз, двусмысленных событий, страха и горьких обид.

Сколько раз я поминал этого «искусствоведа» «добрым словом» во время допросов или видя круглые от удивления глаза специалистов в области искусства: «Этого не может быть! Вам не могли выдать сертификат на эту работу! Подобное невозможно, она слишком ценна для Франции!»

И хотя с формальной точки зрения никто из официальных лиц ничего не мог нам предъявить в качестве обвинений, мои правдивые объяснения о том, что сертификат выдан без осмотра и

по недосмотру, не действовали. Мне просто-напросто не верили, вполне объяснимо подозревая какую-то аферу.

Из-за этого возникали недоверие, болезненная осторожность и барьеры в общении.

LA POSTE

RA2292 2811 2 FR

AVIS DE RÉCEPTION DE VOTRE ENVOI RECOMMANDÉ

REÇU LE 17 OCT. 2005

PARIS-LOUVRE 12 6-10 2005 CENTRE DE DISTRIBUTION

Présenté le : 05 OCT. 2005

Distribué le :

Signature du destinataire :

MUSEE DU LOUVRE
Bureau Courrier
75058 PARIS CEDEX 01

RETOUR À :

AVIS DE RÉCEPTION

Cher Monsieur,

Nous vous contactons aujourd'hui sur les conseils de Monsieur Blaise Ducos afin de vous proposer le dépôt d'un tableau.

Monsieur Ducos nous a assuré de votre compétence en la matière et vivement recommandé de vous écrire pour vous expliquer notre offre.

Nous avons entre nos mains une œuvre que nous souhaitons exposer gratuitement au grand public. L'origine de ce tableau est française. Dès lors, nous estimons qu'il est logique qu'il trouve sa place au musée du Louvre.

Il s'agit d'un autoportrait de Benvenuto Cellini. L'importance de cette œuvre est considérable et il est presque incroyable de penser qu'elle existe réellement.

Nous avons fait procéder à l'examen anatomique qui confirme qu'il s'agit bien de Benvenuto Cellini. Nous avons réalisé également d'autres analyses (physico-chimiques et morphopsychologies), qui confirment toutes qu'il s'agit bien de l'orfèvre et sculpteur italien.

Par ailleurs, si ces recherches nous permettent de dire que ce portrait représente Benvenuto Cellini, il y a aussi de fortes chances pour qu'il ait été également réalisé par lui-même.

Les différentes analyses effectuées par des experts agrées auprès des cour d'appel de Paris et Lyon sont jointes à ce courrier et vous permettront d'avoir une vision plus complète du dossier.

Il nous semble important qu'une telle œuvre puisse être admirée par tous, c'est la raison pour laquelle nous nous tournons aujourd'hui vers vous. Nous pouvons nous engager à long terme, mais nous sommes ouverts à toutes propositions. Nous vous informons également qu'apparemment le propriétaire ne souhaite pas vendre.

Nous restons à votre disposition pour vous rencontrer afin de discuter de la place que cette oeuvre peut indéniablement trouver au sein du musée du Louvre.

Dans l'attente, je vous prie de bien vouloir agréer, Cher Monsieur, l'expression de mes salutations les plus respectueuses.

Alicia MILOR

Сертификат, выписанный в Лувре, и почтовый конверт

Итак, получив сертификат на руки и не удостоившись даже

осмотра, несмотря на все свое разочарование, перед лицом моего адвоката я сделал вид, что это хорошая новость. Насколько мне это удалось, не знаю, но я честно старался.

По крайней мере мы снова встретились с Павлом Алексеевичем, обсудили план наших дальнейших действий и решили, что картину все-таки лучше пристроить в хороший музей, а не пытаться продать в частные руки.

И раз этого не хотят французы, пусть будут итальянцы. Еще лучше. Ведь Бенвенуто хоть и имел французское гражданство и даже статус аристократа, дарованный ему личным другом — королем Франсуа Первым, но все равно всегда оставался итальянцем и в Италии умер.

Однако, хотя французы уже разочаровали нас с Ириной, мы смирили свое эго и осенью 2005 года еще раз дали им шанс. Я написал письма в Лувр, предлагая дирекции свое сотрудничество и обращая ее внимание на трагическое недоразумение.

Напрасно. Ответа на этот раз мы и вовсе не получили.

К сожалению, история с выдачей экспортного сертификата без обязательного осмотра Министерством культуры Франции повторялась в нашей дальнейшей судьбе неоднократно.

Мы пробили в Минкульте самую настоящую брешь, мне кажется, я мог бы получить там сертификат на любую картину эпохи итальянского Ренессанса, вплоть до «Джоконды», также без осмотра, просто почтой.

Что касается других периодов и школ, то там процедура никогда не нарушалась и обязательно включала осмотр произведения экспертом.

Достояние республики

Но нет худа без добра, и когда наш российский адвокат увидел и подержал в руках этот самый сертификат, у него исчезли всякие сомнения насчет легитимности и правовой чистоты картины. Поэтому, естественно, он начал активно рассказывать о ней при случае своим знакомым, уже не опасаясь неприятных сюрпризов.

Как я уже говорил, имя Челлини особенно дорого итальянцам. И вот то ли во время личной встречи, то ли на какой-то тусовке про портрет Бенвенуто Челлини узнала некая госпожа Ирина Строцци. К сожалению, я не был представлен этой светской даме, но слышал о ней много, и у нас даже имелось несколько общих знакомых.

Ирина живет во Флоренции и часто бывает в Москве. По происхождению она русская, но замужем за представителем старинного и влиятельного флорентийского рода Строцци.

Ирина, видимо, передала полученную от Павла Ипатьева информацию тому человеку в Италии, который умеет не просто слушать, но и слышать.

И хотя у госпожи Строцци не было даже фотографии портрета, ее рассказ вызвал самый живой интерес: неожиданно в Москву к Павлу Ипатьеву, не дожидаясь особого приглашения, прилетел весьма почтенный сеньор Джироламо Строцци.

Надо сказать, что сеньор Джироламо не принадлежит формально к миру профессионалов от искусства, хотя это высоко эрудированный, чрезвычайно опытный человек с острым взглядом, который, безусловно, пользуется авторитетом в искусствоведческой среде.

Джироламо Строцци — ученый, профессор. Ему на тот момент было уже за 80. К сожалению, я никогда не встречал сеньора Строцци и знаком с ним исключительно со слов моего адвоката.

Следует еще отметить, что сеньора директриса музея Барджелло (Museo Nazionale del Bargello) во Флоренции, то есть того самого музея, который специализируется на скульптуре и хранит несколько произведений Бенвенуто Челлини, тоже носит имя Строцци.

Если сопоставить и проанализировать все факты, это выглядит таким образом, будто мощный и древний клан Строцци выслал в Москву на разведку своего представителя. По крайней мере только подобной логикой я могу объяснить не только произошедшие до этого, но и случившиеся вскоре события.

Очевидно, что Джироламо прилетел в Москву исключительно с одной целью: увидеть фотографию картины и убедиться, что история с ее находкой и адвокатом — правда.

Согласитесь, что перелет в Москву ради слухов о некой картине, даже фото которой никто из компетентных людей еще не видел, — не совсем обычное дело. Следовательно, итальянцы уже тогда знали, что именно этот, похожий на наш по описаниям, портрет Челлини когда-то существовал в природе, но потом загадочно исчез.

В Италии вообще, и во Флоренции особенно, имеются потрясающие архивы. Во-первых, многие из них сохранились в целости и сохранности с незапамятных времен. Во-вторых, в этой стране скрупулезно записывалось, описывалось и регистрировалось все имущество и каждое, даже незначительное общественное или культурное событие.

Мне кажется, там даже архивы налоговой службы уходят корнями аж в античные времена. Поэтому, я полагаю, итальянские ученые нашли следы нашего портрета.

Павел Алексеевич позвонил мне сразу после визита сеньора Строцци и рассказал примерно следующее.

Джироламо приехал к адвокату домой, но не изволил остаться даже на ужин. Пожилой итальянец не пожелал также вести никаких светских бесед, очевидно считая этот ритуал потерей времени.

Напротив, гость попросил хозяина дома показать ему фотографию. Павел Алексеевич в соответствии с нашим уговором и с моего согласия удовлетворил эту просьбу.

Джироламо взял любительский снимок форматом десять на пятнадцать сантиметров в руки и пристально осмотрел. Потом положил на стол и произнес в смятении, но уверенно: «Да, это он». После чего встал и тут же откланялся. Очевидно, находясь в возбуждении, он даже не просил отдать ему фото.

Адвокат, рассказывая мне о визите, рассматривал произошедшее событие в целом как очень позитивное, хотя и удивлялся суховатым манерам итальянца.

Через некоторое время — по-моему, недели через две — Павла Алексеевича официально пригласили в итальянское посольство для беседы с господином послом. Полномочный представитель Итальянской Республики на встрече в своем особняке осведомился у Ипатьева, правдивы ли слухи?

«Говорят, что Павел Алексеевич представляет интересы коллекционера, у которого в руках находится картина, предположительно портрет Бенвенуто Челлини, способная заинтересовать итальянское правительство».

Адвокат подтвердил, что да, так оно и есть. Слухи правдивы. Тогда посол осторожно спросил о фотографиях, и Павел Ипатьев передал итальянцам снимок портрета.

На этом господин посол тепло попрощался с адвокатом, предупредив, что, вероятно, эта встреча не последняя и что о следующей встрече стороны договорятся позднее.

Тем временем во Франции, у себя дома, я продолжал читать автобиографию Бенвенуто, смакуя каждую страницу. Читал я медленно, внимательно просматривая все комментарии и от комментариев усердно переходя к другим историческим источникам.

Постепенно Ренессанс и люди этой эпохи стали вырисовываться для меня реально и зримо, совсем как живые, хотя и со своими, как говорится, тараканами в голове. Их страсти, заботы, сомнения, слабости и величие становились понятными и близкими. Словом, я органично вживался в эпоху и даже «завязал там кое-какие дружеские связи».

То есть, хочу сказать, что некоторые исторические персонажи казались мне чрезвычайно симпатичными, а кое-кого я на дух не переносил.

При этом ни те ни другие, разумеется, не были ни ангелами, ни демонами во плоти — скорее нечто среднее. Поэтому возникающие симпатии я и называю «дружбой».

По крайней мере имена, даты, кланы, распри, события и их причины выстраивались в моей голове в четкую картину: я уже мог ориентироваться в придворных тонкостях, а процесс изучения истории для меня и вовсе превратился в увлекательную забаву и не требовал более никаких усилий. Я с удовольствием читал учебники и искусствоведческие книги.

И вот однажды мне опять позвонил Павел Ипатьев и сказал, что итальянцы снова приглашают его в посольство, в этот раз для предметных переговоров. Эта новость, безусловно, была радостной. Итальянцы получили в свое распоряжение фотографию и примерно три недели изучали ее.

Прикинем, что неделя ушла у них на административную волокиту и пересылку фото дипломатической почтой. Еще неделя ушла на сбор сил во Флоренции, и вот наконец они сверили изображение с историческими, архивными записями о портрете Бенвенуто и пришли к выводу: да, это изображение Челлини, и переговоры необходимо начинать.

Вообще-то обсуждение картины на таком высоком, можно сказать, высшем уровне никогда не происходит, если полотно не видели лучшие эксперты Италии и не пришли к однозначному

выводу касательно ее ценности. Как выглядел бы посол, если б стал договариваться о том, что Италии не нужно?

Господин Ипатьев не рекомендовал мне присоединяться к переговорам. Ему нравилось быть в центре внимания, и меня тоже это устраивало. На подобных переговорах я бы стеснялся, чувствовал себя с непривычки неловко.

Павел Алексеевич отправился к послу без нас, и я знаю о том, что происходило во время переговоров, лишь с его слов, не имея возможности наблюдать и участвовать лично.

Со стороны итальянцев присутствовало несколько человек, но говорил исключительно посол.

Дипломат осведомился у адвоката, готов ли владелец картины расстаться с ней и какие у него вообще планы на ее счет?

Павел Алексеевич ответствовал: его клиент, конечно, понимает, что картина имеет высокую культурную ценность, и готов передать ее на хранение или продать, чтобы она попала в музей или стала доступной для публики любым другим путем, а не томилась взаперти.

Посол осведомился о сумме, в которую клиент оценивает работу.

Мы обсуждали этот вопрос с Ипатьевым ранее, и поэтому он уверенно назвал цифру: восемьдесят миллионов долларов, или, на тот момент, чуть более пятидесяти миллионов евро.

Итальянцы переглянулись. Очевидно, сумма показалась им неподъемной, и адвокат заметил это.

Тем не менее посол справился со своим огорчением и честно сказал: «Да, ваша оценка, вероятно, близка к действительности, но у нас к вам есть другое предложение».

Посол был прав. Наша оценка картины была вполне обоснованной и даже несколько заниженной.

Дело в том, что примерно в это же время из Венского музея была похищена знаменитая солонка короля Франциска работы Бенвенуто Челлини. Это произведение искусства в 2005 году фигурировало как номер один в списках артефактов, разыскиваемых Интерполом. В конце концов солонку похитители «вернули» в музей, подбросив полиции. В связи с громким делом в прессе сообщалась и ее оценочная стоимость: пятьдесят миллионов евро.

Поскольку собственноручный портрет Челлини имеет еще большую культурную ценность, цена в пятьдесят миллионов евро для нашего портрета уж никак не завышена.

Но вернемся к переговорам.

«Подарите эту картину Италии», — вдруг огорошил просьбой посол.

Вот тут уместно напомнить читателю, что нас с Ириной за столом переговоров не было, а адвокат Ипатьев был заинтересован в получении комиссионных от продажи.

Разумеется, в контексте личных интересов Павел Алексеевич в ответ на просьбу посла выразил сомнения, что коллекционера устроит подобное предложение.

Посол тем не менее рекомендовал адвокату связаться со мной и передать его слова. Итальянцы заверяли, что если владелец картины примет правильное решение, то в Италии будет национальный праздник, а даритель получит «все почести, которые только возможны».

Павел Алексеевич, как я понимаю, вышел в коридор и перезвонил мне.

Он передал предложение итальянцев. Я вообще-то действительно был не готов к подобному повороту дела. Ведь трудно расстаться с картиной навсегда, тем более в пользу Италии — страны, с которой у нас не было связано никаких деловых интересов.

Мы с Ириной рассматривали передачу картины в музей безвозмездно на длительное хранение, даже навечно, но не как безвозвратный дар.

Хотелось сокровище как минимум передать по наследству детям, пусть бы оно и не приносило никакого материального дохода…

Впрочем, при зрелом и долгом размышлении мы, вероятно, могли бы прийти к мысли о подарке. Но, как уже сказано, для подобного решения требовалось время, и отнюдь не полчаса, а месяцы и даже годы.

Я спросил своего адвоката, что именно он мне рекомендует. Он ответил, что рекомендует предложение отклонить.

Во-первых, раз итальянцы приступили к переговорам, да еще на самом высоком уровне, значит, картина их интересует. То есть это только начало процесса. Незачем торопиться.

Во-вторых, они заинтересованы, и можно их «дожать».

Я согласился с его мнением.

Решение отклонить — это мое решение. И если я принял его по совету адвоката, это дела не меняет.

А вот то, что произошло далее, после нашего разговора, это, как говорится, «рок-н-ролл» и «цирк с конями».

Ипатьев вернулся в зал переговоров и сообщил итальянцам, что их предложение коллекционер отклонил. Далее адвокат поведал, что мы, напротив, готовы отдать картинку для выставки или временного хранения, с тем чтобы она была выставлена в Уффици, а потом мы намерены ее продать.

Вот такой у нас созрел нехитрый бизнес-план.

Итальянцы оторопело осведомились, чтобы уточнить: «Кому продать?»

Тут Павел Алексеевич (с его собственных слов) поведал посольским, будто он сомневается, что у Италии найдутся деньги, чтобы выкупить артефакт, поэтому, скорее всего, мы продадим портрет США или России.

Итальянцы сначала онемели, а потом, скрипя зубами, уверили Ипатьева, что он находится в глубоком заблуждении относительно возможностей Итальянской Республики.

Тем не менее дипломаты не прервали переговоры даже после этой оскорбительной выходки. Вскоре ими был назначен следующий раунд.

Павел Алексеевич рассказал мне о второй части переговоров сразу после того, как покинул особняк посла. Как я понял, адвокат был полон решимости и оптимизма в намерении «дожать» итальянцев.

Он слишком оптимистично, как покажет скорое будущее, считал, что переговоры прошли нормально. На самом деле итальянцы были оскорблены и уже склонились скорее к радикальному решению, чем к честной негоциации.

Следующая сессия встреч по инициативе итальянской стороны предполагалась уже в Италии, непосредственно в Уффици.

Дело между тем затягивалось.

Через личные каналы связи представители посольства регулярно давали Ипатьеву понять, что пауза в переговорах вызвана внутренними распрями в Италии: кавальере Берлускони как раз поссорился со своим министром культуры, и там началась серьезная склока в верхах.

Дружески подмигивая и приятно улыбаясь, итальянцы намекали: мол, ожидаем, когда кавальере Сильвио, как водится, схарчит своего брыкающегося министра, все устаканится и можно будет продолжить такое сложное и великое дело, как возвращение потерянного гения на родину.

Тянулись месяцы, и так их прошло около трех-четырех. В конце концов уже весной и ближе к лету 2005 года, а именно на 20 мая, итальянцами был наконец назначен следующий раунд переговоров.

С итальянской стороны их должен был вести Антонио Веспуччи, человек весьма важный в государственной и вообще западной иерархии.

Прежде всего, сеньор Веспуччи — блестящий, несравненный

искусствовед. Это чрезвычайно эрудированный, опытный мастер, в чем я имел возможность убедиться лично, хотя и с ним знакомы мы лишь заочно.

В отличие от тысяч людей, называющих себя искусствоведами, а на самом деле проживающих чужую жизнь, этот человек видит, а не просто смотрит или сличает увиденное с учебниками.

Сеньор Веспуччи — политик, бывший министр культуры Италии, а к моменту нашего дела он возглавлял Управление музеев Флоренции (Il Soprintendente. Soprintendenza speciale per il Polo Museale Fiorentino) и, очевидно, желал заполучить картину на Апеннинский полуостров любой ценой, вполне осознавая ее культурную ценность.

Кроме того, он сам писал о Бенвенуто Челлини. Так что вполне вероятно, что сеньор Веспуччи как раз и считается в Италии ведущим специалистом по творчеству нашего ювелира.

Вот так все сошлось «на острие иглы», можно сказать. Разногласия превратились в личное противостояние.

Забегая вперед, отмечу: вскоре после окончательного краха операции «Челлини» (с 2006 года) Веспуччи оставался некоторое время без работы, а потом был назначен директором музеев Ватикана (официально с 07.12.2007), сохранив, впрочем, свое неформальное влияние во Флоренции.

Искусствоведы вообще, а особенно искусствоведы итальянские — люди, прямо скажем, чрезвычайно чванливые. Даже владелец какой-нибудь мелкой антикварной лавки мнит себя божком. Попасть к признанному эксперту — это уже великая привилегия.

А уж прийти на рандеву к Веспуччи, к этому «богу богов», — все равно что лично погулять по небесам и сфотографироваться с архангелом Гавриилом на память и для портфолио.

Немыслимо приехать к управляющему флорентийских музеев с пустыми руками, без картины. Это просто не укладывается в итальянской голове.

Вот как раз в этом и состоял, насколько я теперь понимаю, бесхитростный и надежный план: «Русские привезут картинку, а мы, итальянцы, ее под любым предлогом просто отберем. В крайнем случае выкупим за бесценок».

Еще в посольстве между делом итальянцы выяснили, что картину клиент Ипатьева способен перемещать через государственные границы. Они удивились, но не подали виду, перепроверив несколько раз в разговоре, что у портрета есть французский «Certificat d’exportation pour un bien culturel».

Поразмыслив над совокупностью информации, итальянцы,

очевидно, пришли к выводу, что французы никак не могли выдать сертификат на эту работу легальным путем. Ведь в самом деле, если эксперт Лувра видел ее, то он не смог бы пройти мимо. Ведь это действительно Челлини, это ясно даже по фотографии.

А портрет Бенвенуто Челлини — настолько редкая вещь, и сам мастер настолько тесно связан с французской историей, что отпустить картинку из Франции, просто выдав сертификат тихонько и без шума, не смогли бы даже полуслепые эксперты.

Если же, как вариант, французскому эксперту ушлые русские подсунули фейк, то зачем он тогда станет выдавать сертификат? В таком случае из Минкульта просто напишут заявителю: «Demande sans objet» («У вас безосновательный запрос»).

Словом, поразмыслив, итальянцы пришли к выводу, что они имеют дело с каким-то русским жульем, нахально подделавшим европейский сертификат и нанявшим расфуфыренного адвоката, чтобы пустить пыль в глаза насчет легитимности владения. А раз так, то картину, по логике искушенных итальянских «специалистов», можно было вполне легитимно изъять. То есть совершить доброе, благородное дело: вызволить ее из лап алчных торгашей, как только она окажется на территории Италии.

У меня сложилось стойкое убеждение, что итальянцы были совершенно уверены, что с высокой вероятностью найдутся юридические основания портрет конфисковать или по крайней мере надолго (на годы) задержать.

Как один из вариантов на худой конец — выкупить уже арестованный артефакт за бесценок, ибо продавец будет посговорчивее, пока картина под арестом.

К тому же, как они выяснили во время переговоров, эту работу никто из искусствоведов живьем не видел, она нигде не показывалась и нигде не зарегистрирована.

Словом, все говорило за то, что вновь обретенный портрет Челлини — это законная и легитимная добыча итальянских патриотов, и задача только в том, чтобы половчее провернуть эту самую спецоперацию «Бенвенуто».

Так, очевидно, отныне после провала переговоров в посольском особняке в Денежном переулке, 5, теперь рассуждали наши «партнеры».

У итальянского гениального и простого плана была, впрочем, одна сложность: итальянцы в любом случае не имели возможности действовать на территории России или третьих государств. Иначе дело могло осложниться межгосударственными претензиями.

Потому им следовало обязательно выманить работу в Италию. Вернее, заманить ее туда. И вот эту самую важную

задачу апеннинские мудрецы решили путем подманивания на авторитет.

К делу еще на этапе переговоров с послом подключились итальянские спецслужбы (иначе посол не вел бы никаких переговоров лично), однако ведущую роль, как показало время, играли все-таки искусствоведы.

Вернее, один-единственный искусствовед-политик, который и взялся исполнять роль приманки.

Веспуччи вышел на прямой контакт с нашим адвокатом заранее и раз за разом требовал фотки у Ипатьева. Говорил, что потерял.

Ну как можно несколько раз потерять фотографию, посланную и в бумажном виде, и на диске, и по электронной почте? К тому же он каждый раз сетовал, что качество фоток не то.

Словом, он всячески страховался и намекал: везите картину живьем.

Перед своей поездкой во Флоренцию мой адвокат приехал в Париж, и мы встретились с ним 18 мая 2005 года на террасе одного из кафе на Елисейских Полях.

Павел Ипатьев везде нарасхват, у него всюду светская жизнь, потому и в этот день мне пришлось его долго ждать в одиночестве за столиком в уличной парижской забегаловке, где, разбрызгивая собственный пот, официанты кормят полчища туристов.

Господин Ипатьев изволил обедать неподалеку с какими-то очередными пикейными жилетами, рассуждая о политике. Трапеза, как видно, затянулась.

Здесь, во Франции, все любят поговорить о политике за обедом. Ну, это важное дело, что и говорить…

Я ждал в кафе около часа сверх назначенного времени. Потом плюнул и поехал в аэропорт.

Растерянный Ипатьев перезвонил мне уже в такси: масоны масонами, гламур гламуром, а деньги-то нужны — вот и приходится спускаться на грешную землю…

Я был возмущен, но взял себя в руки, и мы все-таки договорились встретиться.

Ключевая наша встреча, таким образом, оказалась недолгой, очень натянутой, а Павел Алексеевич не склонен был воспринимать мои советы, потому я и не давал их. Словом, не получилось у меня предупредить его, что в Италии его ждет засада. Хотя вообще-то мне было ясно — тут дело нечисто, постоянно повторяющиеся запросы фотографий и вообще поведение итальянцев выглядели подозрительно.

Я понимал, что итальянцы хотят видеть картину, но прямо об этом не говорят. Это смущало, чувствовались какой-то подвох и нечестная игра.

В принципе мне не сложно было привезти картину во Флоренцию: езды от Канн, где мы живем, до Флоренции менее пяти часов на автомобиле.

Комфортная дорога вдоль моря на хорошей машине в компании и с приятной музыкой — одно удовольствие. Я как раз купил себе «порше-кайен» и наслаждался ездой на этом великолепном автомобиле.

Всего-то дел с перевозкой: сунул портрет в багажник, и вскоре Бенвенуто на родине.

У меня мелькнула мысль — неожиданно даже для Ипатьева привезти через день картину во Флоренцию… Но, поразмыслив, я решил этого не делать. Игра должна быть честной, а итальянцы явно начали темнить.

В общем, я больше уже не мог ничего предпринять и переживал.

На следующий день адвокат прилетел из Парижа во Флоренцию и, не ожидая никаких подвохов, пришел прямо в логово — во дворец к Антонио Веспуччи.

Как потом говорил мне сам Павел Алексеевич, на встрече он был морально раздавлен, оскорблен и унижен. «Со мной никто в жизни еще так не разговаривал…» — сказал мне мой адвокат. К тому же, с его слов, в этот день его ограбили, а в номере гостиницы, очевидно, умелые руки тщательно все обыскали. Павел Алексеевич рассказал, что написал заявление в местную полицию об ограблении.

Само собой, вести наше дело дальше он тут же со страху отказался, сославшись на слабое здоровье. Гонорары, полученные от меня, впрочем, оставил себе.

Я предполагаю, что итальянцы были шокированы, когда он пришел без картины. И более их не интересовали ни Ипатьев, ни переговоры.

Где портрет? Вот единственное, что их заботило.

Облившись холодным душем и растоптав походя Ипатьева, они лихорадочно стали искать зацепки — может быть, картина где-то рядом? Может быть, есть какие-нибудь ключи или карточки от камеры хранения?

Не знаю. Теряюсь в догадках и предпочитаю эту тему не развивать. Однако случайные совпадения в этом конкретном случае я исключаю.

Должен при этом оговориться: я во Флоренции в этот момент не был и знаю о происшествиях только со слов Павла

Алексеевича, а также по оригиналам и копиям документов, которые у меня имеются.

Наш адвокат, более или менее благополучно вернувшись в Россию, отправил Веспуччи нелицеприятное, скажем мягко, письмецо, в отместку за его «теплый» прием.

Письмо было написано без моего ведома. Я, разумеется, считаю, что сделал он это зря и таковой демарш, само собой, не в пользу клиента и не в наших интересах.

Но Ипатьев уже вышел из дела и не очень переживал за меня — гонорары получены, дело брошено, зачем думать о клиенте?

Словом, все рухнуло. «Гениальный план» не сработал. Итальянцы картину не нашли, а я вынужден был уйти с ней в глубокое подполье.

Веспуччи вскоре оказался без места, и через некоторое время его приютил у себя в Ватикане папа римский. С того самого часа и доныне сеньор Антонио Веспуччи трудится на хлебном месте там.

С Ипатьевым мы однажды (примерно шесть лет спустя) пересеклись в гостях у общего знакомого на Кап-Фера, на Юге Франции. Этот омбудсмен сделал вид, будто бы не узнал меня. Я вежливо отвернулся.

«Это наше мясо»

Впоследствии я слышал от различных искусствоведов и экспертов, что в исключительных случаях некоторые особо влиятельные музеи или академические кланы могут «наложить руку» на произведение изобразительного искусства.

Термин «наложить руку» означает, по сути, тотальную блокаду со стороны авторитетных экспертов, которая делает продажу или официальное признание картины невозможными.

По крайней мере я могу сослаться на беседу об этом изумительном феномене с месье Ришаром Давидом, экспертом апелляционного суда в городе Экс-ан-Прованс. Но то же самое мне говорили и другие люди, имеющие солидный вес в «аквариуме», то есть в замкнутом мире искусствоведов.

Вообще всех профильных экспертов сегодня можно разделить на две большие категории:

• эксперты «музейные», или академические;

• эксперты «коммерческие», делающие свою работу за деньги для немузейной публики.

Коммерческие эксперты зависят от академических, поскольку их репутация напрямую определяется мнением академических коллег.

Поясню на примере: предположим, коммерческий эксперт месье Вансан сертифицировал и свидетельствует, мол, такая-то картина — это этюд Тициана.

То есть, в соответствии с его заключением, картина будет продана за весьма и весьма существенную сумму, потому что и продавец, и покупатель, и коллеги верят слову месье Вансана. Он уважаемый эксперт, и его слово значит очень много.

А теперь представьте себе, что хранители Лувра и академические коллеги начнут критиковать месье Вансана за ошибки и непрофессионализм или даже просто-напросто делать многозначительную гримасу при упоминании его имени.

Через пару недель или, в редких случаях, через пару месяцев, месье Вансан превратится в глазах общественности в клоуна, жадного незнайку, готового сертифицировать за деньги любую мазню.

От его былой репутации не останется и следа. Соответственно, клиентура станет избегать этого эксперта как чумы, и вскоре он начнет подрабатывать в литературных журналах под псевдонимом «мадемуазель Фифи».

Таким образом, ни один коммерческий эксперт в здравом уме и твердой памяти не попрет на рожон против эксперта музейного,

который «бескорыстен», по определению непогрешим и крайне опасен.

Зато музейный эксперт как огня боится и своих коллег, и, самое главное, авторитетов в своей области. По той же самой причине.

В каждом уголке искусствоведческого «аквариума», под каждой корягой живет свой Авторитет. Это Большой Знаток, мнения которого все боятся.

Когда Большой Знаток или умрет, или фатально ошибется, за его место сцепятся несколько кланов, но борьба быстро завершится, и иерархия в «аквариуме» вновь восстановится.

Как только кто-нибудь из рыб нарушит Правила и Конвенцию, ее или съедят, или выбросят вон из воды.

В мире искусства вообще многое иначе, и даже моральные нормы там отличаются от общепринятых. В этом мире, например, совсем иное отношение к краденому.

Хорошо известно, что до 70 % всех хранящихся в музеях ценностей имеют или неясное, или прямо криминальное происхождение. И никого этот факт особенно не беспокоит.

В музеях выставляется награбленное во время войн, вывезенное из колоний, краденое и незаконно конфискованное. Следуя обычной логике, можно было бы предъявить музеям массу претензий, особенно на межгосударственном уровне. Однако этот ящик Пандоры разумные люди предпочитают не открывать. Существуют законы, гарантирующие музеям и коллекциям статус-кво и защиту от претензий третьих лиц.

По теме Челлини ведущих экспертов, или, как я их назвал, Больших Знатоков, совсем мало: всего-то от силы четыре-пять человек на всю планету.

Поэтому задача у чрезвычайно влиятельных итальянцев была не такая уж и сложная. Чтобы «наложить руку» на нашу картину, им было достаточно обзвонить коллег и предупредить их: автопортрет Челлини с бородой — это их «добыча». И не дай бог кому-то встать на пути урагана.

Десятка звонков вполне достаточно, чтобы наглухо перекрыть кислород не только в высшем, но и во втором, и в третьем эшелонах иерархии искусствоведов-экспертов.

Я не сомневаюсь, что наши противники так и поступили.

Началась блокада. С этого момента все коммерческие специалисты отказывались даже взглянуть на картину, под любым предлогом избегая встречи с ней.

Конечно, подобное поведение весьма логично: ведь, увидев артефакт, им пришлось бы волей-неволей выразить свое отношение к нему. Вариантов всего два:

• или дать заведомо ложное заключение, то есть попросту соврать, что это не Челлини, рискнув своей репутацией;

• или поссориться с «наложившими руку» на это «мясо» влиятельными коллегами.

Обе ситуации очевидно проигрышные, и потому «специалисты» прятались от портрета как от чумы.

Цель этой блокады очевидна, к тому же она двояка.

Во-первых, как только картина сменит владельца, с новым можно будет договориться. Ведь мы, такие несговорчивые и гордые, сможем продать шедевр за бесценок, ибо настоящую цену за него никто не даст без экспертной поддержки Больших Знатоков.

И уж точно новый владелец окажется понятливее. При этом «потеряться из виду» уже найденный и сфотографированный автопортрет больше не может. «Куда он денется с подводной лодки?» — как говорится. Сеть обмена информацией в этой среде работает превосходно, и действительно тайных коллекций уже практически не существует.

Во-вторых, непризнанный портрет не вызовет шумихи. Прессу не заинтересует этот случай. Полемика по поводу находки и ее судьбы не начнется. А значит, и некрасивые проделки «искусствоведов» забудутся, так и оставшись безнаказанными.

Убежище

Между тем мы с Ириной продолжали исследовать портрет, привлекая для этого ученых и специалистов из разных областей. Кроме искусствоведов, мы обращались к антропологам, реставраторам, в лаборатории для анализов красочных слоев и основы и так далее. (См. главы «Технический анализ», «Загадка красного капюшона…».)

Постоянные поездки в Париж вынуждали нас обзавестись надежным местом для хранения картины в этом городе. Тем более что, кроме автопортрета, мы частенько оставляли в столице и другие предметы из нашей коллекции. Неудобно было перевозить их туда-сюда каждый раз.

Вариантов с хранилищем у нас на самом деле было всего три:

1) держать работы у реставраторов (как правило, их мастерские оборудованы хорошими сейфами и системой безопасности);

2) сдать в специальное хранилище картин (обычно такие хранилища в основном сотрудничают с аукционными домами и содержат тысячи полотен в специально оборудованных помещениях);

3) снять сейф в банке.

Первый вариант нам не подходил совершенно. Картину хранить у реставратора следует временно, пока идут работы с ней. Да и сам мастер вряд ли возьмется за такое деликатное дело, как хранение, ведь это не его бизнес.

Второй вариант, разумеется, хорош. Но по опыту нашей жизни во Франции ни у жены, ни у меня не возникало и тени сомнения, что хранители будут показывать нашу картину «нужным людям» направо и налево без нашего согласия и допустят к ней нежелательных для нас личностей в любое время. (См. главу «Сумрак».)

Во Франции в этом смысле даже своему адвокату не следует доверять.

Оставался третий вариант — аренда банковской ячейки или сейфа в банке.

Это очень удобно, поскольку ключ от второго замка находится в руках клиента, и этот ключ единственный. Содержимое сейфа банку не известно, сам факт наличия арендованной ячейки в банке вполне можно сохранить в тайне, и, следовательно, любым рейдерам или мытарям будет затруднительно на подобное хранилище напасть.

Арендовать ячейку в московском банке, как известно, совсем

просто. Депозитарии предлагают эту услугу чуть ли не на каждом углу.

Размеры банковских ячеек — на выбор и на любой вкус, стоимость их доступная.

В Париже все гораздо сложнее. Во-первых, чтобы арендовать сейф, требуется открыть в этом отделении банка счет. Но счета французские банки открывают отнюдь не всем, и некоторым — весьма неохотно.

Во-вторых, еще сложнее дело обстоит с размерами сейфа. Нам ведь нужен был такой «кофр», который вместил бы в себя картину средних размеров, а желательно, и побольше.

При этом во французских банках приличный размер сейфа в депозитарии — это большая редкость.

После аккуратного обзвона возможных мест хранения из нескольких вариантов в конце концов остался только один весьма уважаемый банк, расположенный на бульваре Осман.

Это здание зримо напоминает о том, какой когда-то была Франция: роскошные залы, обставленные богато и со вкусом, располагают к доверию и повышают самооценку клиентов. Внутренний декор помещений на бульваре Осман и его отдельные элементы — это самые настоящие произведения искусства, вызывающие эстетическое удовольствие. А в подвале, куда ведет мраморная лестница с вычурными перилами за огромным латунным люком вместо двери, в таинственной тишине спят галереи бессчетных сейфов.

Один из наших с Ириной офисов в те годы находился в районе бульвара Итальянцев в Париже, и потому нам все-таки удалось договориться об открытии банковского счета именно в этом отделении банка (это недалеко) и долгосрочной аренде сейфа подходящих размеров.

Я сказал «удалось договориться», потому что у нас, российских граждан, уже инвестировавших в индустриальную экономику этой страны несколько десятков миллионов евро, все равно постоянно возникали какие-то несуразные и нелепые проблемы с открытием во Франции банковских счетов.

Каждый раз, когда требовалось открыть счет в новом банке, приходилось договариваться через знакомых или надеяться, что клерки просто не обратят внимание на то, что мы русские. При этом за восемь лет жизни во Франции (к тому моменту) у нас ни разу не случилось проблем ни с деньгами, ни с законом, и, по идее, для любого финансового учреждения мы были весьма хорошими клиентами.

Объяснить этот «феномен отторжения» можно по-разному. Но я думаю, взирая на прошлое с вершин моего сегодняшнего

опыта, что содержать в своем отделении счет русского предпринимателя почти автоматически означало для служащих банка дополнительные хлопоты. И потому они просто старались избежать ненужных осложнений: во Франции русские попадают под особое наблюдение организации, которая называется «Тракфин».[4] И еще доброго десятка других подобных ей «проверяющих» организаций.

Ну, как бы то ни было, наши усилия в этот раз увенчались успехом, и в результате арендованный нами сейф оказался прямо-таки роскошным.

Мы спускались к нему на миниатюрном старинном лифте в сопровождении приятного сотрудника депозитария уже предпенсионного возраста. У него был один из двух ключей, которыми отпирался сейф, а второй ключ находился у нас.

Размеры сейфа, температура и влажность помещения в депозитарии оказались идеальными для хранения картины. К тому же люди редко приходят сюда. Пересечься с другим случайным клиентом депозитария мне пришлось лишь однажды. А сотрудники деликатно оставляют клиента наедине с его уже открытым сейфом.

Каждое посещение этого старинного депозитария доставляло мне удовольствие, не говоря уже об удобном территориальном расположении хранилища. К тому же и стоимость аренды сейфа оказалась для нас ненакладной: всего лишь около тысячи евро в год.

Ирина, впрочем, не разделяла моих восторгов: ей атмосфера бронированных подвалов казалась неестественной, и она не любила там бывать.

С открытым забралом

«Облом» в Италии (я имею в виду провал переговоров и начало блокады) нас, конечно, расстроил, но отнюдь не деморализовал.

Тем не менее итальянские страсти все-таки нельзя было игнорировать. Их следовало принять всерьез и хорошенько подумать о сохранности картины в глобальном масштабе. Именно вопросы безопасности теперь беспокоили нас больше всего.

Защитить нас и картину от агрессии и еще более изощренной попытки рейдерства могла только публичность, ведь известный публике и специалистам редкий артефакт уж вряд ли кто-то будет пытаться украсть, отобрать или выманить. К широко известному произведению уже не «приклеишь» подозрения о его «мутном» происхождении, сомнительных правах владения или гипотетических преступлениях, с ним связанных.

Поэтому, посовещавшись со своими пиар-специалистами, мы решились обезопасить судьбу картины путем показа ее на пресс-конференции в Париже, в сентябре 2005 года. Планировалось собрать за одним столом весь набор экспертов для беседы с журналистами и учеными, которых мы тоже намеревались пригласить. К тому дню, когда мы решились на показ для прессы и публики, у нас уже были в наличии:

• технические анализы пигментов, материалов и основы картины;

• официальные заключения ведущего антрополога Франции о том, что на портрете изображено лицо именно Бенвенуто Челлини, поскольку лицо человека с портрета встречается на других произведениях ювелира и скульптора;

• инфракрасные и ультрафиолетовые фотографии (доказывающие оригинальность картины), показывающие скрытые от невооруженного взгляда более глубокие красочные слои. На них видно, как автор менял, искал и находил лучшее решение, а не копировал уже готовое;

• нотариальный акт 1571 года, свидетельствующий, что в доме Челлини присутствовал его живописный автопортрет;

• морфо-психологическое исследование лица с портрета. То есть, грубо говоря, описание характера изображенного человека и его натуры, отраженной во внешности. Челлини обладал весьма ярким, сильным и своеобразным характером. Его психологический портрет, описанный в автобиографии, полностью совпадает с характером персонажа с портрета.

К сожалению, на момент подготовки и проведения этого мероприятия загадка красного капюшона еще не была объяснена. (См. главу «Загадка красного капюшона…».) Фундаментальное открытие связи средневековой фрески и автопортрета позднего Возрождения было у нас впереди, и потому эту тему на пресс-конференции мы не поднимали.

Первая часть мероприятия задумывалась как погружение в Ренессанс, с целью показать собравшимся важность личности Бенвенуто, а потом уже предполагалось перейти ко второй части — явлению портрета публике и ответам на вопросы.

Разумеется, мы хотели и надеялись найти для конференции такого ведущего, который бы глубоко знал, понимал и любил искусство эпохи Возрождения, при этом был способен выступать перед аудиторией и удерживать ее внимание.

Как оказалось, тщетно. К сожалению, из пары десятков соискателей мы не смогли выбрать ни одного.

Дата события между тем приближалась, и в конце концов нам пришлось поручить вести и готовить пресс-конференцию в Париже своим штатным сотрудникам: дизайнерам, пиарщикам и ассистентам.

В процессе подготовки, поскольку дело для каждого из нас было новое, мы все, кто намеревался выйти к микрофонам под теле— и фотообъективы, выбрали себе псевдонимы, чтобы если и опозориться, так хоть не под своими настоящими именами…

Стефани Бордарье взяла имя Стефани Ласкур, Лор «вернула» себе свою девичью фамилию Шируссель, а я назвался Александром Цоем.

Для проведения мероприятия мы выбрали и арендовали зал в центральной части Парижа, в комплексе, известном как Авейронские залы (Les salons de l’Aveyron salle de conference).

Мне казалось, что конференция будет интересным культурным событием и ожидается много гостей. Потому мы выбрали и заранее оплатили помещение, вмещающее в себя примерно двести человек, предполагая и опасаясь, что зал окажется тесноват.

Пригласительные открытки и письма оформили наши штатные дизайнеры. Результат их работы выглядел изумительно: едва заметный, словно проявляющийся на глазах загадочный портрет с обратной стороны листа, плотная, солидная бумага и фирменные конверты.

Наши IT-специалисты не просто сварганили, а тщательно подготовили по этому случаю особый интернет-сайт, на котором заранее разместили некоторые материалы, касающиеся портрета, сохраняя, впрочем, главную интригу до самой конференции.

Приглашения и синопсис мероприятия были разосланы по теле-, радиостанциям и в СМИ Франции, Италии, Испании, Германии, Великобритании, Австрии, Швейцарии, Японии и других стран.

Само собой, мы прислали особые приглашения и российскому телеканалу ОРТ, представленному во Франции.

Пригласили представителей всех крупных музеев и иностранных посольств в Париже. Особенно мы были заинтересованы в присутствии представителей тех стран, в чьих музеях хранятся произведения Бенвенуто Челлини.

Всего получилось около трехсот индивидуальных приглашений, если мне не изменяет память, и около ста приглашенных организаций.

Только некоторые из приглашенных, извинившись, предупредили нас, что не смогут посетить пресс-конференцию: среди них были музей Барджелло во Флоренции и Венский музей. Еще, кажется, Ватикан прислал нам вежливое письмо с отказом.

Остальные не ответили, и поэтому мы ожидали, что хотя бы половина из них придет. К тому же мой секретарь обзванивала представителей прессы, и они действительно подтверждали свое присутствие.

Готовясь собрать полный зал ведущих СМИ, мы, разумеется, волновались: а вдруг произойдет сбой, случится что-то непредвиденное? Конечно, мы переживали.

Специально по случаю конференции к нам в гости приехали наши друзья из России, и их присутствие только увеличивало нашу ответственность.

В назначенный осенний день вся наша команда прибыла на место за несколько часов до конференции и подготовила зал. Аудио- и видеоаппаратура, демонстрационные материалы, записи — все работало в штатном режиме, как следует.

Картина с самого начала мероприятия находилась в зале, на подрамнике, задрапированная шелковым каре.

Ко времени начала в зале собралось около пятнадцати человек. Я не переживал — думал, что люди, возможно, опаздывают. Однако уже через полчаса нам следовало начать — хотя в зале присутствовали всего-навсего человек двадцать пять. Хотя, впрочем, была еще пара-тройка телегрупп.

В силу своей неопытности я был расстроен и ошарашен. Мы ожидали аншлаг, а теперь видели перед собой почти пустой зал. Никаких объяснений этому феномену я не находил. Тем не менее ждать больше было нельзя, и мы начали мероприятие с тем набором гостей, который был в наличии.

Я смог справиться со своим отчаянием лишь некоторое время

спустя после начала.

Потом, пока шла ознакомительная часть, когда Стефани и Лор рассказывали про Челлини, иллюстрируя свое повествование картинками и фотографиями, я все-таки взял себя в руки.

Их презентация прошла почти без сбоев, и затем мы показали картину. Я сам снял шелковое покрывало с портрета, и его многократно сфотографировали представители прессы.

А затем, по плану, началась самая ответственная часть: ответы на вопросы.

Эксперты держались молодцом, они четко и понятно излагали свое мнение относительно картины, личности Челлини и датировки. Я тоже сидел среди экспертов за длинным столом, лицом к залу.

Сначала вопросы были вполне заинтересованными, но потом присутствующие в зале итальянцы попытались предъявить какие-то претензии. Откуда они там взялись и когда именно появились, я так и не понял. Очевидно, вошли в зал, когда презентация уже началась и погас свет.

Я помню, что вопросы от них были довольно странными: мол, почему вы устраиваете конференцию здесь, а не в Доме итальянской культуры?

Впрочем, спрашивали и о том, почему картина так хорошо сохранилась. Вероятно, имелось в виду, что она не такая уж и старая.

На что наш реставратор мадам Прамс, эксперт, аккредитованный при Апелляционном суде Парижа, четко возразила, что картина выглядит в соответствии со своим почтенным возрастом, принимая во внимание технику письма и основу, на которой она выполнена.

Потом были высказывания, что, если это автопортрет, автор должен смотреть в зеркало. Но на самом деле, как ответили эксперты, на других автопортретах Челлини тоже смотрит в сторону. Очевидно и бесспорно, что великий скульптор легко справился с этой проблемой.

Теперь, когда пишу эти строки, я считаю, что та конференция в целом удалась, и после ее окончания эксперты активно давали интервью на камеры ТВ.

Однако тогда у меня оставалось какое-то горькое чувство, некая опустошенность в душе — я все-таки рассчитывал на гораздо больший интерес.

Из посольств не пришел и не «отписался» о вежливом отказе почти никто. Музеев тоже не было. Зато присутствовали какие-то сомнительные итальянцы, которых не было в чек-листе. Угнетало,

что русские журналисты тоже не пришли, хотя мы вроде четко с ними договорились…

Я не знаю до сих пор, чем объяснить такое холодное отношение к нам. Без излишней паранойи, впрочем, склоняюсь к тому, что влиятельные наши недруги здорово поработали и над этой темой, почти сорвав нам конференцию неявкой.

Вечером того же дня, через пару-тройку часов после того, как все разошлись, кто-то якобы от имени французского журнала «Конессанс дез арт» позвонил на личный мобильный телефон одного из наших сотрудников, Лоика С.

Женский голос просто-напросто нахамил несчастному французу без всяких на то причин. Мадам называла нас жуликами и шарлатанами. Правда, непонятно, что именно у нас было жульнического и в чем конкретно состояло наше шарлатанство?

Ведь мы опирались исключительно на факты и мнения экспертов, отсебятину не предлагали и ничего не продавали.

Более того, конференция обошлась нам с Ириной в приличную сумму и закончилась без всякой материальной выгоды для нас.

Лоик между тем был действительно расстроен и деморализован. Он растерянно перезвонил нам, пребывая в глубоком унынии и чуть ли не плача, чем еще больше добавил нам горечи.

Но мы с Ириной держались из последних сил и старались не поддаваться.

Конечно, теперь, по прошествии нескольких лет, обладая специфическим опытом, я понимаю, что это вряд ли на самом деле была сотрудница «Конессанс дез арт».

Если так, то своей цели злодеи добились. Тогда у меня еще не было опыта общения с «оборотнями» из спецслужб, и я все принимал за чистую монету. Конечно, ощущение деморализованости и подавленности меня не покидало, но я старался держать себя в руках.

Мы ужинали с друзьями, а я чувствовал себя плохо, как побитый пес.

Все-таки тогда я был бесхитростным провинциальным парнем: мне было 38 лет, я многое повидал, прошел через множество испытаний и опасностей, но при этом сохранял какую-то детскую наивность. Не хватало еще ума и опыта, чтобы понять: все, что произошло, — эта самая состоявшаяся пресс-конференция — на самом деле большой прорыв и успех, а я считал ее поражением…

Результат на самом деле должен был, по замыслу наших

противников, оказаться намного хуже. Мы должны были потерять лицо. Однако мы прорвались.

Особенно профессионально и заинтересованно вела себя англосаксонская пресса.

Antique sale painting unveiled as £60m Cellini self-portrait

By Colin Randall in Paris

Cellini's self-portrait.

Get one month's free travel insurance.

The Direct Line summer sale has started, giving you 1 month's free travel insurance when you take out an annual policy. That's 12 months for the price of 11. This offer is only available until 30th September, so call today.

0845 246 8526

We cut costs not corners

Expert bo… care from £6 a mon…

0845 300 03…

house.co.uk/careop…

Top judge candidate keeps his counsel

World news

Статья в «Дейли телеграф»

Назавтра с утра Лоик позвонил мне и рассказал, что газета «Дейли телеграф» вышла с солидной, позитивной статьей о

нашей находке, и даже с иллюстрацией.

Сразу же после этого пришло известие, что материал напечатала «Коррере делла Сьера» (перепечатали из «Дейли телеграф»), а видеорепортажи о конференции показали некоторые новостные французские телеканалы.

Все в нашей команде приободрились, мы купили ворох газет, и я набрался духу, чтобы позвонить в корпункт ОРТ в Париже.

Молодой спецкор ОРТ, который, как оказалось потом, уже доживал во Франции свои последние деньки, вспомнил про наше приглашение, разозлился сам на себя, но орать почему-то принялся именно на меня, ставя в вину, что мы ему вовремя о себе не напомнили.

Я сделал вывод, что он просто забыл о приглашении и «прогулял» этот день.

Ну, раз так, пусть. От сердца все-таки немного отлегло. Я-то думал и гадал, в чем тут дело? А оказывается, все просто.

Картину сразу же после пресс-конференции, как и было спланировано заранее, специализированная инкассаторская транспортная компания упаковала и доставила в наш депозитарий на бульваре Осман.

Публикации, которые прошли на следующий день и появлялись затем в течение недели, обеспечили нам достаточную публичность, чтобы чувствовать себя в безопасности.

То есть, как ни крути, своей цели мы добились.

Никакой другой реакции от «аквариума» мы, к сожалению, не заметили. Вернее, явной реакции не последовало. Хотя, как это выяснилось позднее, пресс-конференция наделала шуму в академических кругах. Но ведь на то он и «аквариум» — снаружи всегда тишина, все страсти кипят внутри.

Позднее, общаясь с искусствоведами, имеющими прямое или косвенное отношение к Челлини, я отметил, что хотя они и скрывают свой интерес, но были проинформированы о портрете.

Более того, кое-кто из них даже предпринимал попытки «расковырять» это дело по своей инициативе, но получил жесткий «отлуп» из Италии.

Словом, как бы то ни было, горячая фаза итальянской операции «Бенвенуто» на этом закончилась. И мы и противники окончательно «расселись по окопам», с этого момента потекли серые скучные будни позиционного противостояния.

В то время, в 2005 году, мне, как и многим, было ясно, что Европа идет прямым курсом и полным ходом на айсберг. «Глыба» кризиса уже ледяным дыханием давала знать о своем приближении. Но нам ли быть в печали? Мы умели радоваться каждому прожитому дню и каждой счастливой минуте.

Заботы бизнеса или обычные художественные книги не могли уже полностью насытить наш интеллектуальный голод, поэтому, несмотря на занятость и проблемы, мы вновь и вновь возвращались к портрету, а читал я в этот период исключительно литературу по истории искусства. С детства я привык много читать и теперь буквально проглатывал книгу за книгой.

Теперь снова беги

Поскольку к осени 2005 года у нас уже начал накапливаться кое-какой конспиративный опыт, нам было ясно, что после публичной конференции место хранения портрета следует поменять.

Ранее, когда мы приходили с плоскими коробками к нашему сейфу в депозитарии, лишь самый ограниченный круг людей мог с некоторой долей вероятности предполагать, что именно мы там храним.

Но теперь все, кому это было интересно, могли легко отследить, что автопортрет Бенвенуто Челлини и другие ценные работы из коллекции Насобиных хранятся вот здесь, «кофр форт» номер 306–02.

И поэтому я заранее, потихоньку, в нерабочий день, купил большой старинный сейф у специализированной компании в Ницце и, руководствуясь советами этой фирмы, оборудовал тайное хранилище без окон, напичканное датчиками и снаружи и изнутри, с различными «периметрами», подключенными к пультам разных агентств безопасности.

Сам сейф, кроме его превосходных и хитроумных механических замков, мы усилили еще и электронными системами сигнализации.

Все это хозяйство я установил не в доме, а на своей фабрике, в укромном месте. Причем позаботились мы оборудовать помещение так, чтобы никто из нашего персонала и не заметил, что в одном из закутков большого здания, возле зала с трансформаторами и силовыми кабелями, организовано современное хранилище для сокровищ.

Кстати, именно система сигнализации этой тайной комнаты и сработала во время жуткого пожара, уничтожившего нашу фабрику в сентябре 2012 года. Основная противопожарная сигнализация, недавно установленная новейшая система, «отчего-то» молчала, так и не подав сигнал тревоги.

Короче, практически сразу после конференции я забрал картину из сейфа на бульваре Осман. Однако сейф-ячейку в банке мы все равно хотели оставить за собой и использовать для временного или постоянного хранения в Париже других картин из нашей коллекции.

Наверное, тому, кто прочитал вышесказанное, мое поведение покажется паранойей. А вот и нет. Вскоре реальные события подтвердили, что мы большие молодцы и поступили правильно, сменив место хранения.

Неожиданно Ирине позвонила сотрудница банка и огорошила новостью, что банк намерен закрыть наш счет. А раз закрывается счет, то у нас нет права арендовать сейф.

Посему барышня деловито предлагала нам приехать в Париж и сдать ключ.

Само собой, закрытие счета было лишь поводом. Ирина была наиболее беспроблемным клиентом для банка из всех возможных, постоянно удерживая позитивный остаток на своем простом расчетном счете. На самом деле банк стремился отобрать у нас именно сейф.

Услышав новость о требовании освободить «кофр», я вообще-то не удивился. Однако предпочел не посылать этих «банкиров» сразу на три буквы, а попробовать договориться. С этой целью мы направили на бульвар Осман парламентеров, коренных французов, чтобы не пугать сотрудников своим русским акцентом.

Но тщетно. Миссия переговорщиков провалилась, банк был строг, хамоват и неприступен. В ответ на мольбы и уговоры звучало только «нет» и «убирайтесь».

Примерно в это же время по другим делам мне предстояла поездка в Париж, и по такому случаю я лично зашел в депозитарий.

Работники хранилища, с которыми мы уже были знакомы, встретили меня, как всегда, радушно, и потому вдруг зародилась наивная надежда, что гроза пройдет без последствий, а недоразумение уляжется. Не могут же итальянцы всюду распоряжаться как им угодно, а французы — быть так бессмысленно жестоки?

Я забрал из нашего сейфа другую картину, которую мы как раз собирались отдать на реставрацию. Кофр, таким образом, опустел совершенно. И тут я сообразил, что нельзя оставлять его пустым: банк легко решится взломать сейф, если мы не договоримся.

И потому я придумал оставить там какую-нибудь записку с шифром и запереть. Если банкиры взломают сейф, я стану утверждать, что они нанесли мне ущерб, вмешавшись в мою личную жизнь и рассекретив важный для меня код.

Я порылся в карманах и нашел случайную карточку компании «Аэрофлот». Ну что ж, пусть будет «Аэрофлот». Меня вполне устраивало. Я попросил у работника депозитария ручку, дописал на карточку от руки какие-то цифры и добавил еще три кириллические буквы покрупнее. Каждый русский поймет, о чем речь.

Буквы я написал на всякий случай: если сейф взломают и

станут описывать содержимое, пусть увидят, что я думаю о взломщиках. Отдавать свою ячейку миром я в любом случае не собирался.

И вот когда я уже поднялся со своего минус третьего этажа к выходу, меня ждал сюрприз. Осведомленный о том, что я пришел, у дверей меня в засаде поджидал впопыхах примчавшийся лично директор агентства месье Табуретт.

Парень выглядел как типичный «червь баблономики»: бедра шире плеч, несколько вытянутый вверх череп с редкими волосами и характерные для его профессии очки. «Мущщина» был еще не стар, но стремился к угасанию всего живого и задорного в себе.

Для меня, разумеется, его намерения не были загадкой. Месье Табуретт прибежал, чтобы охмурить меня своим обаянием и вытолкать вон из «своего» банка без шума и пыли, как говорится.

«Па де ваг» (не надо волн) — в те времена этот девиз был особенно популярен среди так называемой французской «элиты».

Месье Табуретт тревожился, он мельком скользнул взглядом по моему лицу и вновь нервно уставился на дверь лифта. Он, очевидно, ожидал увидеть некоего злодея, а я никак не подходил на роль «демона ночи».

Сопровождавший меня сотрудник — к сожалению, я стал уже забывать имена — деликатно прокашлялся и, показывая на меня и глазами и бровями, все-таки вынужден был сказать патрону: «Вот он, гхм, месье Насобин…»

Я стоял и взирал на разворачивающуюся сцену, держа картину в картонной коробке под мышкой, наблюдая за каждым из участников балагана.

Услышав мое имя, месье Табуретт встрепенулся, вздрогнул, расцвел улыбкой и демонстративным, якобы дружеским жестом протянул мне руку:

— Бонжур, месье Насобин! Я директор агентства, месье Табуретт.

Я всегда считал, что говорить про себя «месье» или «мадам» — признак плохого воспитания. Поэтому сразу почувствовал некое превосходство по отношению к банкиру.

Я вежливо улыбнулся и холодно ответил:

— Очень приятно. Чем обязан вашему вниманию?

Табуретт растерянно позыркал глазами и обиженно заявил:

— Мы приняли решение закрыть ваш счет, то есть, я хотел сказать, счет вашей супруги. И я лично пришел вам сказать об этом.

— Хм, могу я узнать, почему вы решили закрыть счет?

Месье Табуретт затряс щеками, мол, «ну и вопросы вы

задаете! Что это вы себе позволяете?!» Но в ответ сказал:

— Пур ле резон диверс… (По разным причинам). Например, потому, что ваша жена не живет в непосредственной близости от нашего агентства.

— Да, она не живет поблизости. Ну и что? Зато она работает здесь — у нее офис совсем недалеко, несколько сотен метров отсюда…

Я улыбался. Крыть мой аргумент было нечем, и он то открывал рот, то закрывал его.

Я, кстати, уверен, что вся наша беседа записана камерами видеонаблюдения, а возможно, и звук тоже.

Табуретт отбросил маску приличия и зло прошипел:

— Месье Насобин, решение принято, счет будет закрыт в любом случае, и в ваших интересах это сделать мирным путем. Кстати, придется освободить сейф. Сдайте, пожалуйста, ключ.

— Нет, я не стану сдавать ключ. У нас с вашим банком заключен договор, он оплачен вперед, счет у моей жены всегда позитивный, на нем несколько тысяч евро.

— Вы не можете оставить за собой сейф, если у вас нет счета в нашем банке. Если вы не сдадите ключ, мы вынуждены будем взломать сейф, а вам придется оплатить издержки.

— Попробуйте. Я вас засужу. Вы собираетесь закрыть наш счет, потому что мы русские.

— Вовсе нет! Наш банк работает в России!

— Да. Грабит ее по мере сил. Не уважая туземцев.

— Очень хорошо. Отдайте ключ!

— Нет. Кстати, я спешу. Разрешите пройти, вы мне мешаете.

С этими словами я ушел, напоследок внимательно посмотрев на сотрудников депозитария. Мне показалось, что им было стыдно. Впрочем, вероятно, что именно показалось.

Наивные, добрые люди, не знакомые с Системой изнутри, все еще полагают, что принципы деятельности банков XXI и XX (или даже XIX) веков похожи.

Некоторые наивные граждане даже думают, что банки ссужают людям деньги, которые им удалось собрать у вкладчиков и клиентов, а также собственные средства, которые эти самые банки накопили и заработали своим ростовщическим ремеслом.

Ерунда. Все совсем не так, а гораздо хуже. Современные банки оперируют не деньгами, а «баблосом».

«Баблос», в отличие от денег, не имеет никакого обеспечения, и его «рисуют» в потребных количествах «эмитирующие центры». Сиречь, более или менее здоровые умом дядьки, в соответствии с собственными желаниями.

Современные «банки» — это всего лишь агентства, через

которые рекой течет нарисованный «баблос» и в ту и в другую стороны. Откуда у банков деньги? Они их заработали и накопили? Не смешите. Вспомните, при каждом кризисе каждая государственная казна безвозмездно «спасает» банки, вливая в них все новые и новые средства.

Можно подумать, что банки, говоря по-старому и используя прошлые мерки, — это на самом деле многократные и безнадежные банкроты.

Но они вовсе даже не банкроты. Их берегут и лелеют. Они жиреют и функционируют. А почему? А потому, что у нынешних банков теперь совсем другие задачи. Это вовсе не банки XIX или XX веков. От тех остались только названия и старинные здания. Эти учреждения на самом деле радикально мутировали. Они принципиально отличаются от своих предков.

В «баблономике» вся экономическая деятельность вращается вокруг займа, потому что у предпринимателей больше нет своего оборотного капитала.

Прогрессивные налоги не позволяют предпринимателю накопить собственный капитал, сколько бы он ни зарабатывал, и человек вынужден всегда обращаться в банк, где деньги весьма дешевы, на первый взгляд.

Поэтому банки вдруг оказались в обществе непременным, ключевым звеном, решающим судьбу любого индивидуума или предприятия. От банка зависит, будет предприниматель жив или его дело умрет.

Реальный капитал предпринимателя ныне на деле выражается не в объемах собственных средств, а в объемах кредитов, которые ему готовы предоставить банки, а также в условиях кредитования, более или менее льготных.

Кроме того, если предприниматель поссорится с банком, то этот банк и все остальные банки по общему сговору просто перестанут кредитовать его бизнес, а он долго не протянет, потому что его собственные накопления у него уже давно отняли мытари.

Не верите? Значит, вы не знакомы с темой. Ознакомьтесь, и вам станет ясно, что я прав.

И вот представьте себе, что я осознанно отказываюсь заискивать и прогибаться перед месье Табуреттом, начальником крупнейшего банка «комендатуры» на бульваре Осман, поскольку не собираюсь глотать оскорбления и намерен отстаивать свои права и свободу.

Как реагирует месье? Истерично. Он рвет и мечет: «Как так, какая-то мелкая сошка, некий русский, ничтожный

бизнесменишко» позволяет себе дышать волей, когда даже я, великий месье Табуретт, стараюсь приспособиться и вжиться в свою ячейку Системы?»

Я ушел, а Табуретт немедленно принялся писать нам о том, что счет закрыт, а деньги, остатки на счете, соблаговолите получить по чеку номер… «который прилагается к настоящему письму».

Табуретт явно нервничал, потому что чек-то он «забыл» приложить. То ли специально хотел нам досадить, то ли и впрямь ручонки у него тряслись от гнева. Короче, чек на сумму остатков на нашем счете мы не получили, хотя о нем ясно говорилось в официальном письме и даже указывался номер этого мифического чека.

Потом банкир прислал нам еще несколько писем, одно за другим, в которых объявлял контракт об аренде сейфа расторгнутым и требовал ключ.

Я, понятно, снова решительно отказался отдать ключ, а контракт расторгнутым не признал.

В принципе, как показали дальнейшие события, я правильно определил психотип этого человека: он поскандалил, наломал дров, но так и не решился вскрыть сейф, отложив дело в долгий ящик.

Через некоторое время месье Табуретт покинул пост директора этого агентства, и новый директор, обнаружив, что один из сейфов депозитария не оплачивается и при этом закрыт, потребовал от нас через свою ассистентку вернуть ключ.

Само собой, я в ответ спросил: а где наши деньги, оставшиеся на счете?

Новый директор агентства чванливо указал мне, неразумному, что деньги были со счета списаны по контракту в уплату аренды сейфа, так как контракт все еще действует.

Тут мы с адвокатом весело посмеялись: ведь Табуретт письменно заявил, что контракт расторгнут, а наши деньги УЖЕ высланы нам чеком.

Я предлагаю вниманию читателей письма обеих банкиров по поводу одной и той же суммы остатков на счете клиента. Они противоречат и исключают друг друга.

Новый директор при этом заявляет, и тоже письменно, что контракт действует, а деньги списал банк в свой карман ради оплаты по контракту.

Короче говоря, нас просто прекратили обслуживать, но не забыли стырить наши деньги за сервис, которого не было. При этом банк подделал, вероятно, и бухгалтерский баланс — он ведь у них, по идее, не мог сойтись, если остаток на счете клиента

использован два раза и с разными целями: выписан чек, и эта же сумма потом списана на другое дело…

Словом, и смех и грех. Теперь вообще есть серьезный повод усомниться в добросовестности финансовой отчетности этого банка.

Потом директора менялись, а таинственный сейф номер 306–02 оставался закрытым, нами не оплачивался, и так тянулось год за годом. Сотрудники банка знали, что к ячейке номер 306–02 не следует приближаться и ее держателям лучше не пытаться звонить, от греха подальше.

Между тем кофр 306–02 постепенно обрастал легендами, потому что каждый из новых директоров предпочитал спрятать концы этого непонятного и нехорошего дела подальше.

А уж когда этим сейфом заинтересовалась контрразведка, железный ящик и вовсе окутался таинственным туманом.

Чтобы закончить тему с банком, скажу, что сегодня, в январе 2013 года, ключ от сейфа по-прежнему находится у меня, а внутри пустого железного ящика по-прежнему лежит визитная карточка компании «Аэрофлот» с нецензурной надписью из трех кириллических букв. Сейф нами не оплачивается и банком не используется.

Перо и пергамент

Сначала портрет, а потом и личность Бенвенуто затянули, всосали всю нашу привычную жизнь в некую «галактическую воронку», и в конце концов после непередаваемых приключений нас с женой и нашими верными помощниками выбросило в какой-то другой мир.

Ощутив наяву вибрации душ великих людей прошлого, особенно эпохи Ренессанса, мы вдруг увидели, насколько убог набор наших желаний (я имею в виду людей современного, привычного комфортного и обеспеченного социальными гарантиями мира), как узки рамки «свободы» личности сегодня и как далеко мы ушли с тропы здравого смысла.

Словом, я стал замечать, что смотрю на окружающее другими глазами.

Соответственно, у меня возникло непреодолимое желание поделиться своими знаниями, своими ощущениями с другими людьми.

Хорошо было бы сделать фильм о людях того времени, когда за каждую корку хлеба или свободное слово приходилось бороться как за саму жизнь. Ведь при этом, при своей тяжелой судьбе, наши предки строили прекрасные храмы, мосты, чудесные города и писали почти невероятные, божественные картины.

Я мечтал сделать кино таким, чтобы наши смелые и сильные духом пращуры стали понятны моим современникам. Его основной мыслью должны были стать свобода и вера в себя. Свобода индивидуума, порочного и высокого гения среди бурлящего и кровавого, трансформирующегося мира… А Бенвенуто Челлини как нельзя лучше подходил на роль главного героя.

И вот когда я еще обдумывал новую для себя мысль насчет кино и постепенно привыкал к ней, случилось странное происшествие.

Я ехал по Москве и вдруг на огромном билборде увидел лицо Челлини. Ну вот просто лицо с нашего портрета. Я оторопел и попросил своего шофера остановиться.

Потом я долго стоял и смотрел на огромную афишу. Оказалось, что это реклама фильма, а человек, как две капли воды похожий на Бенвенуто, — это загримированный австралийский актер Хит Леджер.

После того случая я твердо решил снять кино, и известие о скоропостижной смерти актера, в гриме как две капли воды похожего на Челлини, воспринял как личную трагедию.

В моем возрасте, уже после сорока, мечты сразу же превращаются в конкретные планы. И потому я начал действовать.

Первым делом я накупил всяческой литературы по сценарному ремеслу и прочитал ее. Особенно мне понравились американские книги — там все было изложено предельно конкретно, прагматично и интересно.

Вообще говоря, оказалось, что ремесло сценариста чрезвычайно интересное, творческое дело, а вот его место в киношной индустрии оставляет желать лучшего. Но обо всем по порядку.

Прочитав книги, я стал посещать кое-какие мастер-классы, тем более что сегодня это легко делать виртуально.

В конце концов по прошествии нескольких месяцев я почувствовал, что готов.

Предметом сценария по моему замыслу должны были стать несколько лет жизни Бенвенуто, причем весь материал основан на реальных событиях, местами перетасованных, усиленных и вплетенных в параллельные сюжетные линии.

Я сел за работу и примерно за пару месяцев написал сценарий по-русски. Ориентировочно сто страниц голливудского (как его называют сами киношники — «индастри») стандарта.

Дело в том, что в Голливуде к оформлению сценария предъявляются жесткие требования: если он оформлен неправильно, его даже не станут читать.

Правильно оформленный материал при этом предполагает, что одной странице текста соответствует примерно одна минута экранного времени.

Сценарием я занимался после работы и по ночам.

Чтобы оправдать в собственных глазах отвлечение сил и времени на огромную работу, я убеждал сам себя, что кино позволит представить автопортрет, а автопортрет и вся его история помогут кино. Но на самом деле я просто искал какой-то смысл для объяснения возникшей столь внезапно потребности написать сценарий. По правде говоря, внутри меня уже клокотал вулкан, и он должен был вот-вот взорваться.

Работа над сценарием меня не утомляла, я мог просидеть перед компьютером всю ночь напролет.

Чтобы писать профессионально, я решил найти себе «коучей» (проводников, опытных инструкторов) в США, которые помогли бы мне создать или, вернее, переписать текст по-английски без ошибок.

Поскольку я четко понимал, чего хочу, мне повезло: просто по объявлению и без всяких знакомств я связался с

замечательным человеком в Нью-Йорке — Крегом Келлемом, а потом пришлось поработать и с его сыном — Шоном.

Шапочно я теперь знаком и с Джуди, дочерью Крэга. Вся семья Келлемов — это профессиональные «коучи», то есть учителя-инструкторы сценаристов — «скрин докторз», как это называется на сленге «индастри».

Крэг стал мне в результате чем-то вроде наставника, отца и проводника в этом новом для меня мире.

Первым делом Крэг попросил меня подписать ему «релиз эгримент» (Release Agreement). Но как только я узнал, что это на самом деле такое, наотрез отказался.

«Релиз эгримент» — это такая бумага, которую ты подписываешь, добровольно отказываясь от своих авторских прав. Она о том, что никогда и ни при каких обстоятельствах ты не станешь упрекать партнера, если он украдет у тебя сюжет, персонажей, идею, текст и вообще все.

В Голливуде и около «релиз эгримент» подписывается при каждом удобном случае. Это нечто вроде изнанки якобы хорошо защищенных авторских прав.

Реакция на акцию. Противодействие действию. Зримое проявление третьего закона Ньютона, можно сказать. Закон защищает авторские права? Ну тогда продюсеры попросят сценариста просто отказаться от них добровольно. Вот и все. Не хочешь — ну и сиди со своим сценарием в обнимку, никто его не прочтет.

Таким образом, с помощью «релиз эгримента» «индастри» огораживается от исков, особенно от пустых и надуманных исков по поводу авторских прав.

Тем не менее я хоть и читал об этом в американских учебниках по сценарному делу, все-таки был насторожен и удивлен.

Крэг тогда не послал меня к черту, как немедленно сделали бы 99 % людей из «индастри», и даже прочитал сначала мой синопсис, а потом весь корявый черновик сценария. Затем перезвонил мне и сказал, что тема настолько не похожа на все остальное, чем он занимается, что он согласен поработать со мной и без «релиз эгримента».

«Ты хоть понимаешь, я надеюсь, — сказал он, — то, что ты сейчас написал — это не сценарий, а хрень какая-то, в которой плавают интересные зерна, и хотя этих зерен довольно много, но они не видны?»

Да, это я понимал. Я не упрямился и согласился следовать его инструкциям.

Сначала мы составили тезисы для первого акта, потом для

второго, третьего и четвертого. Практически мы разложили сценарий на атомы и собрали его снова. Выстроили его безупречно по законам Станиславского, потом углубили провалы и подняли вершины.

Каждую сюжетную линию мы проработали отдельно, опять же подчинив все объективным сценарным законам. Потом свели все вместе. На правильный, крепкий «скелет» мы нарастили «мышцы» и покрыли их прекрасной «кожей».

Мы работали вместе, одной командой, смеялись и прикалывались над разницей культур в течение пяти месяцев, кажется.

Американцы, а если точнее, американские евреи многого не понимали в тонкостях европейского менталитета. А Шон так и вовсе все время порывался накормить солдат, осаждавших Рим в 1527 году, пиццей. Я посмеялся над ним: помидоры тогда еще не были в ходу в Европе.

Ну и они тоже находили немало поводов посмеяться надо мной. Особенности моего английского языка, например, доводили их до истерики.

Еще их удивляли моя бескомпромиссность и внимание к деталям придворного этикета, особенностям поведения героев в рамках специфической социальной иерархии того времени. А я видел и чувствовал каждого персонажа своего сценария как живого. Герои говорили и действовали по-своему, оставалось только слышать и понимать.

Словом, по истечении пяти месяцев сценарий был готов. «Коучи» сказали, что он получился хорошим, крепким и правильным с точки зрения драматургии. Но я хотел убедиться, что текст действительно хорош.

В первую очередь я напряг свои связи и разыскал в Италии и Великобритании рафинированных потомственных аристократов, не чуждых культуре, истории и литературе в особенности.

Мне необходимо было услышать их мнение относительно каждой детали сцен и диалогов. И если бы кто-нибудь из значимых для меня читателей посчитал бы написанное надуманным или противоречащим их опыту, манерам или воспитанию, я бы немедленно все переписал.

К счастью, мои рецензенты прочли текст внимательно, мы обсудили с ними материал и нюансы подробно, и их впечатление оказалось весьма позитивным.

Когда я писал сценарий, то просто не задумывался о том, как поступлю дальше, когда он будет готов. Так уж, вероятно, устроена психика деятельного человека: если представить себе

весь путь сразу, со всеми его препятствиями и осложнениями, то желание продвигаться и начинать движение ослабнет.

А если видеть перед собой только этап, пусть и сложный, но который тебе по силам, тогда втянуться в дело имеет смысл. Ну а потом — «дорогу осилит идущий», как говорится.

Итак, сценарий был завершен, а «коучи» исправили все ошибки и корявости неродного мне английского языка.

Получилось отлично. Что дальше?

В Голливуде сценарии пишут все. Кто не пишет, тот зарабатывает на сценаристах. Там говорят не «Здравствуйте, как дела?», а «Здравствуйте, как ваш сценарий?».

В год их пишется сотни тысяч. И только пара процентов из написанного кем-то читается. Ничтожная часть прочитаного принимается в работу, то есть покупается продюсерскими студиями.

Материал, написанный новичком, покупается за 30–60 тысяч долларов, а вот сценарий, который заказывается опытному сценаристу, стоит уже 250 тысяч. На все установлены порядок и правила гильдиями сценаристов, режиссеров, актеров и продюсеров.

Если студия купила права или сценарий, это вовсе не значит, что кино будет снято. Скорее всего, текст отдадут другому сценаристу, чтобы он его переписал под видение продюсера и особенно режиссера. Как вариант — уже купленный текст положат на полку и забудут. Это, кстати, случается в большинстве случаев.

С каждым годом все труднее и труднее людям со стороны пробиться внутрь киношной индустрии.

На сценаристах зарабатывает довольно много народу. Им, готовым использовать любой шанс для продвижения своего сценария, устраиваются встречи, чаще всего групповые, с продюсерами, агентами, успешными коллегами, тренерами по продажам и прочей подобной публикой. Все это не бесплатно, разумеется.

Сценаристы, особенно начинающие, готовы раскошелиться, тратя на эти встречи деньги, с трудом заработанные на своей основной работе.

Кроме того, для сценаристов устраиваются бесчисленные «конкурсы» в Голливуде и около, за участие в которых также приходится платить.

По совету Крэга я тоже подал свою заявку на конкурс и, на удивление, вдруг выиграл его.

Потом случилось маленькое чудо: мой сценарий заметили.

Я стал размещать синопсис своего произведения на

специализированных сайтах и, к собственному изумлению, начал получать отклики и запросы от продюсерских компаний.

Это вообще-то чудо. Обычно большого интереса не бывает, тем более у меня тема историческая, на их сленге — «период», и это не есть хорошо с коммерческой точки зрения.

Всего я получил около 30 запросов и, подписав «релиз эгрименты», разослал по этим запросам свой сценарий.

Среди людей, заинтересовавшихся моим трудом, оказались и профессиональные агенты. Как и все в Голливуде, эти люди прежде всего думали о своем кармане и, заметив, что я русский, стремительно навели справки обо мне.

Им понравилось, что я бизнесмен и что о нас и нашей компании писала в свое время «Нью-Йорк Таймс» на первой полосе раздела «Бизнес-ньюс». Таким образом, они сделали вывод, что деньжата у меня водятся в избытке. А значит, их можно тем или иным способом «отжать».

Так что интерес у агентов к моей скромной персоне появился многовариантный.

1. Аккуратно «срубить бабла с клиента». Хотя агентам запрещено правилами гильдий брать деньги с клиента за свою работу. Они имеют право исключительно на 10–15 % комиссионных от вознаграждения и получают свою долю только по факту. Сначала клиент, потом они. Но если «рубить бабло» аккуратно, то, видимо, можно и «подоить клиента», потихоньку обходя строгие правила гильдий.

2. Продать сто́ящий сценарий в хорошие руки за бесценок, а потом нажиться на нем, втеревшись в проект.

3. Просто снять кино за деньги неопытного русского.

Ну и так далее.

Словом, у меня как сценариста появились собственные агенты в Голливуде. Причем знакомые с суперзвездами и работавшие, по их собственным словам, с довольно известными людьми. Как говорится, «вау!» и «суперкруто». Даже если эти самые агенты неуловимо напоминали нам лису Алису и кота Базилио, все равно. Каждую неделю от них приходили позитивные новости, и жизнь наша становилась все забавнее.

Но даже эти охочие до денег агенты и то прежде всего сказали мне, что возьмутся за дело только в том случае, если сценарий получит хороший «каверидж» (coverage). Без перспективного «кавериджа» их этот проект не интересует ни в каком виде.

«Кавериджем» в Голливуде называют рецензию, написанную более или менее уважаемым в «индастри» рецензентом.

Там, на этой фабрике грез, у каждого свой «уровень».

Сценаристы, режиссеры и актеры разделены на ступени, или классы, и переход из класса в класс означает изменение статуса, материального положения и перспектив.

Так вот, требовалось получить подходящий «каверидж» от какого-нибудь крутого рецензента. А к такому рецензенту, понятное дело, человеку с улицы даже приблизиться трудно. Обычно подобные люди тщательно прячут свои адреса.

Сценаристы ведь бывают не в меру навязчивыми и готовы на все, чтобы их заметили: посылать свою писанину по почте, подкладывать на лестницу, изобретательно подсовывать через знакомых… Люди верят в удачу, молятся своим богам, ставят свечки и трут в кармане амулеты: вдруг случится счастье, их сценарий прочтет «светило Голливуда» и жизнь закрутится веселым хороводом успеха.

Поэтому ни крупные агентства, ни продюсеры, ни рецензенты не публикуют на своих сайтах контактных мейлов, адресов и телефонов. Очевидно, в «индастри» считается, что талант все равно пробьет себе дорогу и через знакомых знакомых приличный материал попадет-таки в правильные руки.

Но вполне возможно и обратное: хорошие сценарии больше просто-напросто не востребованы. Голливудом рулят маркетинг и заданный идеологический спрос, а продюсеры больше не ищут свежих идей и правдивых историй. Сценарные планы определяются заранее, на маркетинговом совете.

Короче, мои агенты, которые в иерархии Голливуда занимали место где-то выше среднего, хотя и не на самом верху социальной лестницы, смогли показать мой сценарий некоему Мишелю Хаддаду, известному рецензенту. Мишель согласился посмотреть.

Мне, конечно, пришлось оплатить его услуги через этих же агентов, но, уверяю вас, сумма никакого значения для его рецензии не имела: репутация ему многократно дороже, чем разовый и незначительный гонорар. Тем более что оплату рецензент берет до того, как начнет читать, и, таким образом, он никак не скован в своих отзывах.

И тут опять случилась удача: Мишелю сценарий очень понравился, а мои диалоги он счел просто превосходными.

Каверидж (рецензия) пишется, как и все в «индастри», по жестким правилам и втискивается в стандартный формат, а каждый сценарий оценивается в баллах.

Мой текст мистер Хаддад оценил на 8 баллов по 10-балльной системе.

Если принять во внимание, что я новичок, а Мишель осторожничал, — это просто великолепный результат. К тому же мистер Хаддад, человек из компании Paramount, объявил меня А-

Level — писателем, открыв таким образом моему сценарию путь к киношным звездам нашего грешного мира.

Рецензент посчитал, что фильм получится драматически ценным и звезды согласятся в нем играть за небольшие деньги, рассчитывая на фестивальные награды.

Мой дорогой друг и консультант Крэг Келлем долго и искренне радовался, когда я отправил ему каверидж.

После получения хорошей рецензии мои агенты отправляли сценарий знаменитым режиссерам, и те действительно читали его.

Некоторые из знаменитостей даже ответили агентам письменно, черкнув и пару строк для меня, начинающего сценариста.

Стало очевидно, что, добавив к успеху со сценарием денег, мы вполне сможем договориться с одной из самых ярких личностей в мире кино, чтобы он снял наш фильм.

Подбор режиссера — дело очень важное. Кинолента — это прежде всего детище режиссера. К тому же, если сценарий нравится звездным персонам, это дополнительный аргумент для продюсера взяться за дело.

Притом с режиссером и со звездами-артистами можно договориться на разумные гонорары, если им действительно нравится проект.

Переписка с легендарными людьми невообразимо тешила мое самолюбие, однако все четче вставал вопрос: кто, собственно, будет продюсером, а вернее, инвестором?

Мои агенты постепенно подталкивали дело к тому, чтобы я поверил в свои силы, а также в проект и раскошелился на это кино сам.

Ни с режиссером, ни с командой продюсеров, ни даже с дистрибуцией будущего фильма непреодолимых сложностей в общем-то не было. Шаг за шагом, встречаясь с разными людьми, я продвигался по технологической цепочке «индастри». Вид Голливуда изнутри меня восхищал своей стройной организацией и хищным прагматизмом.

Одним словом, со временем агенты преуспели, и я начал подумывать, что, пожалуй, справился бы с продюсированием при условии, что подберется хорошая команда помощников и единомышленников.

Постепенно, прочитав стопку литературы по теме и переговорив с профессионалами, я укрепился в своем мнении. Оставалось только решить, какие именно суммы придется инвестировать в это дело.

Отвечая на мой вопрос, агенты уверяли, что собственных

средств имеет смысл инвестировать от силы процентов тридцать от суммы бюджета, остальное — это так называемые «софт мани» и «предпродажи».

«Софт мани» — это различные субсидии, в основном, конечно, государственные. От авуаров на будущие налоги до прямых субсидий. А «предпродажи» — это нечто вроде аванса от кинопрокатных, вернее, дистрибьюторских компаний. Если же продюсеру не удается договориться с кинопрокатной Системой, ему не стоит даже начинать проект.

В определенный момент агенты решили, что я «дозрел», и попросили у меня несуразно большую сумму под предлогом расходов, необходимых для «расчета бюджета» будущего фильма. Я хорошенько поразмыслил и деньги им дал.

Бюджет агенты вскоре сварганили, и он составил 16 миллионов долларов США.

При этом режиссеру предполагался гонорар всего-навсего 500 тысяч долларов, а звездам и актерам второго плана отводилось на всех вместе полтора миллиона. Рассчитывали на 40 съемочных дней.

Получив в свое распоряжение от них несколько бумажных «портянок», состоявших из колонок цифр, я скрупулезно прошелся по бюджету с карандашом. На мой взгляд — опытного бизнесмена и кинодилетанта — этот «бюджет» был каким-то скоморошным.

Он больше походил на декларацию о намерениях будущего грандиозного «попила» инвесторского «бабла», чем на реальный бюджет коммерческого проекта. Хотя, читая смету строку за строкой, я все понимал и действительно не находил в работе продюсера ничего, кроме здравомыслия и деловой хватки.

Профессионалы из «индастри», с которыми я посоветовался и показал расчеты моих агентов, уже метивших в копродюсеры, в общем-то разделяли мои сомнения насчет несуразно раздутого бюджета.

Можно сказать, что к тому времени я уже более-менее оброс кинознакомствами — и в Италии, и в Великобритании, и даже в Германии.

Себестоимость продукта без рекламных издержек в размере 16 миллионов долларов для нашего фильма казалась совершенно неподъемной цифрой с точки зрения окупаемости.

Мои новые знакомые в Лондоне, которые вскоре стали близкими друзьями, просто постукивали пальцем по виску, намекая, что я сумасшедший. «Твой проект не должен обойтись тебе дороже четырех миллионов евро, если ты действительно хочешь его окупить», — сразу и без обиняков заявляли они.

Они, вероятно, правы. Спорить с этим трудно, и я изначально был с ними согласен.

Кинорынок — очень красивый, но крайне жесткий бизнес. Поэтому я, как реалист, с одной стороны считал, что бюджет следует ужать вчетверо, а с другой — не рассматривал свой кинопроект с точки зрения источника денег. Для себя, во всяком случае. Меня лично вполне устроили бы и умеренные убытки, скажем — миллион.

Такой взгляд на вещи, я имею в виду готовность к будущим убыткам, для кино вообще весьма распространенное дело.

В России, оказывается, инвесторов в местную индустрию грез даже называют «кинолохами». Потому что, по статистике, на рубль вложений они получают обратно в среднем всего-навсего четыре копейки, по свидетельству одного известного российского кинодеятеля.

Однако, прекрасно зная об этих общедоступных цифрах и проблемах, некоторые люди все равно финансируют кино. Они поддерживают выпуск интересных лент, не рассчитывая на окупаемость.

Подобные инвесторы руководствуются соображениями престижа, благотворительности, реализуют свою потребность в творчестве или помогают культуре. И таких, как я с приятным удивлением узнал, на самом деле если не большинство, то, во всяком случае, немалая часть среди общего количества киноинвесторов.

Все продюсерские компании, запросившие мой сценарий, в конце концов тоже склонились к мнению, что фильм будет дороговат и не окупится. Однако я не унывал. Для того чтобы поднять это дело, мне всего-навсего требовался единомышленник, готовый тоже вложить в это красивое дело деньги, поскольку собственных средств у нас не хватало.

При этом задача поиска партнера-инвестора, согласного на убытки, отнюдь не казалась мне неразрешимой.

Более того, у меня созрел очень конкретный и весьма реалистичный план.

Нью-Йорк. Университет Коламбиа

Всех его деталей я не хочу сейчас раскрывать, план в общем-то еще действует, и я надеюсь это кино снять.

Просто скажу, что я действительно нашел заинтересованных людей.

Однако в процессе исполнения этого плана обязательно следовало обзавестись поддержкой крупных искусствоведов в отношении автопортрета Бенвенуто Челлини.

Не то чтобы нам на этой стадии нужна была их экспертная оценка, нет. Не совсем так, ибо в этот момент публично спорить с очевидностью, что перед нами лицо Бенвенуто Челлини, никто из искусствоведов, находясь в здравом уме, уже не стал бы.

Но нам требовался авторитет светил из искусствоведческого «аквариума» для привлечения прессы, медийно-важных персон, знаменитостей и прочих элементов зелья, известного как успешный пиар.

Необходимо было сфокусировать внимание публики на красоте портрета и на сути проекта, а не на гаданиях и сомнениях: «Настоящий автопортрет или нет? Подлинник или копия?»

Иначе говоря, хотелось, чтобы публика почувствовала силу и мощь этого необыкновенного человека. Чтобы люди интересовались Челлини, его натурой, духом, характером. Этим, пожалуй, самым изысканным и «элитарным» художником в нашей истории.

Словом, искусствовед нам был необходим.

Поэтому в конце 2009 года я снова стал искать возможность встретиться с ведущими специалистами мира в области истории искусства. Разумеется, если бы сэр Джон-Поуп Хеннесси был жив, задача представления портрета партнерам по проекту решилась бы элементарно — парой мейлов и телефонным звонком.

Но «Великий Поуп», как его с любовью называли ученики, ушел от нас, покинув этот бренный мир еще в конце 90-х. И теперь волей-неволей приходилось искать кого-нибудь «с глазами» ему на замену.

Не имея ни виз, ни знакомых в Великобритании, мы с женой решили поискать нужного человека в США. Вскоре случай для контакта с таким искусствоведом из академической среды подвернулся сам собой, и вот как это произошло.

Однажды мы с друзьями в заочной дискуссии на просторах Сети заговорили об образовании в США, вернее, о продолжении образования — аспирантуре и докторантуре.

Как оказалось, один из моих «френдов», а вернее, одна из «френдесс» оказалась весьма компетентным человеком в этом вопросе.

И так, обсуждая тему, она натолкнула меня на мысль о встрече с доктором Фриманом, профессором Колумбийского университета.

Цель встречи — мое возможное поступление в докторантуру, и при этой оказии у меня, во всяком случае, будет возможность прощупать обстановку насчет представления автопортрета Челлини. Во время беседы я смог бы понять реакцию профессора и оценить наши шансы на прорыв блокады.

Идея мне нравилась все больше и больше.

С 2005 года, когда провалились переговоры с итальянцами, прошло уже более пяти лет, и я оптимистично надеялся, что история с «наложением руки» итальянскими «товарищами», а именно блокирование признания картины, уже начала устаревать.

Встреча с профессором была назначена у него в кабинете на 26 марта 2010 года в 15:00 по нью-йоркскому времени.

В процессе подготовки этой встречи мы переписывались с офисом профессора, и я рассказывал о себе. Поэтому доктор имел возможность ознакомиться с моей биографией, образованием и даже со статьями в прессе, повествующими о нашем бизнесе и о нас.

Как выяснилось во время переговоров, он и, вероятно, его ассистент Кира Бигмэйл действительно дали себе труд прочитать мое досье, и насколько мы можем судить, уделили ему достаточное внимание.

Профессор Фриман весьма радушно встретил нас с дочерью в назначенный час. Он опоздал всего на пять минут, но, принимая во внимание, что мы приехали пораньше на четверть часа, у меня было время осмотреться в помещении и еще раз собраться с мыслями.

Мистер Фриман предполагал принять нас в своем кабинете, но поскольку мы ожидали его в зале переговоров, то профессор пришел для беседы прямо туда.

Академия итальянского искусства в Америке (Italian Academy for Advanced Studies in America) Колумбийского университета — это роскошное шестиэтажное здание, где по возможности воссоздана «итальянская» атмосфера: даже печенье и вода, которыми потчуют посетителей, в этом здании итальянские. Очевидно, что правительство Соединенных Штатов Америки не жалеет средств для поддержания искусствоведческих изысканий. По крайней мере, мне так показалось.

В зале для переговоров висело несколько картин, две из них

довольно большого размера, и хотя все они, без сомнения, писались в XVIII веке и были не очень хорошего качества, но выглядели «старыми» и «держали» атмосферу зала.

Профессор оказался довольно высоким, отлично сложенным человеком, приветливым, внимательным и, как мне показалось, очень умным.

Прежде чем приехать к нему, разумеется, я прочитал несколько работ доктора Фримана и потому более или менее ясно представлял себе его специализацию. Дэвид Фриман исследовал психологическое воздействие произведений искусства на зрителя. У него в штате трудились как искусствоведы, так и психологи и даже нейропсихологи.

Излишне говорить, что профессор блестяще говорит на нескольких языках, а искусство итальянского Ренессанса — один из его коньков.

Вообще-то мистер Фриман оказался большой шишкой и в иерархии Соединенных Штатов. В этом мы потом имели возможность убедиться лично. Как следовало из нашего разговора и последующей переписки, он имеет прямую связь с офисом президента США и, очевидно, входит в круг элиты своей страны.

В первые минуты нашей встречи от волнения я с трудом выталкивал из себя английские слова, но мистер Фриман был отличным собеседником, и вскоре разговор полился легко.

Я вполне сносно пишу на английском, но говорить мне иногда бывает сложновато, особенно если собеседник обладает незнакомым акцентом. Как остроумно заметил однажды Бернард Шоу, «самая большая разница между англичанами и американцами — это наш общий язык». Специально для преодоления языковых сложностей, на случай если таковые возникнут, я взял с собой дочь.

Александре исполнилось 13, она была не по годам развита и к тому времени уже серьезно помогала нам с женой в бизнесе, консультируя нас в области коммуникации с подростковой аудиторией.

Дочь с раннего детства посещала английскую школу и прекрасно себя чувствовала в любой англоязычной среде. При этом сохранился и ее русский: специально ради детей мы всей семьей прожили один год в Москве, чтобы дать возможность сыну и старшей дочери походить в русскую школу тоже.

Хотя, надо признаться, во время нашей встречи с профессором и объяснять-то почти ничего не пришлось. После недолгого вступления я просто показал ему десяток фотографий, сопровождая их короткими комментариями.

Профессор на какой-то момент просто лишился дара речи.

Я не знаю, слышал ли он уже от итальянцев про это дело, вероятно — да. Но, увидев фотографии фрески, рисунка, барельефа, а также нашего портрета и сопоставив их, он сразу все понял.

Одно дело — найти лицо Челлини. Это само по себе ценно. Но совсем другое (что многократно ценнее) — понять и наглядно подтвердить скрытое послание Бенвенуто потомкам. Изобразив себя в определенном ракурсе и характерной шапочке, подобно святому Макарию с фрески Кампо Санто, Челлини рассказал нам о себе, о своем мироощущении, придав своему портрету потрясающую философскую и моральную глубину.

Профессору даже не потребовались никакие экспертизы. Он, правда, внимательно посмотрел на результаты химического анализа пигментов и основы портрета Челлини, очевидно чтобы убедиться в датировке, потом встал из-за стола и прошелся вдоль окна. Затем повернулся ко мне и поздравил с открытием.

Справившись наконец с волнением, профессор сел к столу, и мы продолжили беседовать.

Доктор Фриман, желая дать мне ценный совет, отложил в сторону пару из десятка моих фотографий, сказав, что они здесь лишние. По его словам, они просто не были нужны для доказательств. Но в остальном моя логика, с его точки зрения, была безупречна, а доказательства очевидны.

Открытие представлено наглядно, и специалисту будет все предельно ясно без всяких слов.

Я, почувствовав такой долгожданный успех, чрезвычайно воодушевился и, немного кокетничая, спросил доктора, принимая во внимание его научную специализацию:

— Как вы думаете, профессор, что должен был чувствовать Бенвенуто, в конце жизни взирая на фрески в Кампо Санто?

Профессор улыбнулся моему вопросу как шутке — нам обоим было совершенно ясно: Челлини был абсолютно убежден, что древние фрески — это предсказание его собственной судьбы в картинках. (См. главу «Загадка красного капюшона…».)

Автопортрет Бенвенуто Челлини и фрагмент фрески из Кампо Санто

Собравшись с мыслями, господин Фриман сказал:

— Здесь я вижу несколько открытий. Они все важны, но одно из них, если все будет корректно доказано, — открытие фундаментальное. Дело в том, — продолжил он, — что историкам искусства известно крайне мало примеров, когда художник эпохи Ренессанса и даже маньеризма вдохновлялся работами средневековых мастеров. Однако здесь это наглядно видно: Челлини изобразил себя в образе со средневековой фрески! И этот случай, возможно, меняет взгляд на вещи.

И потом после паузы он добавил:

— Я не могу решать все один, мне обязательно нужно переговорить с профессором Молем. Вы знакомы с ним?

Я удивился, думая про себя: «Как же я могу быть с ним знакомым? Ведь мы только вчера приехали в США».

— Нет… Не знаком, к сожалению…

— Профессор Моль — ведущий специалист по Челлини. У него много статей о творчестве Бенвенуто… Мы работаем вместе. И хотя профессор — мой подчиненный, это его тема, и я не могу перепрыгнуть через его голову. Я прямо сейчас, немедленно свяжусь с ним. Он только-только уехал, Моль пока работает в университете Пенсильвании, но вскоре переедет сюда. Странно, что вы не читали его книг.

Далее мы говорили обо всем: о том, как начнем работать вместе, как по совокупности открытий я могу в принципе

получить степень доктора, о том, что начнем как можно быстрее.

После такого теплого приема и полного взаимопонимания я растаял, растрогавшись почти до слез. И вот, растаяв, я показал профессору фотографии нескольких других работ из своей коллекции.

О, мне было что показать! Живя во Франции, где доступ к экспертам крайне затруднен, люди вынуждены продавать плохо атрибутированные и неизученные шедевры. Они продают их на малоизвестных торговых площадках, особенно в провинции, и даже через Интернет. Так что нам и кроме Челлини удалось найти кое-что интересное.

Но никогда в жизни я не стал бы показывать другие произведения искусства из нашего собрания, если бы доктор Фриман не очаровал меня и я не почувствовал к нему полного доверия.

Кроме того, я посчитал, и считаю так поныне, что профессор — великий специалист и видит суть каждой вещи. Упустить возможность проконсультироваться с таким выдающимся ученым мне не хотелось.

Посмотрев другие фотографии на моем айпэде, он настороженно спросил меня, показывал ли я кому-нибудь свою коллекцию? Имелось в виду «кому-нибудь из специалистов», конечно. Причем из специалистов высокого эшелона. Я честно сказал, что не показывал.

Французы выдают нам разрешения на вывоз картин из страны даже без осмотра. Их не интересует наша коллекция. С итальянцами у меня отношения не складываются, я вижу, что они норовят отобрать все силой и даром.

Профессор понимающе кивнул и прямо посоветовал мне к итальянцам не обращаться ни в коем случае.

Далее мы обсуждали, как профессору Фриману и профессору Молю лучше увидеть картину живьем: доктор собирался приехать на Юг Франции, если необходимо.

Я сказал, что всё проще: привезу портрет в США, если потребуется.

Профессор недоуменно посмотрел на меня и выразил сомнение, что можно перевозить такую работу через границы. Мне пришлось вкратце рассказать историю с экспортным сертификатом французского Министерства культуры.

Разумеется, в эту нелепую сагу (о которой я рассказал в главе «Слепая стража») нормальному человеку поверить трудно, и я заметил, что профессор впервые с сомнением посмотрел на меня.

В конце концов мы договорились с доктором Фриманом так: я еду в свой отель на Таймс-сквер и через пару часов жду звонка.

Профессор свяжется со своими коллегами, и мы наметим план дальнейших действий по изучению и представлению портрета публике.

На этом доктор еще раз, стоя, торжественно поздравил меня и попрощался со мной и дочерью с искренней теплотой.

Сразу после встречи мы отправились обратно в свой отель «Мариотт». Я будто летал на крыльях. Состояние эйфории и счастья переполняло меня, и это чувство передалось Александре.

Сначала мы прогулялись по окрестным улицам, а потом, начиная с условленного времени, сидя в своем номере, мы с нетерпением ждали звонка, который должен был изменить нашу жизнь к лучшему.

Но ждали мы тщетно. Профессор не позвонил нам ни в этот вечер, ни на следующий день. Очевидно, вместо нашего номера телефона он набрал другой.

Я не думаю, что это был номер одной из спецслужб вроде ФБР, ЦРУ или АНБ. Скорее всего, он позвонил кому-то из госдепа. Большой шишке. Вероятно, Очень Большой Шишке.

Профессор, должно быть, рассказал своему собеседнику, что приходил некий русский, в мире искусства он не известен. Этот самый русский, живущий во Франции, развязал свою котомку и показал такие сокровища, от которых сперло дух. Надо бы проверить этого парня, прежде чем начинать с ним какие-то дела… Вдруг тут что-то нечисто?

Собеседник поблагодарил доктора за внимательность и звонок, а также попросил его немного подождать и пока мне не звонить.

И вот в то самое время, когда я с нетерпением ждал в своем гостиничном номере, где-то в одном из хорошо защищенных офисов Интеллидженс сервис 11 букв с одним пробелом «Oleg Nasobin» — и кириллицей: «Олег Насобин» — словно камни булькнули в пучину Матрицы разведывательных служб Юнайтед Стейтс оф Америка.

Через несколько мгновений они выудили на свет божий все мое досье, включая отпечатки пальцев и фотографию роговой оболочки глаза.

Говоря по-нашему, я «попал».

Я совсем не осуждаю профессора Фримана. Вероятно, на его месте я поступил бы так же. Близость к высшему руководству США накладывает некоторые обязательства…

Прошло совсем немного времени, и американские спецслужбы убедились, что не имеют никакой негативной информации в отношении меня.

Но, с другой стороны, им было совершенно не понятно,

откуда у нашей семьи такая коллекция произведений искусства. Вероятно, разведка смогла установить и факт наших переговоров с итальянским послом в 2005 году. Тогда они поняли, что дело здесь действительно серьезное.

После этого вполне логично, что американцы запросили дополнительную информацию обо мне у французов, раз мы с семьей уже 13 лет живем у них в Каннах. Французские спецслужбы получили запрос и немедленно занялись моим делом.

И вот тут вдруг выяснилось, что Олег Насобин уже и так под наблюдением, еще с 1998 года. Оказалось, что на нас с женой накоплены тонны писанины, но все без толку. Что наши имена хорошо известны и в администрации, и представителям прессы.

Все наше французское «досье», которым располагали ДСТ (контрразведка) и РЖ (внутренняя разведка), состоит из сотен доносов, которые постоянно проверялись полицией, органами, администрацией и ни разу не подтвердились, но все равно продолжали поступать.

И вот теперь, оторопело вытаращив глаза на грозный и срочный запрос из США, французский генерал думал только одну мысль: «Все-таки просмотрели, что ли? Кто же этот русский есть на самом деле?»

Сумрак

Для того чтобы стала понятнее логика разворачивающегося повествования, придется мне рассказать о контексте, в котором происходили описываемые события, и о некоторых приключениях, случившихся с нами во Франции до описываемых событий.

Продолжение основной сюжетной линии вы найдете в главе «Оборотни».

Загадочный ларчик с доносами на самом деле открывается просто: мы с Ириной, иностранные предприниматели и инвесторы, пережили на личном опыте попытку наглого рейдерского захвата нашей собственности во Франции. Рейдеры нападали, а мы защищались как могли. В результате было много шума. Вот и все.

Казалось бы, разве грубое посягательство на имущество и бизнес возможно в цивилизованной стране с давними традициями правовой защиты? Оказывается, во Франции вполне возможно. И еще как. Причем наш случай здесь отнюдь не единственный, а «правовая защита» инвесторов тут весьма сомнительная. За красивым фасадом правосудия скрываются обветшавшие, неприглядные задворки.

Как это видно из других громких дел на Юге Франции, прокуроры и судьи (у прокурора во Франции тоже статус судьи) здесь, как правило, покрывают жуликов и уголовников, если они им — масонские братья. Тут можно сослаться на свидетельство прокурора республики Эрика Монгольфье, его выступление есть на Ютьюбе.

Вообще говоря, у нас в России к масонам относятся как к чему-то нереальному, загадочному, таинственному. На самом деле эта организация вовсе не тайная, ее телефоны и адреса вы найдете в любом справочнике. Вернее, адресов много, поскольку масонских лож тоже несколько и масонские «течения» (послушания, как они говорят) серьезно отличаются друг от друга. К сожалению, французское масонство погрязло в скандалах.

На Юге Франции, пожалуй, большинство дееспособных мужчин, занимающихся тем или иным видом предпринимательской, административной или интеллектуальной деятельности, состоят в масонском братстве.

Масонство за своей «загадочной ширмой» скрывает идеальную, но довольно банальную коррупционную паутину. Об этом здесь, во Франции, написано огромное количество книг и

статей.

Современные масоны — это часть нашего больного общества, и ничего исключительного или загадочного в них нет.

Организации «детей Вдовы» (как они себя еще называют) привлекают людей декларациями о возвышенных идеалах, возможностью сменить бытовые темы бесед на интеллектуальные и философские. Но в конце концов все превращается в более или менее элитный или, наоборот, примитивный клуб коррупционеров, некую «административно-воровскую малину», где встречаются сами «гопники» и те, кто их должен по идее ловить и наказывать.

Всего во Франции по состоянию на февраль 2013 года насчитывается около 170 тысяч членов франкмасонских лож.

Взять, например, обычный рекламный щит у провинциальной дороги. Он рекламирует всего-навсего цветочный магазин, но выполнен в ключе масонской символики, потому что продавец таким образом пытается увеличить товарооборот, призывая братьев. Это просто маркетинг, и ничего более.

Или какая-нибудь почти заброшенная могилка в нашем городке Монтару с аналогичной символикой. Такое здесь встречается на каждом шагу.

Еще необходимо отметить, что французское масонство считается «нерегулярным», то есть не признается «братьями» из других стран. Между «послушаниями» есть, так сказать, ритуальные разногласия, но, кроме того, репутация у французов подмочена постоянными скандалами и коррупцией. Любой желающий может ознакомиться с темой самостоятельно, источников предостаточно.

Могила с масонской символикой на кладбище в окрестностях Монтору

Рекламный щит

Мы с Ириной приехали во Францию в 1997 году, уже будучи состоявшимися предпринимателями и имея за спиной замечательный коммерческий успех в Чехии, где мы жили до переезда во Францию, и в России, где наше семейное предприятие процветало.

Наши планы во Франции были ясны и логичны: мы хотели

создать индустриальное предприятие, фабрику и собственную марку косметики, которую можно было бы продавать на глобальных рынках. Нам казалось, что из Франции достичь нашей цели будет проще.

Когда мы приехали в Ниццу, мне было около 30 лет, а Ирине и того меньше. При этом за нашими плечами уже был опыт трудного, но успешного стартапа буквально на голом месте, без какой бы то ни было поддержки.

Мы энергично взялись за дело на новом месте: приобрели в собственность большое, красивое, но пустующее здание (которое к тому времени уже около пяти лет числилось на балансе банка после банкротства его предыдущего владельца) и привезли во Францию свое новейшее оборудование из Чехии плюс купили новое.

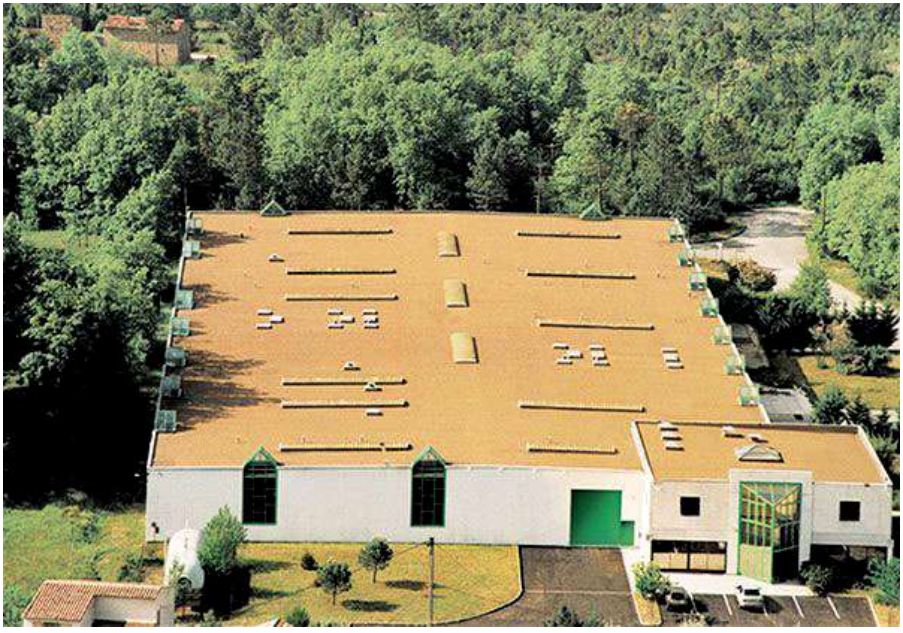
Здание мы приобрели без всяких кредитов. Французские банки тогда, при покупке, нам отказали в кредитовании, потому что мы русские, а на дворе шел 1998 год.

Чтобы собрать необходимую для покупки здания сумму, нам с Ириной пришлось продать свой большой дом в ближайшем Подмосковье и к тому же влезть в долги. Но мы не отчаивались, уверенно идя к своей намеченной цели.

Мы были молоды, полны сил, не чувствовали для себя никакой опасности во Франции и с оптимизмом смотрели в будущее.

Ну и пусть пришлось пожертвовать ради своей мечты личным имуществом и деньгами, зато уже через полгода наш новый, суперсовременный завод выдал свою первую продукцию.

Возле здания фабрики. Монтору, 1998 г.



Здание фабрики. Монтору, 1998 г.

Наша косметика нравилась людям, и сеть сбыта росла как на дрожжах: Япония, Южная Корея, США, Китай, Индия, Россия,

Украина, Филиппины… Небольшой ассортимент мы продавали и в Европе, и во Франции.

Кроме собственной продукции (под своей маркой), вскоре наше предприятие начало разрабатывать и выпускать биокосметику для других фирм, под их собственными брендами.

Заказы множились, а бизнес наш становился не только красивым и перспективным, но и стабильным.

К сожалению, вместо уважения и респекта, наш успех вызвал головокружительную зависть и раздражение во Франции. Местные коллеги не спешили принять нас в свой круг, но ревниво следили за нашим ростом и при случае подсовывали палки в колеса.

Вскоре несколько человек, в том числе и члены руководства нашей французской компании, которым мы с Ириной безгранично доверяли, сговорились с конкурентами о том, как отодвинуть нас с Ириной от управления, а потом и вовсе отобрать у нас предприятие. К заговору присоединились местные финансисты, представители администрации и даже судейские стряпчие. Очевидно, рейдеры широко пользовались возможностями, которые им предоставляло членство в масонском «братстве».

План злодеев подразумевал три этапа.

1. Очернить нас перед всеми, кто мог бы оказать нам поддержку, помощь или защитить.

2. Лишить нас возможности лично управлять своими предприятиями. (Индустриальным и тем, которое владело недвижимостью.)

3. Получить управление компаниями в свои руки, и, манипулируя решениями судов, ограничить нашу возможность распоряжаться собственностью.

В нашей бизнес-схеме недвижимостью, то есть зданием завода, владело юридическое лицо особой формы — SCI.[5]

Эта компания сдавала помещения в аренду нашей фирме. И то и другое принадлежало нам с Ириной.

В целях сохранения рабочих мест суд во Франции может возложить весьма жесткие обязательства на владельца недвижимости и ограничить его права распоряжения своим имуществом, независимо от формы собственности.

Арендные платежи от предприятия в адрес SCI были мизерные, ведь один карман-то, и это наш карман. Зачем нам перекладывать большие суммы из одного угла в другой? Поэтому, если бы предприятие перешло в чужие руки, арендные платежи так и остались бы на том же самом низком уровне.

Суд не позволил бы нам, владельцам SCI, изменить арендную

плату индустриальному предприятию ни в коем случае. И даже если бы мы ее (арендную плату) лихорадочно подняли, имея в виду, что вскоре потеряем управление, суд все равно вернул бы ее на тот же самый уровень и отменил любые решения жадных собственников. Суд интересует исключительно «сохранение рабочих мест». И если рейдеры заявят: «Мы не можем платить адекватную арендную плату, оставьте ее на уровне плинтуса, пожалуйста», судья совершенно точно их поддержит, и никакие мольбы о здравом смысле не помогут.

Сделать арендные платежи невысокими нас надоумили все те же самые заговорщики, когда мы им доверяли как своим советникам. Они говорили, что таким образом первые балансы начинающего предприятия будут «красивыми». Поэтому банки обязательно начнут нас щедро и дешево кредитовать. (Что, конечно, тоже оказалось враньем: наоборот, чем лучше шли наши дела, тем больше местные банки дискриминировали нас.)

Словом, если бы наше предприятие перешло в руки рейдеров, то де-факто захватчики обрели бы полный контроль и над недвижимостью тоже, платя ничтожную, формальную арендную плату. Более того, они вправе были бы требовать от владельца недвижимости содержать здание и территорию за свой счет.

Продать такую обремененную собственность мы бы уже не смогли. Кому она нужна, если приносит меньше денег, чем требуется на ее содержание, а изменить контракт (или сменить арендатора) никак нельзя?

Поставив нас таким образом на колени, заговорщики норовили выкупить у нас здание за бесценок, а вернее, просто отнять. По их плану мы сами должны были бросить всё и сбежать.

Для осуществления второго пункта плана заговорщики стали всячески препятствовать нам в получении вида на жительство во Франции.

Ну, а по первому пункту, понятно, это доносы.

В ход пошли рассылки очерняющих нас анонимок во все органы, сговоры с масонскими «братьями» во французском МИДе и префектуре (МВД). Кроме того, широко практиковались провокации и возбуждения конфликтов с многочисленными органами контроля Французской Республики.

Администрация без всяких на то причин «задерживала» выдачу нам французских документов, дошло до того, что перестали выдавать даже простые визы. Я выехал из Франции за очередной визой в Прагу (Чехия еще не входила в Шенген), а въехать обратно во Францию уже не мог. Мне просто не ставили визу в паспорт, да и все.

В конце концов я вернулся в Монтару по испанской, потому

что у меня предусмотрительно был припасен второй заграничный паспорт, на всякий подобный случай. Я получил по этому паспорту визу в посольстве Испании как турист и с этой визой въехал во Францию. В страну, где мы инвестировали несколько миллионов евро и создали около сотни рабочих мест.

Подобная коррупционная деятельность хорошо отлажена и довольно известна во Франции. Уголовное законодательство страны содержит даже особую статью для борьбы с этой специфической заразой. Преступление называется «Traffique d'influence Code Penal 433–2».[6]

Иголок и ножей, воткнутых нам в спину в период горячей фазы захвата, было много, об одном случае я расскажу, чтобы не быть голословным и проиллюстрировать ситуацию конкретным примером.

Для давления на нас с Ириной заговорщики использовали в том числе Inspection de Travail.[7] Это государственный орган, контролирующий условия труда и наделенный большими полномочиями.

Местный инспектор, которому поручили курировать нашу фабрику, — мадам Лассер проявила невиданное старание, занимаясь этим молодым и здоровым предприятием.

Она постоянно совала свой нос в наши дела и организовывала бесчисленные «проверки», хотя никаких поводов для столь пристального внимания мы не подавали. Однако все усилия не в меру энергичного инспектора тратились впустую. Предъявить нам было нечего.

Тогда мадам, отчаявшись, пустилась на прямое подстрекательство персонала к саботажу. Проворная инспектриса разработала целую операцию.

1. Сначала вызвала меня и Ирину в головной офис Инспекции в Тулоне. Причем вызвала нас туда повесткой.

2. Мы прибыли, но хитромудрую мадам в ее офисе не нашли.

3. Она в это время, оказывается, наоборот, приехала к нам на фабрику, точно зная, что нас там не будет.

4. Пока мы недоумевали в Тулоне и возмущались, что приперлись за сто километров, а нас тут не ждут, мадам собрала всех наших рабочих вместе, а потом и поодиночке и принялась их обрабатывать.

Очевидно, она надеялась вбить клин между трудовым коллективом и нами, буржуями, с целью лишить нас поддержки простых французов. Эта самая поддержка здорово мешала рейдерам. Рабочие заступались за нас, и администрация остерегалась доводить конфликт до взрыва.

Мадам заливалась соловьем, что эта «русская авантюра»

долго не протянет и работникам следует урвать поскорее, кто что сможет, прежде чем наша лавочка — «экран» (как она выражалась) — схлопнется.

Когда мы уже к вечеру вернулись на фабрику, сотрудники рассказали, что мадам Лассер только что была здесь и недавно упорхнула. Потом они оторопело поведали про ее речи и попросили от нас объяснений.

Я не знал, что сказать, но, похоже, работники поняли, что мы люди бесхитростные и не собираемся никого обманывать.

Разумеется, такого неприкрытого давления и террора я уже не вынес и написал возмущенное письмо в Инспекцию, требуя наконец прекратить произвол и беззаконие. Вот это мое единственное письмо, написанное в Инспекцию, некие загадочные личности тут же решили разыграть как козырь против нас. В мастерстве им не откажешь — они из нас же сделали обвиняемых.

Вместо того чтобы назначить проверку фактов, указанных в моем письме, начальник Инспекции повел себя иначе.

Письмо было передано прямо в руки объекту критики, и мадам Лассер тут же обратилась в суд с жалобой на клевету.

Дальше у заговорщиков все пошло как по маслу.

Прокурор немедленно поддержал обвинения инспектрисы, будто только этого и ждал.

То есть с этого момента уже не мадам Лассер искала сатисфакции, но сама Французская Республика в лице прокурора требовала покарать меня ради сатисфакции «оболганной» перед ее начальством мадам. Почувствуйте разницу, как говорится.

Уголовная статья, которую мне инкриминировали, — это статья о клевете, вполне серьезная и предполагающая до пяти лет лишения свободы. Но, к сожалению для заговорщиков, компромата на меня у них в руках все-таки было маловато.

Опытные злодеи понимали, что одно-единственное письмецо, в котором затравленный русский, плохо зная язык и местные порядки, всего лишь просил о справедливости, никак не тянуло на уголовное дело.

Поэтому, когда прокурор вдруг излишне ретиво поддержал «обвинения», мягко говоря, начало попахивать предвзятостью. Доказательную базу сшиваемого белыми нитками дела требовалось срочно укрепить. И масоны провернули еще один «гениальный» ход: они просто пришили мне чужое дело, да и все. Да, вот так тупо и примитивно.

Братва собрала в кучу массивную пачку писем и документов, которая хранилась в Инспекции труда и касалась какого-то бедолаги из Швеции, коего я никогда не знал и не видел, положила мое письмо сверху и передала судье всю толстенную

стопку бумаг.

Стопка отныне выглядела как солидное досье, собранное терпеливыми инспекторами, чье ангельское терпение наконец лопнуло.

Шведа, видимо, к тому времени французы довели основательно, он письменно посылал их всех куда подальше и ругался отборным матом на разных языках.

Причем бедняга занимался этим в течение долгого времени, поэтому макулатуры накопилось изрядное количество.

Так вот, старшей судье-следователю города Драгиньян положили на стол пухлую пачку документов по делу о клевете против некоего русского нувориша-выскочки, который явно не умеет себя вести в культурном французском обществе.

Прокурор обвинения поддержал.

Что, по-вашему, сделает судья, перегруженная работой и не имеющая ни возможности, ни времени сразу ознакомиться с делом? А если еще и прокурор подзуживает, встречаясь то и дело в коридоре? Правильно: возбудит дело и сунет его в долгий ящик.

Судья почти наверняка взглянет мельком на солидную пачку, вздохнет, полистает ее и просто вынесет стандартное решение. А потом у судьи, если дело уже возбуждено, в отношении подозреваемого только три опции:

1) присвоить ему статус обвиняемого;

2) присвоить статус вынужденного свидетеля;

3) присвоить статус свидетеля по делу.

Статус обвиняемого по статье «Клевета» при этом фактически ставил крест на моем пребывании во Франции. Вернее, мне в статусе подследственного просто не выдали бы вида на жительство.

А нам с Ириной был необходим для работы и инвестиций хотя бы стандартный вид на жительство на десять лет. Временный документ на один год меня никак не устраивал, ведь только продление его занимало каждый раз несколько месяцев, и в это время я никуда не мог уехать из страны.

С клеймом клеветника было бы бесполезно обращаться для защиты своей репутации и бизнеса к журналистам или в администрацию. Никто и слушать бы не стал.

Дело потом могло тянуться лет пять, все это время я носил бы позорное клеймо и существовал во Франции на птичьих правах.

В таких условиях любое терпение должно было лопнуть. Мы с женой и детьми просто уехали бы из страны восвояси, бросив всё: и имущество, и дела.

Именно этого рейдеры и добивались. Это и был пункт номер

один их стратегического плана.

Так вот, вернемся к моменту, когда судья-следователь вызвала меня повесткой, очевидно, чтобы впаять мне этот самый статус обвиняемого.

Получив повестку, я позвонил своему адвокату, чтобы рассказать о беде. И в этот раз мой друг и по совместительству адвокат Денис Дель-Рио спас меня.

Он, несмотря на занятость, не поленился съездить в Драгиньян заранее, за несколько дней до даты назначенного допроса, и, подарив шоколадку секретарю суда (грефье), ознакомился с делом. Грефье отдала адвокату всю пачку шведской бумаги для ознакомления.

Прочитав несколько страниц, Дени сразу перезвонил мне и спросил, кто такой этот швед и что он делает со мной вместе? Как мы связаны и зачем?

Я сказал, что не знаю такого ни сном ни духом. Никогда не встречал его и не имею с ним никаких дел.

Потом случилась другая удача: к своему заявлению о возбуждении дела инспектор труда, очевидно от излишнего усердия, присовокупила в общую стопку весьма пикантный документ — свой доклад начальству и донос на меня во французский «КГБ» (вернее, в обе «конторы»: DST и RG). Денис нашел этот документ в куче бумаги и обратил на него внимание.

В этом доносе черным по белому говорилось, что она, инспектор Лассер, и ее подельники, проявляя неумеренное и нездоровое служебное рвение, наняли частного детектива, (специалиста по промышленному шпионажу) и передали ему некую конфиденциальную информацию, чтобы следить за мной. Конечно, все остальное содержание этого доноса есть всего лишь фантазии и бессмысленный бред.

D119

Liberté • Égalité • Fraternité
RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

Direction départementale du travail, de l'emploi et de la formation professionnelle du Var

Inspection du Travail
177, bld Charles Barrier
B.P. 131
83071 - TOULON Cedex

☎ : 04.94.09.54.36
Fax: 04.94.09.55.48
2ème Section
Reçoit sur rendez-vous
Le jeudi de 9h00 à 11h30

e.mail: 2ème-section.ff-06-83
@dd-00.travail.gouv.fr

Services d'information du public
3615 Emploi - 1 Filon
(Module 5.59 F)

Internet : www.travail.gouv.fr

L'Inspectrice du Travail

à

MONSIEUR CANPANACCI STEPHANE
RENSEIGNEMENTS GENERAUX
VILLA HELIOS
74, AVENUE LAZARE CARNOT
B.P. 404
83300 DRAGUIGNAN CEDEX

Toulon, le 17 octobre 2001
Section 2 – DL/DN N° 10/14
Affaire suivie par : Mme LASSERRE

Objet : Entreprise GREEN MAMA à Montauroux.
Réfer : notre communication téléphonique du 28.09.01.

Suite à notre communication téléphonique du 28.09.01, j'ai l'honneur de vous communiquer ci-après quelques pièces pouvant vous être utiles dans votre enquête :

- Copie de la liste des entreprises du groupe GREEN MAMA donnée par la Direction lors de l'enquête sur la demande de licenciement de Madame SIMONET,
- Copie des lettres envoyées par la Direction à différentes entreprises en vue du reclassement de Madame SIMONET dont GREEN MAMA en Pologne, en Tchécoslovaquie et au Canada.

La Direction réfute de faire partie d'un groupe et ale même m'avoir transmis cette liste...

[...]

Selon Madame SIMONET cette entreprise n'a pas de banque dans le VAR mais à OYONNAX car de très sous lentine sur les voitures de Monsieur et Madame NASOBIN.

Aucune banque dans le VAR ne les voudrait.

Dernièrement, le Service des Fraudes de PARIS serait venu chez GREEN MAMA. La PREFECTURE de TOULON pourrait vous fournir des informations plus précises.

Aussi, après avoir pris contact avec le CIRCE (cabinet de conseil international et de renseignements confidentiels économiques, créé par un ex-commandant de la Gendarmerie de Haute-Corse, ayant pour objet de démanteler le système de sociétés écrans et de permettre aux victimes de fraudes et d'escroqueries de récupérer une partie de leur dû), Monsieur PIETRI m'a confirmé qu'après vérification sur des bases de données cette entreprise méritait que l'on s'y intéresse.

Suite à ma visite du 01.06.01, ci-joint copie de la lettre que Monsieur NASOBIN a adressée à Monsieur le Préfet du Var et à Monsieur le Directeur Départemental du Travail, de l'Emploi et de la Formation Professionnelle du Var, constitutive du délit de dénonciation calomnieuse. Il a récidivé en m'adressant un courrier directement.

En égard à son dernier courrier où il maintient sa position rigide, il me contraint à déposer plainte.

Par ailleurs, notre mes constats du 01.06.01 je suis en possession de divers courriers de salariés exprimant la gestion déplorable des ressources humaines et le mauvais climat social.

Ci-joint, copie du registre unique du personnel attestant d'un turn-over très important.

Mademoiselle SIMON Marie-Hélène (page 7 du Registre du Personnel), ancienne juriste, licenciée par l'entreprise GREEN MAMA, pourrait peut-être vous donner certaines informations. Avant cette personne, une allemande avait été recrutée en qualité de juriste mais l'essai n'avait pas été concluant.

L'Inspectrice du Travail,

D. LASSERRE.

Vu et transmis.

Le Directeur Départemental du Travail,
De l'Emploi et de la Formation Professionnelle du Var,

J.P. BOUVEYRON.

COUAC

Le patron est un sans-papiers

COUAC

« On dit qu'il fait bon vivre en France, j'aimerais que l'on dise aussi qu'il fait bon y entreprendre. » S'il n'était dans une belle colère, ces paroles de Francis Mer, ministre de l'Economie et des Finances (« Le Monde » du 9/11), auraient de quoi faire rire Oleg Nasobin. Lorsqu'il a monté son usine de cosmétiques dans le Var, voilà plus de quatre ans, ce citoyen russe était en effet loin de se douter à quel point l'administration française lui ferait regretter le choix de ce pays. Green Mama Production S.A. – c'est le nom de sa société – affiche pourtant un chiffre d'affaires de 457 000 euros et peut se vanter d'avoir créé une quarantaine d'emplois dans la région de Montauroux.

En 1999, « Le Canard » avait déjà évoqué les nombreux obstacles administratifs qu'Oleg avait dû surmonter pour renouveler sa carte de commerçant étranger, document sans lequel il ne pouvait continuer d'exercer. Et c'est de justesse qu'il avait, avec sa femme, évité le licenciement de leurs vingt-cinq salariés de l'époque.

Aujourd'hui, Oleg n'a toujours en sa possession qu'une carte de séjour provisoire, qu'il renouvelle tous les ans. Le couple russe étant installé et travaillant en France depuis plus de trois ans, la législation française devrait lui permettre d'obtenir un titre de séjour valable dix ans. Mais des tracasseries administratives en tous genres ne cessent d'entraver l'avancement de son dossier... A tel point qu'Oleg se retrouve sans papiers depuis le 18 octobre, c'est-à-dire sans passeport ni visa, obligé de suspendre ses déplacements commerciaux à l'étranger et de réduire l'activité de son entreprise. Qu'il fait bon investir en France...

En dix ans, la retraite de Jean, un ancien agent d'assurances, n'a progressé que de 15 euros par mois et il a de plus en plus de mal à payer ses impôts. Le 14 octobre dernier, il se rend donc à la perception d'Angoulême pour négocier un délai. Compréhensive, son interlocutrice accepte qu'il ne verse qu'une partie de la somme due au fisc et qu'il s'acquitte du solde le mois suivant. Mais, trois jours plus tard, Jean reçoit un avis du Trésor l'informant qu'il écope de 10 % de pénalité sur les sommes non payées. Etonné par cette lettre, en contradiction avec ce que lui avait affirmé son interlocutrice, il retourne à la perception... et cherche en vain la personne qui l'avait reçu quelques jours plus tôt. Une autre fonctionnaire l'accueille, examine son dossier sans la moindre bienveillance et conclut sèchement : « *La personne qui vous a accordé un délai n'était pas apte à le faire !* »

« *Comment voulez-vous que je sois apte à savoir si la personne qui me parle derrière le guichet est apte ?* », rétorque Jean, perplexe... Il devra quand même s'acquitter de ses 10 % de pénalité. Il saura dorénavant que rien ne ressemble plus à un fonctionnaire apte qu'un fonctionnaire inapte.

L. Gaud et J.-Y. Viollier

Статья в журнале «Канар Аншене» («Canard Enchaine»)

Ну, вот уже вооруженный этими знаниями о своем деле, я в сопровождении адвоката в назначенный час прибыл к судье по повестке для допроса.

На допросе в ее тесном кабинете в суровом бетонном здании я подтвердил все, что сказал в письме. Потом мы показали судье письма неведомого шведа и донос ретивой мадам инспектора в

органы.

Судья, ознакомившись с документами и выслушав меня, поняла, что ее дурят и ей манипулируют. Она рассердилась, и недолго думая присвоила мне статус вынужденного свидетеля, а не обвиняемого, как было задумано по сценарию.

А еще недели через две судья просто закрыла дело с формулировкой: «Отсутствие состава преступления».

Это была чистая победа. Все обвинения и козни Инспекции разлетелись в пух и прах, а история получила огласку в административных кругах.

Мадам Лассер, испуганная решением судьи, потом подавала на апелляцию, а прокурор, по слухам, и вовсе «кусал ковры».

Но все без толку.

Этот этап войны рейдеры проиграли с треском и безвозвратно.

Ненужную уже мадам быстренько убрали куда-то, очевидно, перевели на работу в какую-нибудь безнадежную дыру, а других инспекторов труда я больше никогда в жизни не видел на своей фабрике.

Впрочем, и та достойная судья-следователь тоже недолго задержалась в суде Драгиньяна. Ее перевели в другой город. Наверное, за непослушание.

Потом, правда, она все-таки вернулась на Юг и работает сейчас в Грассе.

Кроме описанного мной выше эпизода, существует еще не менее десятка хорошо запротоколированных примерно таких же случаев, болезненных для нас и возможных исключительно в стране, серьезно пораженной метастазами коррупции.

Популярный сатирический журнал «Canard Enchaine» писал о наших мучениях с получением французских документов трижды. И всегда в нашу с Ириной защиту.

«Канар Аншене» — это страшное оружие, которого чиновники и администрация боятся больше, чем каких-либо других изданий.

Мы сражались за право жить и работать отчаянно, а трудовой коллектив всегда поддерживал нас. Работникам даже пришлось выходить на демонстрации и организовывать пикеты префектуры в нашу защиту.

Рейдеры не только чинили нам препятствия в оформлении бумаг, но и стремились ослабить нашу компанию экономически.

Цель преследовалась ими все та же: если бы мы столкнулись с финансовыми сложностями, суд отстранил бы нас от управления компанией и передал ее нужным людям. Для этого во Франции предусмотрены две процедуры: введение внешнего управления и принудительная передача компании в чужие руки в

рамках процесса банкротства.

Приведу один из примеров экономического саботажа.

Компания постоянно получала грузы через таможню. Этим процессом руководил один из назначенных мной директоров, которому мы с Ириной доверяли.

И вот однажды от нашего собственного предприятия в Чехии мы получили некий груз, который представлял собой набор всевозможного сырья. Просто наш склад в Чехии закрылся, и мы приняли все его содержимое к нам, во Францию.

Груз почему-то прибыл не прямо на наш собственный склад в Монтару, а на таможню в Тулоне.

Когда я уже гораздо позже потребовал объяснений, директор по логистике, будущий фигурант уголовного дела, только пожимал плечами и, криво улыбаясь, говорил, что произошла какая-то ошибка.

Наш технический директор, который оставался нам верным до самого конца, съездил на место, в Тулон, с командой лаборантов. Они отобрали то сырье, которое и по бумагам, и по маркировкам на таре было годным. Этот груз растаможили, и он прибыл из Тулона в Монтару. Остальной груз подлежал уничтожению без растаможивания (для этого действия существует и предусмотрен особый таможенный режим).

И вот это оставшееся сырье участник заговора из рядов нашей компании не отправил на уничтожение, как следовало, а по сговору с частной компанией-транзитером отдал на ответственное хранение. Причем на «хранение» в руки этой же компании и подписал договор об услуге с прогрессивной (!) оплатой за нее.

Иными словами, каждый месяц сумма за лежание груды почти пустых бочек и канистр на чужом складе увеличивалась, скажем, на двадцать процентов.

Составляя первоначально мизерный транш, со временем сумма выросла в гигантскую.

Ненужный нам груз никак не фигурировал на нашем балансе и оставался невидимым для бухгалтеров.

После того как афера вскрылась, оказалось, что отменить договор в одностороннем порядке наша компания не вправе. Поскольку он исполнялся давно и регулярно, в случае тяжбы суд встал бы на сторону противников.

Выполняя договор и регулярно платя деньги, наша компания как бы признавала, что он имеет силу и мы с ним согласны. Платежи, поначалу небольшие, легко прятались от моего надзора в строке «логистические расходы», так что я не замечал ловушки.

Вот такие масонские фенечки. Поскольку «братья» за много-

много лет накопили богатый криминальный опыт, они им обмениваются, чтобы половчее растащить свою страну по частям.

Кабальный договор я все же разорвал по суду, но перед этим буквально швырнул его в лицо инспекторам таможни. Они постоянно водили шашни с этим транзитером, и по-хорошему там тоже требовалось провести серьезную проверку на предмет коррупции.

Наверное, таможенники сами испугались скандала, поэтому нам в конце концов удалось вырваться из западни с минимальными потерями.

О том, что против нас с Ириной и наших компаний составлен и действует самый настоящий заговор, мне сообщили, как это ни странно, офицеры ДСТ. То есть офицеры французской тайной полиции и контрразведки.

Когда вся эта коррупционная возня вокруг нас и наше сопротивление спровоцировали значительный шум и этот шум достиг Парижа, самое высокое начальство потребовало от местных шпионов разобраться, в чем тут дело.

Спецслужбы понаблюдали некоторое время за нашим муравейником, послушали и всё поняли.

Чтобы пресечь эту нездоровую травлю, офицеры, очевидно с согласия своего начальства, приехали к нам однажды открыто прямо в офис и сказали: «Твои проблемы — это на самом деле заговор. Заговор у тебя под носом. Ты сам виноват — развел тут крыс. Давай теперь разберись с этим побыстрее».

Сначала я им не поверил. Но потом, когда они уехали, проверил те факты, на которые они намекнули. Я сам тайком засел за бухгалтерские книги, просмотрел все счета за несколько лет и вычислил «кривые» договоры. Открытие меня повергло в состояние легкого шока.

Я не мог поверить, что люди, которым мы с Ириной доверяли и которым поручили ответственную работу, могли нас так жестоко обманывать и грабить.

Они фактически намеревались без всякой жалости пустить по миру нас и наших детей… Вот тут я впервые по-настоящему разозлился. Открытие свое я, разумеется, держал в тайне, а сам лихорадочно готовился к войне. Через пару месяцев она началась.

Всю дрянь я вышвырнул из компании, под разными предлогами, но крайне аккуратно. Они потом еще долго судились с нами, но в этот раз уже без толку.

Жулики, сопротивляясь, повыдергивали все свои козыри из рукавов. Все, чем они могли нас шантажировать или угрожать. Но поскольку они делали это не вовремя и впопыхах, мне удалось отбить все контратаки. Вот пример.

Руками своих подельников они попробовали блокировать нам бухгалтерские отчеты и балансы в критический момент. Бухгалтеры вдруг просто перестали работать и стали предъявлять нам невнятные встречные претензии.

Но у меня уже была нанята другая компания. Под видом аудиторской проверки она получила в свое распоряжение все исходные финансовые документы и потому смогла обеспечить нам легальное ведение бухгалтерской отчетности, когда наши «бухгалтеры» блокировали нормальную работу.

То есть я просто «выключил» сгнившую бухгалтерию и «включил» новую, подготовленную заранее и втайне.

Примерно то же самое произошло с рапортом комиссара счетов. Комиссар уже в июне, то есть накануне предельного срока, отказался подписывать свой годовой рапорт. Во Франции для акционерного общества это означает де-факто выход из правового поля и скорую смерть.

Но, на удивление масонам, у нас нашелся запасной комиссар счетов, и он охотно подписал нашу отчетность.

Словом, было много всего подобного и было горячо.

Окончательно избавившись от пиявок и паразитов, мы собрали все известные нам факты по преступным деяниям рейдеров и подали соответствующее заявление в суд.[8]

Перспектива посадить около десятка видных масонов разом

из-за какого-то русского, которого всего-то-навсего «подломили» на несколько миллионов и пытались всерьез ограбить, не улыбалась на Лазурном Берегу никому.

Поэтому, с одной стороны, жулье попряталось в тину, а нам с женой и детьми вдруг выдали все необходимые документы, а с другой стороны, рейдеры начали операцию по спасению утопающих «братьев».

Они не успокоились, но перешли от нападения к обороне, при этом еще пуще стараясь нас измотать морально и материально.

Однако «братьям» и на этом этапе пришлось с нами туго. В Драгиньяне нашлась смелая женщина-судья, которая не поддавалась давлению коррупционеров.

Несмотря на то что прокурор вдруг ослеп и не поддерживал наши доказуемые и реальные обвинения, она возбудила уголовное дело и потом отказывалась его закрыть, потому что все следственные мероприятия (очные ставки, например), а также улики и факты свидетельствовали в нашу пользу.

К 2007 году, то есть через пять (!) лет, судья все-таки довела следствие по первому[9] тому (!) дела до финала и передала материалы прокурору.

Прокурор протянул еще более года, вплоть до момента, когда наше ограбленное и дискриминируемое предприятие наконец скончалось на радость всем негодяям, так и не дождавшись от французской Фемиды ни суда, ни справедливости. Но мы хотя бы свою недвижимость сохранили за собой.

Отрадно, впрочем, что, пока длилось дело, судья-следователь присвоила жуликам статус подследственных, несмотря на все сопротивление «братвы». Жулики несколько лет ходили под судом и серьезно нервничали по этому поводу.

Само собой, мы не единственные во Франции, кто испытывал подобные муки. Похожих дел много. Однако разочарование копилось, а нам все труднее и труднее было себя мотивировать на предпринимательство и новые планы.

Наша компания в основном работала на экспорт и, соответственно, пострадала от укрепившегося евро больше других. С 2001 по 2006 год евро подорожал вдвое по отношению к доллару. С ума можно было сойти.

Поэтому наше предприятие разделило в конце концов судьбу других компаний-экспортеров. Ноша дорогого евро оказалась для нас всех просто непосильной. А на фоне правового беспредела предпринимательство становилось и вовсе бессмысленным.

Дистрибьюторы компании в разных странах уже к 2006 году работали практически без прибыли, а некоторые даже теряли деньги. Выручку-то они собирали в долларах или валютах,

ориентированных на доллар, а с нами рассчитывались в евро. Наша продукция, таким образом, обходилась им все дороже и дороже, пожирая и резервы, и планируемую прибыль.

Мы во Франции стремились изо всех сил, с одной стороны, снизить себестоимость, а с другой — поднять цены в долларах на рынках сбыта для конечных потребителей. Но не успевали — евро дорожал слишком быстро. К тому же во Франции наша деловая и личная жизнь превратилась в сущий ад. Суды, нервотрепка, дискриминация и издевательства администрации…

На фабрике по-прежнему постоянной чередой шли всевозможные проверки: налоговые, административные, медицинские, «социальные». В бухгалтерии все время сопели какие-то чужие дядьки-проверяющие, а в лаборатории торчали тетки из государственного комитета пресечения мошенничества, старающиеся обнаружить недолив и недовес. Но наше оборудование позволяло отследить дозировку гораздо точнее, чем это получалось у теток, к тому же мы всегда наполняли упаковку с гаком. То есть с запасом. Нам проще подарить лишнее покупателю, чем краснеть за недовес.

Компания при этом была, что называется, идеальным экспортером. Мы приносили французским банкам значительное количество долларовой выручки и улучшали внешнеторговый баланс государства.

Поэтому я никак не мог понять, зачем французы «гоняются с ножом за курицей, которая несет им золотые яйца»? Почему никто в этой «демократичной» стране не защищает наши права? Всюду многолетние очереди за правосудием, волокита, равнодушие и предубеждение против нас.

Не имея возможности обратиться за справедливостью, не имея никаких гарантий защиты нашей собственности, как мы могли действовать далее? С каким настроением? В конце концов наше терпение лопнуло. Мы выдохлись и с фатальным облегчением решили закрыть свое французское предприятие.

Тем более что к тому времени мы с Ириной уже построили второй завод, еще больше первого, на этот раз в России, оборудовали его и уже вывели на плановую мощность.

Закрытие одного из заводов никак не должно было сказаться на нашем личном материальном благополучии или на технологическом уровне компании в целом. Хотя, убивая собственной рукой ее французскую производственную часть, нам пришлось с болью в сердце расстаться со своей большой мечтой — присутствием на глобальном рынке.

Мечтой, которую мы практически уже осуществили… Снабжать рынки Японии или Кореи поставками из России мы не

могли по многим причинам. Ведь Россия даже не была еще принята в ВТО.

Все это было очень тяжело. Очень.

Закрытие предприятия в теории возможно и другим путем, но на практике — только через банкротство. Чтобы возникли объективные предпосылки для его умирания, нам с Ириной достаточно было просто сложить руки и несколько месяцев не бороться. Смерть при этом наступила сама собой, в ядовитой атмосфере местного «делового климата».

Когда из еще недавно суперчистых, живых цехов вывозили последнее оборудование на продажу с молотка, оставив торчащие из пола обрывки кабелей, наш мастер не выдержал и заплакал.

А в марте по заказу и фальшивому доносу нас с Ириной наконец, на радость рейдерам, арестовали.

Арест

В марте 2008 года уже некому было нас защитить — рабочий коллектив не мог за нас вступиться, его больше не существовало. Поэтому перепугавшиеся было рейдеры воспрянули духом: дело против них поспешно закрыли в связи с банкротством нашего предприятия. А чтобы отпраздновать свою победу, «силы зла» решили еще раз нас «пнуть» побольнее. Они опять организовали донос и добились начала следствия под арестом.

Арест был проведен по санкции и приказу местного прокурора, но офицерами «бригады по особо важным делам», приехавшей по наши души аж из самого Парижа.

И меня и жену взяли под стражу; развели нас по разным кабинетам, а потом допрашивали каждого отдельно.

Правда, надо сказать, что офицеры Police Judiciaire, скорее всего, сразу поняли, что мы не злодеи. Нас арестовали в пятницу только для того, чтобы продержать в тюрьме хотя бы до понедельника.

Видимо, заказчикам хотелось в первую очередь нас унизить и запугать, потому что всерьез и надолго посадить все равно было не за что.

Вообще-то обычно офицеры этого довольно страшненького подразделения приходят к подозреваемому в масках и с оружием рано утром, примерно в шесть часов. Причем приходят обычно с кувалдой. Увесистый инструмент берется на случай, если подозреваемый вдруг сдуру вздумает не открывать дверь.

Как вариант они могут арестовывать родителей прямо перед школой, когда подозреваемые приводят туда своих детей.

Публичное задержание на глазах собственных детишек и их сверстников чрезвычайно болезненно для подследственного и для всех членов его семьи. Поэтому после такого брутального «приема» испуганного и шокированного человека проще потом психологически сломить во время первого же допроса.

Полицейские знают, что делают, и прекрасно отдают себе отчет о психологической травме, наносимой детям и их родителям как в первом, так и во втором случаях. Флики выбирают тактику ареста каждый раз вполне осмысленно, по обстоятельствам.

Немедленно после задержания, как правило, происходит обыск в доме. Нетрудно догадаться, что никто из полицейских не церемонится с вещами в осматриваемых комнатах, и горы сваленного в кучу шмотья, как вы понимаете, тоже не добавляют задержанным оптимизма.

У нас, к счастью, ничего подобного не случилось. Офицеры заранее вызвали Ирину и меня повесткой «в казармы» (тюрьму в Ницце), а потом еще и любезно перезвонили по телефону. Они вежливо, но настойчиво порекомендовали нам прийти вовремя. Мы пришли.

У нас с Ириной не возникло и мысли бежать из страны, хотя мы могли бы: ведь никто нас не задерживал вплоть до ареста.

Liberté • Égalité • Fraternité
RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

MINISTÈRE DE L'INTERIEUR,
DE L'OUTRE-MER
ET DES COLLECTIVITÉS TERRITORIALES

DIRECTION GENERALE DE LA
POLICE NATIONALE

DIRECTION CENTRALE DE LA
POLICE JUDICIAIRE

SOUS DIRECTION DE LA LUTTE CONTRE LA
CRIMINALITE ORGANISÉE ET DE LA DELINQUANCE
FINANCIÈRE

OFFICE CENTRAL POUR LA REPRESSION DE LA
GRANDE DELINQUANCE FINANCIÈRE
101, Rue des trois FONTANOT
92 000 NANTERRE
Tél: 01.40.97.83.11.
Fax: 01.40.97.87.83.

CONVOCATION JUDICIAIRE

NANTERRE, le 21/02/2008

A la demande de : **Serge DAZIN, Commandant de Police**

Mlle /**Mme** /M. Irina NASOBIN née LOSKOUTNIKOVA

est prié(e) de bien vouloir se présenter à l'adresse suivante :

Antenne de Police Judiciaire de NICE
Caserne AUVARE
Bâtiment B5
28, Rue Roquebillière
06 300 NICE

Le **11 MARS 2008**

A **09H30**

pour **AUDITION**

Dans l'hypothèse ou la date et l'heure fixée ne vous conviendraient pas, vous pouvez obtenir la modification du rendez-vous en téléphonant au : 01 40 97 83 11 ou 06 30 24 45 22

Dans le cas d'espèce qui vous concerne, vous pouvez utilement vous munir des pièces ci-après désignées :

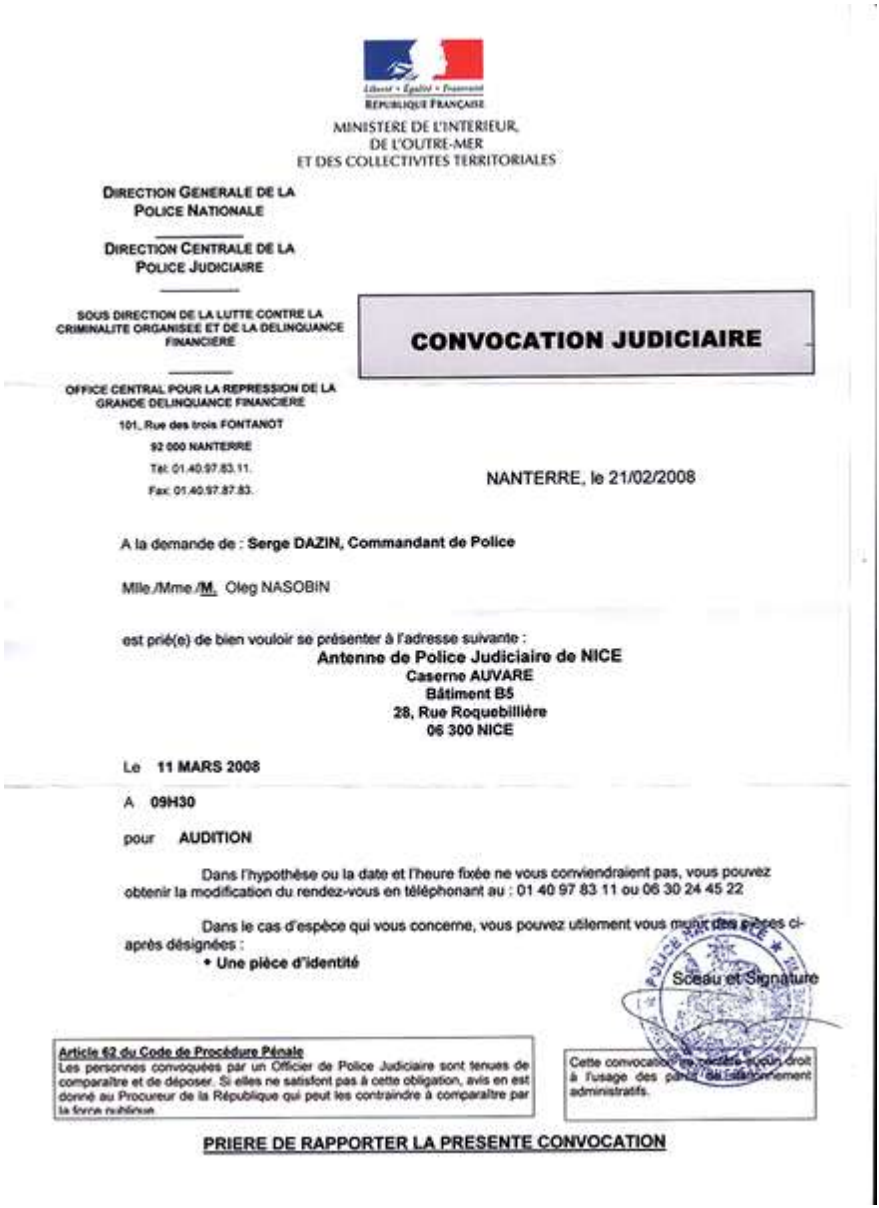
- **Une pièce d'identité**

Sceau et signature

Article 62 du Code de Procédure Pénale
Les personnes convoquées par un Officier de Police Judiciaire sont tenues de comparaître et de déposer. Si elles ne satisfont pas à cette obligation, avis en est donné au Procureur de la République qui peut les contraindre à comparaître par la force publique.

Cette convocation ne donne aucun droit à l'usage des parcs de stationnement administratifs.

PRIERE DE RAPPORTER LA PRESENTE CONVOCATION



Liberté • Égalité • Fraternité
RÉPUBLIQUE FRANÇAISE

MINISTERE DE L'INTERIEUR,
DE L'OUTRE-MER
ET DES COLLECTIVITES TERRITORIALES

DIRECTION GENERALE DE LA
POLICE NATIONALE

DIRECTION CENTRALE DE LA
POLICE JUDICIAIRE

SOUS DIRECTION DE LA LUTTE CONTRE LA
CRIMINALITE ORGANISEE ET DE LA DELINQUANCE
FINANCIERE

OFFICE CENTRAL POUR LA REPRESSION DE LA
GRANDE DELINQUANCE FINANCIERE
101, Rue des trois FONTANOT
92 000 NANTERRE
Tel: 01.40.97.83.11.
Fax: 01.40.97.87.83.

CONVOCATION JUDICIAIRE

NANTERRE, le 21/02/2008

A la demande de : **Serge DAZIN, Commandant de Police**

Mlle./Mme./**M.** Oleg NASOBIN

est prié(e) de bien vouloir se présenter à l'adresse suivante :

Antenne de Police Judiciaire de NICE
Caserne AUVARE
Bâtiment B5
28, Rue Roquebillière
06 300 NICE

Le **11 MARS 2008**

A **09H30**

pour **AUDITION**

Dans l'hypothèse ou la date et l'heure fixée ne vous conviendraient pas, vous pouvez obtenir la modification du rendez-vous en téléphonant au : 01 40 97 83 11 ou 06 30 24 45 22

Dans le cas d'espèce qui vous concerne, vous pouvez utilement vous munir des pièces ci-après désignées :

- **Une pièce d'identité**

Sceau et Signature

Article 62 du Code de Procédure Pénale
Les personnes convoquées par un Officier de Police Judiciaire sont tenues de comparaître et de déposer. Si elles ne satisfont pas à cette obligation, avis en est donné au Procureur de la République qui peut les contraindre à comparaître par la force publique.

Cette convocation ne [illegible] aucun droit à l'usage des parties [illegible] administratifs.

PRIERE DE RAPPORTER LA PRESENTE CONVOCATION

Повестка и вызов на допрос

Честно говоря, я в тот момент даже не отдавал себе отчета, что вполне мог и не вернуться домой в тот же день, а остаться в узилище. Дети наши в этом случае прямо из школы попали бы в казенный приют.

Поэтому вместо узелка с пожитками, как поступил бы любой опытный человек на нашем месте, мы принесли с собой «в

казармы» только бухгалтерские документы.

Когда полицейские увидели нас с пачками бумаг и CD в руках, без котомок с сухарями и теплым бельем, даже без адвокатов, они, как мне показалось, посмотрели на меня и жену каким-то странным, удивленным взглядом.

В «казармах» нам формально сообщили, что с этого момента мы лишены свободы, и начались допросы. На первом этапе этой процедуры адвокат имеет право присутствовать рядом с задержанным, но он не может ничего поделать — ему не разрешают остаться наедине с клиентом, и в проведение первой беседы он не вправе вмешаться.

К тому же лихорадочно вызывать юриста и ждать его — значит терять время. Тогда неизбежно допрос продлится дольше положенного по закону лимита времени, и, чтобы его закончить, придется ждать следующего рабочего дня. А значит, придется сидеть субботу и воскресенье в камере, набитой арестантами. То есть провести в тюрьме как минимум трое суток.

Короче, и Ирина и я, оба независимо друг от друга, не раздумывая согласились на допрос без адвоката. Я осознал, где именно на самом деле нахожусь и в какой переплет мы попали, только когда мне захотелось в туалет. По привычке я просто встал, извинившись, и направился к выходу из кабинета.

Оказалось, что так поступать нельзя. Следователь мягко вернул меня на место и поведал, что вообще-то первый допрос в случаях, подобных моему, проводится в наручниках. Их не снимают. В туалет меня проводит конвойный, если разрешит следователь.

Я, очевидно, посмотрел на офицера таким ошарашенным взглядом, что он усмехнулся и сказал: «Ладно, идите так. Дверь в туалет за собой не закрывайте».

Мой допрос длился восемь часов, и я очень благодарен за то, что следователь успел закончить его до ночи.

Ирину и вовсе допрашивали «только» шесть часов, потом ее сразу отпустили, и она успела сама забрать детей из школы.

Отдельная благодарность следователям за то, что школе в этот день не пришлось отдавать наших детей службе социальной опеки в приют. Это была бы очень серьезная моральная травма для них, особенно для десятилетней дочери.

Кабинет следователя выглядел затрапезно: небольшая комната, от силы метров десять, с одним окном, на окне — решетки.

Полицейский располагается за простым столом и стучит пальцами по клавиатуре. Подследственный сидит прямо перед ним и отвечает на вопросы.

Нам пытались инкриминировать эпизоды по «отмыванию денег» при покупке фабрики и оборудования для нее в 1998 году. Больше «стряпчие» ничего подозрительного нарыть так и не смогли. Расчет негодяев был на то, что мы не вспомним деталей сделок, состоявшихся около десяти лет назад.

Но я, во-первых, помнил, потому что каждая копейка была заработана с трудом, а во-вторых, сохранил все архивы, записал их на CD-диски и принес с собой. То есть следователю не удалось найти вообще ничего не только криминального, но хотя бы не вполне ясного.

В процессе допроса комендант Серж Дазан хоть и конвоировал меня во двор, чтобы обыскать мой автомобиль (для галочки, наверное), но в целом был настолько добр, что сходил и купил мне сэндвич на обед. Ирину допрашивали в другом помещении, и я попросил отнести ей половину моей провизии.

По правилам, арестованный должен получить пищу. То есть его обязаны накормить, но обычно это происходит в тюрьме, как нетрудно догадаться.

Комендант и здесь постарался уберечь нас от стресса и не отправил под конвоем в тюремную тошниловку.

К вечеру допросы закончились. Ничего подозрительного не нашлось, и предъявить нам было абсолютно нечего.

В тот момент, когда офисное здание «казарм» начало стремительно пустеть, полицейские стали разыскивать прокурора, чтобы по телефону получить от него санкцию на снятие ареста. Но тот просто не брал трубку. Ни сам прокурор, ни его заместители… Время между тем неумолимо клонилось к завершению рабочего дня.

Тут я занервничал: неужели все-таки придется сидеть до понедельника? И в этот момент офицер, кажется, просто разозлился и отпустил меня без всякой санкции. Очевидно, полицейские бумагу эту оформили потом, когда наконец дозвонились до прокуроров.

У Сержа Дазана, как он сказал, мое дело было последним, комендант уходил на пенсию. Желаю ему в этой связи крепкого здоровья и долгих-долгих лет безмятежной жизни. Надеюсь, его заменят на посту такие же честные и достойные люди.

Другой полицейский имени своего не назвал. Парень был еще довольно молодой, он допрашивал Ирину. Кокетничал, конечно. Француз же все-таки, и потому рассказывал про себя хотя и немного, но интересно. Он действительно работал с какими-то суперопасными крупными жуликами и знавал важных «рыб мира теней». Когда они закончили выяснять детали нашей с ней «преступной деятельности» и пока следователь ожидал санкции

прокурора на снятие ареста для Ирины, они мило поболтали о прошлых подвигах полицейского супермена.

Эти парижане не просто отпустили нас, но и извинились. Как всегда бывает, нет худа совсем уж без добра: наши новые знакомцы еще и пообещали «разобраться с банками». Они взялись «вычистить» незаконные базы данных, имеющиеся у ростовщиков, и снять с нас «черные метки».

Дело в том, что все французские банки и тайно и явно накапливают информацию о людях, а потом обмениваются этой информацией между собой.

Часто подобная деятельность противоречит закону, но, как мы уже поняли на примере истории с сейфом, некоторым французским банкам закон вообще не писан.

Существует, правда, во Франции некая конторка, CNIL, которая якобы и создана для противодействия незаконному обороту и сбору информации о людях. Но по собственному опыту общения с CNIL скажу: это бесполезная бюрократическая структура, очередная синекура, симулякр, и она не работает.

И мы и полицейские понимали, что наши рейдеры уже постарались оклеветать нас в финансовой среде, чтобы посильнее измазать грязью, причем именно в банках в первую очередь. Поэтому помощь фликов в этом вопросе была для нас крайне желательна.

Когда все закончилось и меня все-таки выпустили за ворота, солнце уже скрылось, и на южный город легли сумерки. После долгого и изнурительного дня я вышел на вечерние улицы весенней Ниццы и долго брел вдоль каких-то трамвайных путей, пытаясь прийти в себя.

На запах денег

Офицеры, похоже, сдержали свое слово, потому что вскоре после неудачного ареста наши отношения с банками значительно улучшились.

Мы легко получили пару небольших кредитов (действительно небольших) — восемнадцать и тридцать тысяч евро — для замены устаревшей и уже совершено никуда не годной системы климат-контроля и текущих строительных работ внутри здания.

Получили мы эти деньги от местного агентства «Креди Лионе» быстро, запросто и без всякой волокиты для нашей компании. Мы с женой даже подумали, что теперь после всех мытарств жизнь наша наладится…

Но не тут-то было. Беда снова захлестнула нас.

Решение о банкротстве нашего предприятия суд оформил только в конце зимы 2008 года, а к лету 2008 года документы о судебном решении наконец попали в Банк де Франс.

Вернее, это решение суда было прочитано клерками банка в начале лета 2008-го, и напротив моей фамилии они поставили отметку: «040».

Кредиты, о которых я сказал выше, мы оформили до того, как служащие внесли мое имя в списки неблагонадежных.

Этот банк некогда был «Центробанком» Франции и выполнял все функции, присущие центральному банку. Но ныне, в единой Европе, у этой французской организации осталось очень мало обязанностей, и наиболее важная из них — вести информационную базу «проблемных клиентов». На французском сленге это называется «фишье» (Fichier FIBEN). Доступ к базе имеют все банки Франции, и они пользуются этой базой данных при каждом удобном случае. То есть постоянно.

Если говорить коротко, каждый взрослый резидент (то есть житель) на территории Республики имеет отметки о себе в двух типах «фишье»:

1) как руководитель предприятия или бизнеса (FIBEN);

2) как частное лицо (тут аж три вида: FCC, FNCI, FICP).

Если человек не руководит бизнесом или руководит, но без особых проблем, его коэффициент (число) FIBEN — 000. Если же человек руководил бизнесом, а этот самый бизнес слегка обанкротился, ему пропишут 040.

Если же случились еще и отягчающие обстоятельства при банкротстве, то тогда 060 или даже 080. Чем выше число — тем хуже.

По сути, это число есть самая настоящая «черная

метка». Клеймо, которое не снять, не смыть, не стереть. Оно действительно в течение трех лет, но потом еще лет пять-шесть (то есть всего восемь-девять лет после банкротства) человек считается всеми банками Франции «неблагонадежным».

Смешно, конечно. Это никак не совпадает с элементарным здравым смыслом. Но это правда. Во Франции существует даже «ассоциация обиженных». Таких людей, ущемленных в правах, здесь очень, очень много.

Банк, приклеивая «черные метки», вообще не принимает во внимание никакую информацию об обстоятельствах банкротства. Ему все равно, почему именно разорилось предприятие. Землетрясение, технологическая революция в другом секторе, война на рынках сбыта, самоубийство инвестора — ему абсолютно безразлично. Руководитель в любом случае получит эту метку.

Обладателю «черной метки» банки не станут выдавать не только корпоративные кредиты, но и личные ссуды. То есть некий индивидуум, отягощенный знаменитыми французскими налогами, наказан этой самой меткой без установленной вины, без суда и следствия — его лишили доступа к денежным ресурсам, причем оставили за ним обязанность отдавать практически все заработанное налоговикам.

К тому же наказанный без вины несет де-факто личную ответственность за корпорацию, которая обанкротилась, что вообще и в корне противоречит закону.

Таким образом, французы просто вышибают бизнесмена из деловой жизни, фактически уничтожают свой лучший руководящий корпус. Активный, опытный, способный принимать решения и нести за свои решения ответственность. После банкротства для француза лучшее решение — уехать куда-нибудь за границу. Например, в Россию, где французы процветают, не забывая, впрочем, поругивать ее.

При этом недурно вспомнить, что вообще все банки, если бы их регулярно не спасали во время кризисов налогоплательщики, давно и многократно уже оказались бы банкротами. Таким образом, банкирам следует налепить свой «коэффициент» в первую очередь себе на лоб, а не стращать и угнетать им людей, которые настоящим трудом и со всеми рисками зарабатывают себе на хлеб в реальной, а не виртуальной экономике.

И вот когда я узнал, что банк наградил и меня «коэффициентом 040», я поразмыслил и решил, что это совсем уж как-то неправильно. У меня же особый случай.

У меня ведь даже есть формальная справка, что я не виноват в банкротстве компании.

Принимая во внимание солидный размер нашего уничтожаемого предприятия, судья вполне резонно подозревал, что, прежде чем объявить банкротство, я, как его акционер и руководитель, постарался вывести активы, скрыть доходы и прочее.

Поэтому ничего удивительного, что суд назначил в нашем деле особую экспертизу, которая обычно проводится силами специальных, признанных судом аудиторов.

Экспертиза была проведена, вся наша бухгалтерия и подноготная изучены, и эксперт прямо в рапорте черным по белому написал: «Никаких ошибок в управлении предприятием или просчетов в стратегии со стороны руководства не обнаружено. Предприятие ликвидируется из-за ухудшившейся конъюнктуры рынка, а не из-за ошибок руководства».

То есть на руках у меня оказалась такая полезная в данный момент справка судебного эксперта в том, что я не виновен и, таким образом, нет причины присваивать мне «черную метку» 040.

С документами я обратился и в банк, и в КНИЛ (CNIL — Commission nationale de l'informatique et des libertés). Не буду даже рассказывать здесь, что это такое, — по моему личному опыту, это совершенно бесполезная структура. Гриб. Кому надо, может найти о ней информацию в справочниках.

В банке мне в конце концов ответили, что они впаивают 040 всем подряд. Таков обычай. Им (клеркам) это нравится, и менять привычки они не станут. Ну а кто бы сомневался?

Я скорее ожидал ответа от КНИЛ. Поскольку незаконность действий банка и нарушения правил «оборота» личной информации, на мой взгляд, были совершенно очевидны.

КНИЛ, видимо, получает подобные письма миллионами, и у «подьячих» отлично отработана схема, как скрыть свое безделье. Сначала мне пришла бодрая отписка, что «письмо получено, ожидайте вскоре ответа по существу». А потом — ничего, до самого момента, пока метку не сняли по сроку давности, то есть ровно через три года.

Словом, возвращаясь к нити основного повествования: летом 2008 года открывшееся было окно нашей кооперации с французскими банками опять наглухо захлопнулось.

Тем не менее деньги нам были нужны. Особенно дешевые деньги, ведь мы собирались перестроить наше здание.

Мы собирались в одной его части сделать боулинг, в другой — детский городок, несколько кинозалов, ресторан, крытый и открытый бассейны, фитнесс-центр.

Все это отлично разместилось бы в наших огромных

помещениях с высотой потолков более шести метров, и еще семьсот квадратных метров оставалось для офисов.

Бассейны, по замыслу архитекторов, должны были подогреваться системой солнечных батарей, расположенных на крыше.

Рассчитаться по кредиту с банком мы в любом, даже самом неблагоприятном случае были в состоянии. Ведь только земля, то есть участок, на котором стояло наше здание, оценивался экспертами в сумму, эквивалентную запрашиваемой для инвестиций.

А ведь и само здание, построенное из нестареющих материалов, было изумительно функционально и стоило само по себе в несколько раз больше, чем сумма кредита, который мы просили.

Разумеется, я не хотел опять вкладывать свои деньги в новый французский проект. Хватит уже, довкладывались…

К тому же ситуация в кризисный год везде была напряженной, и деньги, заработанные нашими предприятиями, требовались для поддержания основного бизнеса.

Но все-таки переоборудовать уже существующую недвижимость, и поднять ее стоимость следовало в любом случае, иначе это выглядело бы как бесхозяйственность, а не грамотное предпринимательство.

И вот, попытавшись договориться с французскими банками о кредите, я в конце концов прекратил свои тщетные усилия и начал искать деньги у частных инвесторов.

Мои помощники разместили соответствующее объявление на специализированном сайте, где встречаются инвесторы и инициаторы проектов. Они оставили там подробное досье-заявку с описанием наших возможностей, гарантий и планов.

Это «досье» действительно выглядело заманчиво: практически никаких долгов, закладных или иных обязательств, и при этом собственность уже приносила стабильные и довольно высокие доходы от аренды.

Через сайт нам немедленно поступили предложения из Азии и арабских стран под четырнадцать с половиной процентов годовых. Инвесторы соглашались войти в дело на пять лет. Все предложения более или менее походили друг на друга.

Ставка в четырнадцать с половиной процентов годовых в принципе была в те времена ниже, чем, скажем, ставка по кредиту в России, но все-таки несуразно высока по отношению к «дешевым» европейским деньгам. Нормальный кредит стоил в Европе от трех до четырех процентов годовых. И потому пожелания первого инвестора и еще нескольких последовавших

вслед за ним мы отклонили.

Потом среди прочих поступили предложения, явно связанные с оборотом каких-то «нехороших» денег, поскольку «инвестор» интересовался «мелким налом». Мы также сразу отказались.

И наконец появился весьма заманчивый вариант: одна парижская контора предлагала нам вывести нашу собственность под люксембургскую юрисдикцию и затем там, вне Франции, получить финансирование в банке под залог французского актива, представленного в виде люксембургской ценной бумаги.

Профит этой самой конторы, возглавляемой парижским агентом по недвижимости и куртье по финансам Жан-Кристофом Парисом, состоял в комиссионных от сделки. К тому же при осуществлении предложенного плана я теоретически получал выгоду и от оптимизации налоговой нагрузки. Уведя свои доходы из-под контроля французских налоговиков, я, по утверждениям куртье, мог существенно снизить фискальные и социальные выплаты в казну.

Почему именно Люксембург? Потому что, по словам этих самых куртье, исключительно Люксембург имеет с Францией особые соглашения по поводу недвижимости, и такие соглашения позволяют снижать налоговую нагрузку для их клиентов.

На сленге местных проныр вся эта операция называется «detirisation» (детиризасьон).

Ну, мне интересно было все это узнать. В таких случаях всегда открываешь для себя много нового. Да и предложение звучало заманчиво, тем более что ценную бумагу, по словам куртье, можно легко заложить и таким образом получить «дешевые деньги» для финансирования нашего бизнес-проекта.

И все-таки мне все это не очень нравилось.

Во-первых, я подозревал тут какую-то ловушку. Французские налоговики — очень хитрые люди, и раз они открыли эту фискальную лазейку, значит, знали зачем.

Во-вторых, потом, после операции «продажи-покупки», предполагались ежегодные платежи от нас люксембургской компании «за юридическое обслуживание», и суммы гонораров при этом назывались весьма «крепкие». Я опасался, что по неосторожности и в погоне за выгодой влезу в неожиданную кабалу.

Словом, я сомневался.

И правильно делал, что сомневался. Как показали последующие события, все эти конторы напичканы агентами полиции и французских налоговых служб, как булка нашпигована изюмом. Очевидно, мытари просто откармливают себе дичь пожирнее, прежде чем ее однажды ощипать и съесть с потрохами.

Разумеется, я консультировался с адвокатами. Адвоката мне посоветовали те же самые Жан-Кристоф и Ко.

Дело в том, что не такое уж это простое дело — найти хорошего независимого советчика. Если уж советоваться с адвокатом, то следует найти знатока, который специализируется в данном вопросе. То есть в вопросе оптимизации налогов, да еще и в отношении дорогой доходной недвижимости.

Понятное дело, что все юристы с такой «интересной» специализацией наперечет и на виду у мытарей, поэтому есть почти стопроцентная гарантия, что ваш адвокат и будет первым, кто сообщит о двусмысленной сделке налоговикам за спиной своего клиента. Ведь если он не пойдет на сотрудничество с «органами», ему просто не дадут работать по специальности.

Я чувствовал, что, хотя в предлагаемой операции, на первый взгляд, ничего незаконного нет, наверняка в этой схеме спрятана какая-то червоточина.

А может быть, мытари просто готовят себе поляну, засевают поле, чтобы в определенный момент собрать «урожай». И я, таким образом, просто собираюсь добровольно записаться «на откорм в мясной резерв».

Поэтому я все-таки сходил на консультацию именно к юристу, рекомендованному мне Жан-Кристофом, и не стал искать другого. Послушать невредно, а информация о моих намерениях в таком случае не выйдет из того круга, где она уже и так циркулирует.

Пожилой адвокат, к которому я направился, занимал офис во Дворце на Круазетт и по национальности был бельгийцем.

Дворец — на самом деле большой доходный дом, расположенный на набережной в Каннах. Внутри в тот день делали ремонт какие-то неприветливые и горластые рабочие. Здание изнутри выглядело проще, чем с парадного входа. В глаза бросался плохо скрываемый упадок, и на стенах всюду виднелись трещины.

Я поднялся по роскошной лестнице, покрытой ковром, и нашел нужный мне офис.

Пожилая женщина-ассистент с растянутым в улыбке суровым лицом проводила меня к своему патрону в тесный, обшарпанный кабинет.

Патрон приветливо улыбнулся, пожал мне руку и предложил кресло напротив своего стола.

Когда мы уселись, адвокат быстро и профессионально состроил участливую скорбную мину и сказал: «Ну, рассказывайте. Я бельгиец. Работаю здесь много лет, я тоже ненавижу французов, мне можно все рассказать откровенно».

После такого начала мне сразу захотелось уйти.

Разумеется, в этот момент я тоже не испытывал особой любви к французам. Но мою неприязнь к ним я считал своим личным делом и никому о ней не говорил. Кроме того, французы тоже бывают разные.

Вообще-то общеизвестно, что французов мало кто любит, кроме, пожалуй, восторженных русских барышень, насмотревшихся романтических кинофильмов. Несложно из этого банального факта сделать некое коммерческое клише и использовать его во время переговоров, чтобы расположить к себе собеседника-иностранца.

Но не только в этом дело. Я чувствовал, что адвокат врет больше, чем обычно (или прилично), и просто старается вот так незатейливо и грубо залезть ко мне в душу. Словом, доверия не возникло, я вежливо побеседовал о том о сем и ушел, обещая адвокату всенепременно подумать.

Сейчас, по прошествии времени, я, разумеется, уверен, что «бельгийский адвокат», равно как и остальные фигуранты этой истории, постоянно и непосредственно связаны и с французской контрразведкой, и с налоговиками. Но тогда я об этом не думал, просто почуял какой-то подвох, поэтому после посещения «адвоката» принял окончательное и твердое решение: никаких «детиризасьонов». Это скользкая и не очень полезная нам авантюра.

На следующий день я в категорической форме сообщил о своем решительном отказе Жан-Кристофу Парису. Но новые знакомые, к моему удивлению, не отстали, как я предполагал, а сменили тактику и принялись предлагать нам с женой другой вариант.

Они настоятельно советовали открыть компанию в Швейцарии и получить на имя уже швейцарской фирмы кредит в Женеве, обеспечив заем денег своей недвижимостью во Франции. Смысл состоял в том, что уже не придется обращаться во французский банк, а деньги можно занять в швейцарском, швейцарские банки более адекватны, и с ними проще разговаривать, уверял меня Жан-Кристоф.

Профит моих куртье по новому плану заключался в комиссионных, гонорарах и зарплате за управление моей будущей швейцарской фирмой.

Я хорошенько все обдумал. Никаких признаков побега от налогов здесь не просматривалось, потому в конце концов этот вариант меня устроил. Я дал согласие, и мы начали готовить сделку.

Наверное, пришло время описать поподробнее этого Жан-

Кристофа Париса, куртье из Парижа.

Он приехал впервые ко мне на юг поздней осенью 2009 года, а познакомились мы по телефону, когда он 23 сентября этого же года ответил на наше объявление о поиске инвесторов. Жан-Кристоф расположил меня к себе и внешностью, и тем, что рассказывал о своих детях (которых у него якобы было трое) и о своей хворой жене.

Это уже потом я подметил, что у всех агентов спецслужб, втирающихся в доверие, всегда кто-нибудь «хворает». Или они сами, или дорогие им близкие люди.

Жан-Кристоф не капризничал, денег за «командировки» не просил. Он с интересом осмотрел мою собственность и внимательно ознакомился с документами, удостоверяющими и мое владение ею, и ее оценку банковскими экспертами.

Был он средних лет, худощавый, коротко стриженный, иногда неловкий мужчина. Пока мы обедали и знакомились в какой-то случайной брассери[10] в Каннах, он дважды чуть не перевернул бокал с вином. Позднее Катрин, упомянув о нем, забавно злилась, что он вечно все портит на переговорах: то перевернет, то уронит, то обольет клиента. А я рассмеялся ее рассказу, вспомнив нашу первую встречу с Жан-Кристофом.

Месье Парис предлагал мне то один вариант, то другой, время между тем текло, а я все никак не соглашался. Потом однажды куртье пригласил меня в Париж в свой «офис». Скорее всего, это помещение не было офисом Жан-Кристофа, но, видимо, он желал, чтобы у меня пропали сомнения насчет его солидности.

К тому же мой новый знакомый позвал туда еще «несколько партнеров», чтобы найти решение моей задачи «вместе».

Как и у других агентов или офицеров французской «конторы», у Жан-Кристофа в 2010 году не было никаких следов в Интернете. Вы не нашли бы ни его фотографии, ни его участия в социальных сетях, ни даже его имени в списках выпускников какой-нибудь школы или университета.

Это теперь, в 2013 году, когда французские спецслужбы «взялись за ум», они озаботились хотя бы «витриной», подобием аккаунтов в «Фейсбуке» и так далее. А тогда у профессиональных оборотней в Сети ничего не было. Никаких следов. Само собой, сие забавно и в наше время выглядит дико, но факт остается фактом: французские спецслужбы зачем-то стирали всё подчистую, уже одним этим фактом ставя своих агентов под подозрение.

Однажды я с нескрываемым интересом наблюдал, как личная информация, касающаяся моего знакомого, которого только что завербовали, вдруг начала исчезать буквально на глазах.

Не понимаю, как они надеялись при таком раскладе сохранить в тайне причастность того или иного подозрительного типа к «конторе»? Достаточно было просто погуглить его имя, и если выяснялось, что взрослый, весьма влиятельный и импозантный человек просто-напросто не существует в Сети, это, как минимум, вызывало подозрения.

А в сочетании с другими характерными признаками установить агента, тем более плохо подготовленного с профессиональной точки зрения и болтливого, — и вовсе раз плюнуть. Правда, для этого нужно избавиться от наивной уверенности, что шпионы бывают только в кино.

Но вернемся к теме. Я приехал в Париж и в одном из старинных зданий в центре города нашел офис месье Париса, переделанный из квартиры. Там меня ждали пара других французов с унылыми лицами, коренастый представитель люксембургской компании с некрасивым, широким и рваным шрамом на шее и лице и сам Жан-Кристоф за столом в кожаном кресле.

Мизансцена мне показалась не особо располагающей, тем более что все присутствующие курили. Не одновременно, конечно, но все мужчины были курящими. Это само по себе настораживало.

В мире финансов я как-то не встречал курящих людей, особенно группами. Курить уже не модно, а одновременно и в тесном офисе — это вообще нонсенс. Собравшиеся люди не были теми, за кого себя выдавали. Я чувствовал это интуитивно, и моя уверенность крепла.

Французы, представленные мне как специалисты по отношениям с банками, чтобы расположить меня к себе, говорили о гольфе. Все присутствующие, как ни странно, уже откуда-то знали, что я чемпион «Эвиана-2009» (я действительно выиграл турнир Про-Ам в составе команды из четырех человек).

Беседа шла по кругу, и я не понимал, зачем я вообще сюда приехал? Ничего нового не говорилось. И вдруг, примерно минут через тридцать после начала встречи, пришла Катрин.

Это была стройная, безупречно сложенная женщина возрастом чуть за сорок, с большими голубыми глазами и гривой пепельных волос. Высокие скулы делали ее немного похожей на славянку. Она села в кресло недалеко от меня. Я старался не коситься на нее. Помню только, что она была одета со вкусом — простое элегантное платье и дорогая большая сумка.

Потом, когда она появилась у нас в офисе, мои сотрудники перешептывались, что я привел с собой «Карлу Бруни». На самом деле Катрин раздражает сравнение с Карлитой, ибо она считает

себя более красивой. Ну, в чем-то она, пожалуй, права.

Когда она пришла, все подтянулись и сосредоточились. Жан-Кристоф представил ее как своего партнера Катрин Виржинго. Похоже, его «партнером» она стала совсем недавно, потому что, отдавая мне свою визитку, спросила у Жан-Кристофа: «Какой у нас мейл?» Жан-Кристоф суетливо принялся его диктовать, но вскоре кинулся написать.

Потом мы продолжили разговор, прерванный ее вторжением.

Я знаю, что у французских мужчин всегда повышенный градус либидо. Поэтому, когда столь нетипичная для Франции красавица появляется в обществе, кокетничать или строить ей глазки — последнее дело. Будешь где-то в конце длинной очереди, все это заметят, а твой рейтинг снизится.

У таких женщин не бывает недостатка ни в комплиментах, ни в ухажерах, так что я постарался поскорее забыть о ней, от греха, будто ее здесь и не было.

И вдруг, когда человек со шрамом открыл рот, чтобы сказать в очередной раз, почему мне выгодно отдать свою собственность и деньги его компании, Катрин прервала его, и он сразу замолчал и впился в нее взглядом.

У нее оказался немного неприятный голос — видимо, прокуренный, — и часть ее шарма испарилась. Хотя со временем я привык, а потом заметил, что по тембру он похож на голос Патрисии Каас.

Она говорила, приветливо улыбаясь мне и смотря прямо в глаза.

Катрин сказала: «Хватит мурыжить парня. Он просто попал в неприятные обстоятельства и вовсе не принадлежит к тому слою, в котором вы его рассматриваете. Что ему эти несколько миллионов? Это только толчок, трамплин, следует рассматривать наше сотрудничество гораздо шире. Надо помочь ему подняться на тот уровень общества и влияния, который соответствует его возможностям и интеллекту. И тогда вы со смехом будете вспоминать, с каких сумм мы тут начинали».

Вот так и сказала, а потом замолчала, улыбаясь.

Я был ошарашен. Ангел сошел на грешную французскую землю, и, оказывается, не все здесь потеряно. Но самое удивительное, что все присутствующие согласно закивали головами и стали на все лады повторять: «Да, да, так и сделаем».

На этом «совещание» закончилось. Я, честно говоря, был в ступоре, поэтому попрощался и ушел, разумеется не пытаясь подкатить к Катрин или завязать с ней беседу.

Потом, недели и месяцы спустя, мы еще пару раз пересекались с ней, как бы случайно.

Я помню наш первый совместный ужин: она приехала на выставку МИПИМ в Каннах 16 марта 2010 года. Люксембуржцы плюс Жан-Кристоф участвовали в этом мероприятии и по сему случаю пригласили меня на «их» яхту, пришвартованную в порту Канн.

Так обычно делается в Каннах. Дворец фестивалей, известный прежде всего знаменитым кинофестивалем, расположен совсем рядом с портом. Он также используется для проведения других больших мероприятий, например для выставки МИПИМ. Поэтому некоторые компании снимают яхты, стоящие прямо в порту, и устраивают на палубах приемы и коктейли.

Я пришел по приглашению, и там была Катрин.

В этот раз я чувствовал себя обязанным позвать Жан-Кристофа и ее на ужин: все-таки мы приступили к совместному делу — недавно открыли мою компанию в Женеве. Причем Жан-Кристоф уже сполна получил от меня свой гонорар. И вроде дело с кредитом тоже было на мази. Хотя я, надо сказать, не надеялся, что месье Парис и Катрин примут мое приглашение. Обычно на выставках куртье гоняются за новыми клиентами, а со старыми можно поужинать и в другое время.

Сначала именно так и произошло. Я пригласил Жан-Кристофа, а он отказался — сослался на встречу в Ницце. Катрин в это время кого-то охмуряла на верхней палубе и была занята.

Я уехал, но, уже подъезжая к дому, все-таки перезвонил ей из машины, чтобы поблагодарить за приглашение на яхту, и сказал, что сожалею, поскольку они с Жан-Кристофом не могут поужинать со мной. Катрин тут же прямо и без всякого кокетства сказала: «Я могу поужинать с вами. С удовольствием. А Жан-Кристоф пусть делает что хочет».

Ну, раз такое дело, я немедленно перезвонил в хороший ресторан недалеко от ее отеля и договорился об ужине. Потом перезвонил Жан-Кристофу, чтобы он не подумал, будто я за его спиной устраиваю какие-то шашни. Как ни странно, Жан-Кристоф тут же поменял свои планы и выразил самую горячую заинтересованность в ужине с нами.

Вот так мы посидели втроем, и это был первый раз, когда мы с Катрин оказались за общим столом.

Моя жена, Ирина, находилась тогда в нашем доме, недалеко от Канн. Пару недель назад у нас родилась дочь, и Ирина не могла участвовать в вечерней встрече, она была еще не в форме, да и малышку нельзя было пока оставить без родительского присмотра. И я чувствовал себя неловко по отношению к жене, отправляясь на деловой ужин без нее.

Но, надо сказать, Ирина не создавала никаких проблем,

наоборот, поддерживала мои усилия по налаживанию контактов, полезных для нового периода нашей жизни.

Говорить за столом было особо не о чем, Катрин всячески расспрашивала обо мне, Жан-Кристоф ерзал, а мне не хотелось говорить о своем прошлом — слишком тяжелыми оказались воспоминания о недавних событиях.

Потому разговор у нас зашел об искусстве.

Удивительно, но Катрин пыталась убедить меня, что выросла в большом поместье, среди скульптур и картин. Однако, отвечая на мои заинтересованные реплики, ничего толком описать или охарактеризовать не смогла.

Вообще, в области искусства и истории она выглядела очень бледно, но я галантно постарался помочь ей выйти из неловкой ситуации, понимая, что она лжет о своем увлечении прекрасным. Хотя, знаете, красивым женщинам прощают и не такое.

Зато она отлично разбиралась в оружии, и поэтому потом мы много говорили об охоте, об упражнениях в стрельбе и о лошадях. Я в свое время занимался конным спортом, но пару лет назад мы с Ириной подарили своих лошадей грумам и перестали ездить верхом, перейдя на гольф.

Еще оказалось, что Катрин хорошо водит спортивные болиды, к тому же она очень близко знакома со многими руководителями «Формулы-1», кажется французами. Она называла некоторые имена, но я не фанат этих грохочущих гламурных повозок и потому сразу все забыл. Попутно Катрин сноровисто прощупала меня насчет денег и моих связей.

Мы закончили наш веселый ужин, и я отвез Катрин в ее отель.

Честно говоря, хотя мы тепло попрощались, я, а возможно, и она не предполагали в ту мартовскую ночь, что нам придется увидеться снова.

Скорее всего, лейтенант Виржинго уже поняла, что я не представляю какого-то выдающегося интереса для высшего эшелона французской контрразведки, к которому она принадлежала. А точнее, для «экономического» подразделения тайной французской полиции ДСРИ. Мы расстались с ней как будто навсегда.

Однако жизнь уже приготовила нам с Кэт неожиданный сюрприз. Теперь нам оставалось только распаковать его.

Компанию в Швейцарии мы открыли в феврале 2010 года. Я назвал ее немного странно: «Электрисите Солей». Напомню, что эта фирма должна была, по нашему замыслу, получить кредит в швейцарском банке, предоставив банку в качестве гарантий и обеспечения мою недвижимость во Франции.

Дальнейшие шаги по этому финансовому плану мы намечали с Жан-Кристофом на апрель.

Оборотни

Так вот. Вернемся теперь к Челлини, профессору Фриману и спецслужбам США.

Напомню, что 26 марта 2010 года я съездил в Нью-Йорк, чтобы поговорить о портрете со специалистом. То есть где-то через полторы недели после вышеописанных событий.

Профессор поздравил меня с открытиями и заинтересовался сотрудничеством со мной. Поскольку совместная работа сразу же налагала на него некую ответственность, а мне открывала дорогу в элитные искусствоведческие круги, он пожелал побольше узнать обо мне. Прежде всего его интересовало, насколько я чист, нет ли за мной каких-нибудь грязных дел или нежелательных связей. Поэтому он обратился за помощью к спецслужбам.

Как уже говорилось ранее, запрос о моей персоне от американцев к французам, очевидно, пришел по каким-то высоким каналам государственного взаимодействия. Французам, естественно, тоже захотелось выяснить: почему и американцы проявляют к этому с виду обычному коммерсантишке такой активный интерес, да еще на столь высоком уровне, с требованием «срочно»? Неужели французы, смотрящие в оба глаза, все-таки проворонили и что-то в нем просмотрели?

С этого момента контрразведка мобилизовала все силы и стала действовать всерьез, не считаясь с затратами. На их сленге это называется «досье сенсибль». Конечной целью в отношении меня была или вербовка, или арест, но спецслужбы интересовались прежде всего моими связями и некой мифической «тайной жизнью».

Первым делом эти «демоны» получили у прокуроров разрешение на прослушку и слежку, которое по французским законам имеет ограничение по сроку.

Проведя рекогносцировку, они увидели, что в моем окружении уже находятся несколько внедренных агентов и офицеров «конторы». Это оказалось им весьма кстати и упростило дело. Перед сексотами, так удачно оказавшимися в нужное время и в правильном месте, высокое начальство поставило новую разведывательную задачу.

В результате уже 29 марта 2010 года директор моей недавно открытой швейцарской компании вдруг повел себя очень странно. Без моего согласия, с особой дерзостью и демонстративно он снял крупную сумму денег наличными со счета компании и, присвоив ее, уехал в ЮАР.

Директором я назначил, по рекомендации Жан-Кристофа,

некоего француза, проживающего в Швейцарии, по фамилии Невье.

Я, разумеется, ничего не знал об этой выходке своего управляющего.

Был ли Невье агентом ДСРИ? Действовал ли по приказу, с целью исполнения какого-то наскоро и впопыхах сшитого, простенького плана, который срочно возник у французских оборотней с целью спровоцировать меня на конфликт, самоуправство и выход из правового поля? Я не знаю. Могу лишь предполагать, что в компании, «плотно населенной» оборотнями, «неукушенных» индивидуумов встретить сложно.

Следует еще отметить, что «контора» всегда приветствует и даже стимулирует возникновение ссор. Так как в мутной воде им легче решать свои задачи.

Вы только подумайте, вдруг я бы наудачу, в соответствии со своим предполагаемым «мафиа рюс» менталитетом, взял да и послал киллеров по следу швейцарского нахала? Или даже просто начал угрожать бедняге? О, тогда «черти» просто, быстро и эффективно «взяли бы меня за задницу». И вскоре я послушно давал бы нужные признательные показания о своих «секретиках», сидя в «холодке» или на «пресс-хате», а не в своем офисе или за вечерней трапезой с красавицей Катрин.

Но я, вопреки ожиданиям оборотней, не напрягался. Не нервничал и не угрожал убийством наглому французу. Просто у меня было много других забот, и о том, что Невье сбежал с деньгами, я даже не ведал вплоть до 13 апреля 2010 года.

Очевидно, «контору» такое расслабленное сытое благодушие раздражало. Они ждали моей, желательно бурной, реакции.

Чтобы направить будущий гнев в нужное русло, они стали готовить почву: 7 апреля 2010 года (то есть всего через пару недель с момента моего визита в США и через десять дней после выходки Невье) Катрин вдруг позвонила мне и сказала, что уже не работает вместе с Жан-Кристофом Парисом и что она вообще-то всегда занималась и занимается «высокими финансами» (читай — очень крупными финансовыми спекуляциями), а Жан-Кристоф — всего лишь мелкий придурок и бесперспективен.

Катрин сообщила, что всегда готова помочь, если у меня возникнут сложности с Жан-Кристофом или проблемы в Швейцарии.

Она сказала, что так и заявила Жан-Кристофу: «Единственный клиент из твоих „орков“, с которым я хочу и буду иметь дело, — это Олег. Остальные меня не интересуют».

Более того, Катрин предупредила: «Я уверена, что проблемы в Швейцарии возникнут». И потому она порекомендовала «не

стесняться, если что, а сразу звонить» ей.

Я, конечно, немного удивился.

И то, что она позвонила мне, было странным — мы ведь не друзья; и то, что она, работая в «высоких финансах», связалась с каким-то мелким куртье; и то, что называла его придурком, хотя конфликта между ними, по ее словам, не было. Да и какой конфликт? Жан-Кристоф просто боялся ее. Это же видно.

Но наиболее удивительным был новый всплеск интереса с ее стороны к моей невзрачной особе. Однако я поразмыслил и, как большинство мужиков, проходящих кризис возраста, списал все это на свой шарм. Наверно, я ей чем-то понравился — так я разрешил для себя эту загадку.

Между тем Катрин, как вы уже знаете, как в воду глядела. 13 апреля я наконец приехал в Женеву, чтобы переговорить с банком насчет кредита, и с удивлением выяснил, что мой директор смылся с деньгами.

Встреча в банке УБС в Женеве была назначена заранее, и Невье обязательно должен был на ней присутствовать. Когда подошло время встречи, моя ассистентка попробовала с ним связаться, но он не ответил. Я послал ему СМС, мейл, а также оставил голосовое сообщение. Не получив никакого ответа, решил встречу не отменять и поехал туда один.

В банке УБС меня то ли ждали, то ли нет. Принять приняли, но глаза прятали. Менеджер, потупившись, сказал, что никаких кредитов под залог французской недвижимости банк выдавать не собирается, да и счет компании открыт временно. Желательно его поскорее закрыть.

Тут, конечно, у меня возникло несколько вопросов к банку (и они остаются до сих пор), особенно к его клерку, проявляющему невиданную любовь, понимание и привязанность к французской агентуре.

Однако для простоты повествования я просто опущу тему участия швейцарских служащих в «конторских» игрищах. Тем более общеизвестно, что Женева — это центр мирового шпионажа.

13 апреля выдался погожий день. Банк расположен в центральной части города, и от его дверей прямо до роскошной набережной Женевского озера всего метров сто.

После встречи я вышел из банка, обалдело сел на лавку на берегу и позвонил Жан-Кристофу. Тот бормотал что-то невнятное, и в потоке словоизвержения этого болтуна невозможно было выловить хоть какое-то рациональное зерно.

Во всяком случае, в городе мне уже нечего было делать, и я отправился в аэропорт. В зале ожидания, перед посадкой в

самолет, я вспомнил о Катрин и перезвонил ей. Она сразу же, на удивление быстро «въехала» в тему, все поняла, горячо меня поддержала и всячески приободрила.

Мы было закончили разговор, но она вновь и вновь перезванивала мне, говоря, что поможет в любом деле и даже, если я «решу оторвать этому гаду башку», сама, лично, «запинает ее подальше, чтобы ненароком не нашли флики (полицейские)».

Я, конечно, не собирался следовать ее советам, подаваемым с таким энтузиазмом. Жизнь парня с окраины, помотавшегося по разным странам и пожившего среди представителей разных слоев общества, научила меня, что угрожать кому-либо в жизни незачем, бояться нечего, а выходить из «правового поля» — себе дороже.

При этом судебную тяжбу заводить тоже не хотелось. Я так нахлебался горя с судами во Франции, что меня просто передергивало и коробило от одной мысли об адвокатах, черных рясах и залах судебных заседаний.

Вылет задерживался. Катрин звонила снова и снова и вдруг предложила себя в качестве директора моей швейцарской компании. Я очень удивился и оставил ее предложение без ответа. Катрин тоже более не настаивала, просто сказав, что у нее есть право и соответствующие швейцарские документы, чтобы выступать легальным руководителем бизнеса в этой стране.

Однако ее идея поменять швейцарского «директора» показалась мне своевременной и здравой.

По прилете во Францию я перезвонил Жан-Кристофу, который тоже имел право вести легально дела в Швейцарии, и в категорической форме потребовал от него, чтобы он принял ответственность на себя и стал директором компании в Швейцарии, причем «бесплатно», с целью компенсировать мой ущерб от деятельности его протеже — месье Невье.

Я все-таки надеялся получить кредит в Швейцарии, поскольку Жан-Кристоф продолжал меня убеждать, что наш план еще действует, а побег Невье с деньгами — просто недоразумение. С этого момента мы начали переоформление учредительных документов и переназначение руководителя компании.

Из-за плотного рабочего графика месье Париса, а также по каким-то иным причинам дело затянулось на несколько месяцев. Потом настало лето, и волокита еще больше усилилась, по французскому обычаю.

Словом, непосредственно убедиться в том, что меня окончательно «кинули» с идеей получить кредит в швейцарском банке, я не мог. Ведь чтобы это понять, следовало сначала дождаться новых документов, а потом повторить попытку

получить кредит с участием Жан-Кристофа в качестве руководителя компании.

Честно говоря, я доверял и месье Парису, и Катрин, потому что не видел мотивов для злого умысла в их действиях. Я трезво рассуждал: а зачем, собственно, кому-то надо меня «кидать»? Кому конкретно и какая с того выгода? Какой вообще смысл во всей этой возне, если предположить, что она имеет целью мне навредить и меня ограбить? Каким способом?

На самом деле я не понес пока существенных убытков. Да, Невье самовольно снял со счета деньги и истратил их. Но украденная сумма равнялась, в принципе, его полуторагодовой зарплате, и Жан-Кристоф взялся отработать эти деньги, исполняя обязанности директора бесплатно.

Неприятно, конечно, но все-таки это не изнасилование и не разбой. В бизнесе часто встречаются негодяи и даже сумасшедшие, а к их присутствию следует относиться профессионально.

Я видел во всей этой истории неразбериху, неоправдавшиеся надежды, непрофессионализм, но никак не попытку меня «кинуть». Поэтому первая провокация «конторы» в отношении меня просто не удалась. Я не собирался гоняться за Невье, на радость французским полицейским, по горам с топором и криками «Ах ты гад!».

Тем временем мы регулярно созванивались с Катрин. Она живо интересовалась нашими делами в Альпах и даже предлагала свои услуги насчет кредита, говоря, что у нее есть возможность и желание помочь мне с финансированием в другом банке.

Я, разумеется, был рад знакомству с Катрин и рассматривал себя в ее глазах как перспективного, интересного бизнесмена с безупречной репутацией, который может стать для нее хорошим деловым партнером. В наших отношениях почти все шло хорошо и ровно. Я совершенно не думал о сексе и ни сном ни духом не намекал ей на романтические отношения.

Я говорю «почти все», потому что наши телефонные разговоры часто превращались для меня в сущее мучение. Она вдруг начинала подробно мне рассказывать про свою работу в советах директоров крупнейших банков, о брокерских операциях, о каких-то «платформах», «альянсах», «движениях», «разрешениях», «тракфинах» и «фатфах». Она использовала такой сленг, что я не в силах был понять, о чем она говорит. Единственное, что я улавливал, — это суммы сделок. Они были многомиллиардными, а комиссионные исчислялись десятками и даже сотнями миллионов.

Я мало что понимал, а ведь приходилось как-то поддерживать

разговор. Это было и смешно, и наивно, и стыдно для меня — мне казалось, что я все время говорю невпопад.

Однажды она позвонила, сказала, что у нее день рождения, и предложила встретиться в Париже. Это уже, как ни крути, походило на свидание. Она ведь не приглашала нас с женой на свою вечеринку. Она звала меня на встречу тет-а-тет.

Я обратил внимание, что наши отношения с ней развиваются не постепенно, а вдруг неожиданно подпрыгивают как бы на следующую ступеньку. Причем позднее, когда я сопоставил даты своих писем профессору Фриману и эти «ступеньки», они совпали с небольшим интервалом в несколько дней.

Вы помните: профессор Фриман так и не перезвонил мне в пятницу 26 марта. Не перезвонил он и в субботу. В понедельник мы улетели в Ниццу, и на следующий день я написал ему первое письмо. Он ответил мне, любезно подтвердил свое намерение сотрудничать, но попросил «немного подождать». Я ждал, ждал и потом опять написал ему, чтобы напомнить о себе. Но в этот раз он не ответил.

Потом моя ассистентка перезвонила в его приемную — Кира Бигмэйл всячески извинялась и, переговорив с профессором, обещала, что он вскоре с нами свяжется.

Очевидно, что каждый раз, когда я звонил или писал письмо Фриману, он передавал его или перезванивал американским службистам. А те раз за разом все жестче дергали французов: «Где информация?»

Французы, вместо того чтобы признать очевидное — человек чист и не представляет из себя ничего особенного, всё еще надеялись расколоть меня и разгадать некую тайну, которую, по их мнению, я хранил.

Начальники накручивали своих агентов и офицеров, в том числе Катрин. Катрин приходилось вкалывать изо всех сил, искать и «раскапывать» непонятно что. И в результате наши с ней отношения неожиданно и даже как-то нелогично скакали вверх.

Мы договорились с Катрин, что я приеду на встречу в ресторан отеля «Жорж 5». Я знал, конечно, что это один из самых дорогих и шикарных отелей Парижа. Ужин на двоих с приличным шампанским (конечно, не «Кристалл») и умеренным вином вполне мог потянуть там на 1000–1 500 евро. А с изысканным вином — и того дороже.

Однако каким-то чудесным образом этот самый помпезный «Жорж 5» у нас с Катрин изящно заменился затрапезной брассери и столиком на двоих на узкой террасе.

Как это произошло, я так и не понял. Предлог перемены места встречи тоже не помню. Возможно, Катрин опасалась, что я

ускользну от оплаты и ей придется раскошелиться? Черт их поймет, этих русских. Миллионы миллионами, а 1000 евро не лишние.

Она приехала прямо к брассери на своем черном «ренж-ровере» с номерами, на которых с определенным, ненужным вообще-то кокетством были выбиты ее инициалы. Видимо, среди технического персонала в «конторе» у нее тоже немало почитателей.

«Ренж-ровер» — служебная машина ДСРИ. Я видел потом точно такой же у другого офицера «конторы», Оливье Сикузы, и у тех филеров, которые демонстративно сопровождали нашу машину, когда «контора» перешла к тактике открытого присутствия и давления на психику.

Машины ДСРИ полиция не останавливает. Офицеры и их клиенты могут нажраться в хлам и гонять по ночному Парижу — никто им мешать не станет. Машины клиентов, находящихся в разработке, полиция тоже не должна останавливать. Во всех остальных случаях за подобные нарушения вас ждут суд и наказание.

Справедливости ради следует сказать, что, когда ко мне еще в поздних девяностых и в начале нулевых приезжали офицеры ДСТ из Тулона, они перемещались на простом и неприметном «пежо-305».

Хотя это, скорее всего, была просто полицейская служебная машина, потому что я заметил у них мигалку, которую в случае необходимости они примагничивают к крыше одним движением руки. Такие мигалки обычно используют полицейские в штатском, но не секретные службы.

Я приехал на встречу роскошным летним вечером: Париж, кафе, элегантная и, по легенде, весьма состоятельная француженка… Все это напоминало довольно банальное кино. Катрин выглядела уставшей, хотя и бодрилась. Вовсе не похоже было, что у нее день рождения. Я, конечно, привез ей подарок — мы с Ириной выбрали его вместе.

Представьте себе, что ужинаете в компании пчелиной матки прямо на пасеке. Вот что такое ужин в публичном месте с профессиональной соблазнительницей за вашим столиком.

Пользуется ли она феромонами? Черт его знает.

Я, понятное дело, не спрашивал. Но мужчины, особенно французы, в ее присутствии сходят с ума и с какими-то отупевшими лицами пытаются пообщаться с ней. Смотреть на это даже страшно. Реально видишь, как неприглядно выглядит мужской мир глазами красивой, влекущей к себе женщины.

Пришел директор ресторана. Он просто довольно долго тупо

стоял и что-то бормотал. Задерживались возле столика официанты. Дедок из соседней компании стал навязчиво угощать сигарами, произнося какие-то бессмысленные фразы… И все вокруг сидели вполоборота, лицом к нам, забыв своих жен, женщин и маленьких собачек.

Мы с Катрин выпили шампанского, поели, уговорили бутылку красного. Потом еще одну. Взбодрились кофе, я в конце концов предложил ей оставить свою машину директору ресторана (который не мигая сидел неподалеку на крае стула и молча ждал своего шанса), вызвать такси для нас и отправиться в какой-нибудь отель, чтобы переночевать.

Сам я, конечно, не имел в виду секс. Я рассчитывал снять два разных номера и не позволял себе даже намека на ухаживания. Именно поэтому ресторатор, грузный француз с испорченным характером, заподозрив во мне то ли импотента, то ли педераста, уже давно сопел неподалеку. Когда я уходил в туалет, он и вовсе присел на мое место за столом.

Правда, как оказалось, у полового была отмазка: они с Катрин уже были знакомы шапочно много лет назад. По крайней мере, она мне так сказала.

Катрин и смеялась, и злилась. Как я потом понял, злилась именно на то, что я никак не ухаживал за ней. Не более, чем за деловым партнером.

Однако Катрин наотрез отказалась от моих планов. Она собиралась еще покутить в Париже и сесть для этого за руль. А потом, под утро, уехать к себе домой, в Нормандию. Это где-то 80 километров от Парижа.

Я пытался образумить свою спутницу, ведь если полиция нас остановит, мы заночуем в «обезьяннике», права отберут, а потом того, кто был за рулем, будут судить. Она в ответ только хохотала, покачивая хорошо сработанным бюстом.

Тогда в отчаянии я собрался взять риск на себя, предложил ей сесть на место пассажира и пустить меня на место водителя. Ерунда! Она наотрез отказалась: ей нравилось щекотать мне нервы. Спорить стало бесполезно. К тому же я сам был немного пьян и сдался.

Был уже второй час ночи, и так мы впервые прокатились по ночному Парижу. С ветерком, можно сказать. В направлении набережных. Рыча мощным мотором, мы стремились в ночной клуб, хозяина которого она знала.

Французы не могут иначе — они все время тусуются у друзей. У них такой менталитет. Вместо того чтобы ехать туда, где тебя никто не знает, они отправляются к знакомым, где к тому же

чаще всего еще и скучно.

Катрин позвонила какому-то своему «ами», и когда мы подъехали к месту, он уже встречал нас на улице, нервно переминаясь. Я думал, он проводит нас в заведение. Но не тут-то было. Мужик выглядел перепуганным до полусмерти, хотя скрывал это, но умолял Катрин в клуб не ходить — мол, там частная вечеринка.

Конечно, он нам беззастенчиво врал. Отмазку он придумал, пока мы к нему ехали. На самом деле мужчина боялся, что его увидят рядом с Катрин. Очевидно, он хорошо знал, кто она на самом деле. Этот человек — довольно известная личность в Париже, и я не хочу называть его имени. Внешне он выглядит как мафиозо с картинки. Ну, вероятно, мафиозо и есть: бандит, приручeнный «конторой».

Позднее, уже в Дубае, Катрин рассказала мне, что богатого тестя этого парня в свое время нашли в багажнике с дыркой в черепе от пули. Поэтому, скорее всего, зятьку пришлось вскоре познакомиться с агентами тайной полиции, и с этого момента дела у него пошли в гору.

Мне, конечно, все эти нюансы были тогда непонятны. Я просто наблюдал за странным поведением парижан и молча дивился чудному народу.

А тем временем осиротевший зятек обещал нам «чудесный вечер», но подальше от его клуба.

Вот так и получилось, что мы оказались в какой-то дыре все втроем. В силу того, что я родом с окраины Свердловска, а конкретно из района, известного как Уралмаш, страшных с виду рож я навидался, и они меня никак не пугали. Но, с другой стороны, я не понимал, зачем мы взяли на борт этот балласт?

Короче, мне стало скучно.

К тому же я, вероятно, ляпнул за столом какую-то бестактность, и наш мафиозо, не понимая, кто я такой, совсем сник. Повисла пауза, и мне показалось, что я тут лишний. Наверное, Катрин чего-то хочет от своего знакомого, но при мне не может этого сказать.

Поэтому я решительно оставил Катрин на попечение ее старого друга, вызвал для себя такси и уехал, предполагая, что, если у них амурные дела, мне совершенно незачем торчать рядом.

Я уже говорил, что, насколько я могу судить о событиях 2010 года по прошествии времени, перед оборотнями была поставлена задача выяснить, чем вообще я отличаюсь от прочих. То есть задача была поставлена совершенно неконкретно.

Более того, ни Катрин, ни ее «партнер» — русскоговорящий

агент контрразведки (о котором пойдет речь дальше) не знали даже причин интереса своего начальства к моей скромной персоне. Они должны были выяснить, кто я такой. То есть буквально «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».

Начальство предполагало, что по роду моих занятий и складу характера я скорее проявил себя в экономической области, чем в какой-либо другой. Терроризм, шпионаж и торговля наркотой, скорее всего, не рассматривались всерьез, но и не исключались.

Поэтому контрразведчики сосредоточили свои усилия прежде всего на версии крупного отмывания денег или, как вариант, представительства мною неких влиятельных, но тайных сил. С большой долей вероятности — российских «сил».

Именно этот широчайший спектр, от оккультной деятельности до отмывки денег, они лихорадочно отрабатывали, находясь при этом в цейтноте.

Этот мафиозо исполнял для меня роль приманки. По их логике, увидев перед собой родственную душу, я начал бы с ним общаться, находить общие точки и таким образом раскрылся.

Контрразведчики разными способами отрабатывали версию за версией.

Однажды, болтая со мной по скайпу, Катрин потребовала включить видеокамеры, хотя чаще всего мы ради лучшего качества связи говорили без картинки.

В этот раз она опять несла какую-то малопонятную мне ерунду, но при этом демонстративно держала пальцы левой руки сложенными в знак «козы».

Я обрадовался, что могу наконец сменить ненавистную мне «банковско-брокерскую» тему на нечто более близкое и ясное. Я улыбнулся и сразу спросил ее, что это она мне показывает пальцами и понимает ли смысл жеста?

Поскольку вместо ответа Катрин лишь загадочно улыбнулась, я решил, что она ничего не понимает. Мне было удобнее, чтобы она не понимала.

Тем более что Катрин уже пыталась однажды говорить об искусстве, не владея темой. Так что я ухватился за возможность ее просветить и с удовольствием прочел пятнадцатиминутную лекцию об этом жесте (когда указательный и мизинец выпрямлены, средний и безымянный пальцы согнуты, а большой торчит вбок).

Из моей лекции бедняга, вероятно, смогла сделать только один вывод: «Эта тема опять мимо…»

В остальном «контора» была более материальна и прагматична. Параллельно с подманиванием «на муляж» она принялась искать мои финансовые заначки, общак или казну.

В конце концов французы сделали все возможное по части сбора информации и анализа прослушек, однако остались недовольны результатом. Слишком много лакун, или, попросту сказать, не нашли они у меня никаких денег, золота или ликвидных бумаг, при том что так и не смогли исключить их наличие.

Тут надо пояснить, зачем они вообще искали эти деньги. Дело в том, что, если бы разведчики обнаружили крупные суммы в кеше, на счетах, в ликвидном имуществе или ценных бумагах, они смогли бы далее, потянув за ниточки, отследить связи, движение и вообще всю мою мифическую «сеть». Кроме того, выяснив происхождение денег, они бы получили много интересной информации.

И наконец, угрожая заморозить или изъять имущество, спецслужбы смогли бы меня завербовать. Но, к несчастью для них, никаких выходов на мои деньги они не нашли.

Тогда оборотни решили выманить меня из «засады». Примерно так, как это делает хитрая жена, выманивая копеечку у своего жадного мужа, чтобы выследить, где же он прячет настоящие, крупные деньги.

По их очередному плану сначала следовало создать мне стрессовую ситуацию с доходами. Сделать так, чтобы я начал остро нуждаться в средствах. И в этот критический момент перейти ко второму этапу: подсунуть мне «выгодную сделку», или «горящую возможность», с тем чтобы я решился распечатать свою тайную кубышку и перевел на любой засвеченный счет некую сумму, пусть даже не очень большую.

Главное, чтобы они засекли при этом источник.

Этот план никак не срабатывал, если бы я, к примеру, продал свою недвижимость, которая и так была на виду, заплатил налоги со сделки и распоряжался бы этими средствами, оставаясь в легальном поле, а не лазил в подполье к тайнику.

То есть именно получению моих легальных, французских доходов «конторе» следовало помешать в первую очередь. По замыслу оборотней, я должен был раскрыть свои иностранные тайные счета, а не пользоваться легальным источником денег у них под носом.

Примерно с мая 2010 года французы начали исполнять этот план.

Вот один из примеров того, как они действовали.

Уже почти отчаявшись найти кредит или стратегического инвестора, я решил просто продать часть нашей недвижимости. Сумма сделки была солидной, примерно под миллион евро. Покупатель у меня был, что называется, в кармане — один из

моих арендаторов, который исправно платил аренду и уже давно просил нас продать ему занимаемое помещение.

Я отказывался, потому что в голове у меня зрел мегапроект, касающийся всего комплекса, и наличие чужого имущества в уголке нашей недвижимости могло нам помешать. Однако к тому моменту, измученный нехваткой денег, я согласился.

Банк уже открывал ребятам (моим потенциальным покупателям) кредитную линию в необходимом размере около года назад. Они не использовали эти деньги, а теперь требовалось просто подтвердить намерения, и всё.

Мы подписали договор купли-продажи, так называемый «компроми». Это первый шаг сделки: подписывается соглашение, что, если покупатель получит необходимый кредит в банке, сделка состоится в любом случае.

И вот в этот самый момент к моим покупателям неожиданно нагрянула налоговая проверка. Причем проверяющие приехали черт знает откуда — с другого конца Франции. Проверка прошла молниеносно и крайне жестко. В результате, по словам неумолимых налоговиков, предприятие должно было выплатить штрафы на сумму, превышающую 300 000 евро.

Само по себе поведение «проверяющих» было странным. Обычно администрация и даже налоговые органы во Франции делают все возможное, чтобы лишний раз не подвергать шоковому стрессу еще худо-бедно работающий бизнес. Предприятие, которое еще шевелится, они душат плавно и постепенно. Даже если есть незначительные нарушения, штраф после уплаты недоимок бывает символическим, а сами недоимки разрешают выплачивать в течение года, а то и трех.

А тут были резкие речи, бескомпромиссность по каждому ерундовому поводу и в итоге — штраф невиданных размеров.

Ошарашенные ребята впали в ступор и не знали, что теперь делать. Гигантский штраф должен был их просто похоронить.

Параллельно банк неожиданно отказал им в кредите на покупку недвижимости. В другой банк они идти не могли из-за налоговых неурядиц, да и само желание покупать помещение у них пропало.

Я очень разозлился на своих клиентов, когда они сообщили мне, что не смогут выкупить помещение, которое снимают. Разозлился, потому что мне и в голову не могло прийти, что на самом деле это проделки оборотней и моих клиентов здесь только используют втемную.

Тем не менее нашу сделку мы аннулировали. И через неделю после этого ребятам сообщили из налоговой, что на них сошла с небес благодать: штраф отныне уже не 300 000 евро с лишком, а

всего 360 евро. Гнев сменился на милость, всё в порядке, работайте на здоровье, дорогие предприниматели. Ну, каково?

Примерно так же, всевозможными правдами и неправдами, были распуганы все другие покупатели, коих было около полутора десятков, как минимум.

Короче, для нас с Ириной ситуация походила в тот момент на пересечение безводной пустыни. Никакой возможности ни взять кредит на разумных условиях, ни продать недвижимость или ее часть.

Попутно Катрин постоянно рассказывала мне о фантастических возможностях вложить деньги на очередной ее «платформе» и быстро срубить огромное количество бабла. Фишка, по ее словам, была в том, чтобы присоединиться к очень крупным «акулам», когда они рвут на части очередной куш. Она, как инсайдер, могла мне (и себе) помочь.

Но я все ее разговоры воспринимал как какой-то музыкальный фон, не имеющий ко мне никакого отношения. Суммы были слишком огромны, и я не реагировал.

Однако я рассказал Катрин о своих планах с кино и просил познакомить меня с крупными ювелирными компаниями, потому что хотел предложить им свой проект. Катрин тут же связала меня с директором бутиков известной ювелирной марки в Каннах и Монако, месье М. Он обещал передать все досье и заманчивое предложение в Швейцарию, в головной офис, и устроить мне встречу с руководством компании.

Само собой, никакой встречи потом не последовало. В соответствии с обычными «конторскими» практиками М. постарался все дело спустить на тормозах, и я сомневаюсь, что он вообще проинформировал швейцарцев о проекте «Бенвенуто».

Зато теперь я их информирую об этом, а заодно и о «конторских» проказах их менеджера, вот здесь, в своей книге.

Примерно в таком ключе постоянно действуют агенты «конторы». Они говорят «да», но потом тянут время, и в конце концов дело умирает само собой.

Короче говоря, выманить мои деньги у оборотней никак не получалось, но, с другой стороны, они знали, зачем и сколько мне нужно средств.

И все-таки основным методом «раскалывания» меня из широкого набора вариантов французы выбрали «ловлю на живца». «Черти» исходили из соображения, что подобное потянется к подобному, и устраивали мне встречи с разными странными типами. Смысл таких встреч был в том, что если я увижу родственную душу и, проверив, действительно поверю, что передо

мной реальный жулик с «репутацией» (или даже в розыске), то я начну с ним строить отношения, планы и вообще совместный бизнес. Вот тут-то они меня и расколют.

Потому они по очереди подпускали ко мне бандюков, воров и мошенников всех мастей и разной специализации. Подбирали ключ, так сказать.

О парижском вечере в компании мафиозо я уже рассказывал. Не хочу описывать подробнее, но тип не очень-то располагал к дружеским отношениям.

Про встречу с крупным международным аферистом, находящимся в розыске Интерпола за финансовые преступления на сотни миллионов долларов, я расскажу чуть позже.

Еще были встречи с «деятелями искусства», преимущественно иностранцами, ну и ряд знакомств с «финансистами», к которым мы с Катрин специально ездили в Швейцарию.

Хотя не все у «конторы» шло гладко, и в Цюрихе с нами произошел довольно забавный случай.

Как потом выяснилось, некоторые из швейцарцев, которых Катрин пригласила в качестве «декораций» к спектаклю, оказались людьми еще более наивными, чем я, и восприняли «бизнес-предложения» моей «шери» всерьез. Они в самом деле раскошелились: собрали немалое бабло и заморозили его на счетах. А когда все в очередной раз, в соответствии со сценарием, обломилось, эти наивные инвесторы очень расстроились и даже рассвирепели.

Пришлось Кэт их осаживать, причем в резкой форме. Прямо говоря, она их просто-напросто запугала. И это был первый «звонок», когда я подумал, что с девушкой, похоже, не все чисто.

Расскажу подробнее, чтобы было понятно.

Очевидно, в Цюрихе разыгрывался очередной спектакль. То ли ради меня, то ли я там сам поучаствовал вроде куклы.

Катрин привела меня в какой-то офис, где предлагала народу скинуться крупными суммами, по нескольку десятков и даже сотен миллионов, «зайти на платформу» в «нужный момент» и вместе провернуть какую-то малопонятную мне финансовую операцию.

Но в Цюрихе, кроме агентов, за столом переговоров присутствовали и реальные люди, которые просто были не в курсе, что участвуют в «шабаше демонов», и приняли заманчивые предложения Катрин за чистую монету.

А когда эти люди, реально приготовившие деньги для «входа» на мифическую «платформу» и даже взявшие кредит, в ожидании манны небесной обломались, они стали звонить Катрин и сдуру предъявлять ей претензии.

Такой звонок с наездом от швейцарцев случился при мне, и Катрин не стала от него прятаться. Она сразу решительно ответила, что в два счета поотшибает им рога и что она очень хорошо защищена. Потом моя «шери» превратилась в разъяренную тигрицу и посоветовала своему собеседнику разузнать, что и как бывает в жизни в таких случаях, у своего брата, каковой, как выяснилось, оказался кадровым сотрудником «конторы», но, правда, немецкой, а не французской или швейцарской.

Ну, я, конечно, обалдел. Откуда ей было знать, что брат ее швейцарского «партнера» — контрразведчик или шпион? К тому же вместо того, чтобы опасаться некоего «брата в погонах», она, наоборот, считала его гарантом мирного разрешения конфликта. Мне это показалось странным. Но на другом конце провода, в Швейцарии, очевидно, всё поняли, и больше эта тема не возникала.

Если задуматься, конечно, голова шла кругом. Но я предпочел не размышлять о непонятном и списал все на французский менталитет, хорошие понты Катрин и причуды извращенного мира финансистов.

Вот так прошло лето 2010 года, и осенью я опять напомнил профессору Фриману о себе. Мистер Фриман, конечно, уже догадался, что молчание в отношении меня связано с какими-то сложностями или расследованием.

При этом я продолжал бомбардировать его письмами с недоуменным вопросом: «Что случилось, профессор? Почему вы молчите?»

Мистер Фриман наверняка нервничал, поскольку его поведение могло предстать в кругу коллег и знакомых в весьма неправильном и даже пикантном свете. Поэтому он, без сомнения, в той или иной форме высказывал свое раздражение службистам.

Американцы в свою очередь все более жестко посматривали на своих французских союзников, и напряжение росло. Как мне потом объяснили, в результате произошла эскалация конфликта между ними.

В конце концов у кого-то терпение лопнуло, и, видимо, случились в США и на самом верху у французов какие-то выходящие из ряда вон разборки.

По крайней мере, у моих оборотней осенью вовсе снесло крышу, и они еще активнее поддали жару. Начальство требовало от своих агентов результата, и как можно быстрее. Обстановка накалялась, и в результате этого давления разрушились последние барьеры, и Катрин без обиняков решилась на старые

добрые методы: интимную связь, прямой шантаж, а потом на угрозы, запугивание и давление.

Однажды поздним летом она прямо сказала мне в Париже, что одинока, что красивой женщине «тоже непросто», она перебивается изредка случайным сексом, но все «не то», и ей «нужен такой мужчина, как ты» (как я то есть).

Я почесал затылок: я все-таки здоровый, еще полный сил парень, регулярно занимаюсь физкультурой, любознательный и романтичный. Но это все притом, что я отец троих детей, женат, лысею, вес у меня бывает лишним, если расслаблюсь и потеряю самоконтроль, да и характер у меня сложный.

То есть я в любом случае уже не секс-бомба, а также отнюдь не самый богатый и щедрый папик в мире. Тем более сейчас у меня некоторые финансовые затруднения (которые она же мне и создала).

Я помолчал, собрался с духом и честно ответил, что женат, у меня любимая семья, я иностранец, а ей нужен француз, если она собирается создать семью или жить с ним долго. Ибо менталитет и все такое — все-таки лучше, когда и в постели все свое, понятное, общее, родное. К тому же мы с женой — не просто муж и жена, мы друзья и партнеры. Уходить из семьи я не собираюсь, а мелкие интрижки ниже моего достоинства…

Вот так сказал, с сожалением, конечно, понимая, что захлопнул себе двери к удовольствию. Но она даже не обиделась, и я был очень удивлен.

Мы много говорили в тот раз о Гималаях, о картинах…

Вскоре Катрин предприняла еще одну, последнюю, попытку поймать меня на живца, избегая интима. Она позвонила мне и стала взахлеб хвастаться, что ее назначили директором нефтетрейдинговой компании. Дала мне ссылку на сайт. Сайт недавно, видимо, на скорую руку, что называется, на колене слепил ее партнер по «конторе», о котором пойдет речь ниже.

Однако я не впечатлился и сказал Катрин, что это какая-то ерунда, такой фирмы я не знаю и ничего хорошего из подобного назначения не получится. По-моему, это какие-то жулики.

И вот тогда «контора» пошла ва-банк. Вернее, решительно загнала девушку прямиком в мою постель.

В постели с врагом

Вот как это было.

Катрин позвонила мне в очередной раз и сказала, что хочет увидеть меня и мои владения. Что она хочет стать моим партнером во всех моих начинаниях и поэтому возьмет да и приедет к нам на Юг. Прямо на днях.

Был уже октябрь, и в тот день, когда она собиралась прилететь, 13-го, в Париже, как обычно, началась очередная забастовка, на этот раз диспетчеров полетов. Некоторые аэропорты закрыли, а количество рейсов было сокращено.

Но ничто не могло остановить решительную красавицу, скорее наоборот — появился повод для подвига.

Катрин не терпящим возражений тоном сообщила, что раз не может прилететь, то приедет на своем автомобиле.

Мне ничего не оставалось делать: я приказал своей ассистентке Стефани забронировать для нее номер в отеле.

Я, конечно, понимал — это секс, и чему быть — того не миновать. Девятьсот километров дороги, отель, ужин, любовь. Это тоже следовало из нашей переписки.

Я поймал на себе долгий удивленный взгляд моей дорогой помощницы Стефани. За десяток лет, который мы провели вместе, она ни разу не замечала за мной никаких шашней. Взгляд я почувствовал, но молча переварил его.

В дальнейшем Стефани никогда к этой теме не возвращалась, четко и исполнительно готовя нам с Катрин совместные путешествия, резервируя отели и прочее.

Я не стану говорить об этом больше, чем необходимо для повествования.

Эти строки моя жена читать не станет. Зато прочтут мои дети, возможно, потом и внуки… Знакомые, друзья.

Вот им я хочу сказать, что вся эта история по-новому открыла мне глаза на жизнь. То, что мы пережили с моим самым надежным другом и женой, не каждому выпадает в судьбе.

Именно ее сила духа, беззаветная и даже жертвенная любовь ко мне и детям, без тени самоунижения или пошлости, спасла нас в очередной раз.

Я сейчас не подлизываюсь к ней, ибо это бессмысленно. Просто говорю правду.

Словом, поскольку раньше я не изменял своей жене и потому, что мы никогда не оскорбляем друг друга подозрениями, она никак не контролировала, не проверяла меня и не задавала вопросов в тот вечер и ночь, когда я встретил уставшую с дороги

Катрин возле отеля и остался с ней почти до утра.

Я приехал домой, когда уже почти рассвело, и через несколько часов сна вновь уехал к Катрин, чтобы провести с ней и этот, следующий после ее приезда, день.

Во время нашей первой ночи Катрин серьезно искусала меня, это было очень больно и неожиданно. Укусы были серьезными, синяки от них на руках, шее и даже ухе скрыть было невозможно.

На второй день я надел свитер с высоким воротом, чтобы избежать хотя бы посторонних взглядов. Но когда ненадолго заехал по делу к нашим друзьям, то Фофи, подруга Ирины, сразу заметила специфические следы на моей коже. В том числе на ухе и запястьях.

Поскольку Фофи — человек очень внимательный и видала всякое, она тут же поняла, в чем дело, и без прелюдий сказала мне: «Она специально тебя искусала, Олег. Кто бы ни была эта женщина. Она хотела, чтобы Ирина это заметила».

Я не рассказывал Фофи ничего: она догадалась обо всем сама просто по виду и форме ранений.

Тянуть было нельзя, следовало как можно скорее объясниться с моей дорогой женой, партнером и союзником. Я вообще жене не вру и, конечно, не был намерен прятаться с самого начала своих шашней.

Когда я все рассказал Ирине, мы обедали вдвоем в одном из пляжных ресторанов, рядом с набережной Круазетт в Каннах.

Я как можно тактичнее и мягче поведал ей о том, что на самом деле произошло между мной и Катрин.

Честно говоря, Ирина была к такому повороту событий готова — ведь она очень умный человек и живет в реальном мире. Она видела и слышала, что наши контакты с Катрин учащаются, и понимала, что перед шармом красивой, элегантной и влиятельной француженки трудно устоять. Но, несмотря на это, поворот от теории к свершившемуся факту обрушился на жену как град из камней.

Единственная позитивная новость для нее была в том, что мы по-прежнему доверяли друг другу и я не стал трусливо прятаться и врать.

У нас состоялся очень личный, раскаленный разговор, без всякой ругани или взаимных обвинений. Мы договорились о правилах поведения в нашей ситуации и сохранении личного достоинства для каждого из углов сложившегося треугольника.

Ну, а для Катрин, очевидно, я был всего лишь клиентом, несмотря на то что она постоянно клялась мне в любви.

Хотя, возможно, я и не был ей совершенно безразличен. По крайней мере, однажды она сказала мне в порыве, что ее судьба

— это фильм «Фамм Никита́» Люка Бессона.

«Как только я влюблюсь в человека, получаю приказ его уничтожить».

На это я возразил ей, что, скорее, этим она похожа на самку богомола, которая отрывает головы своим любовникам. Но Катрин настаивала, что она именно Никита́. Насекомые ей не нравились.

Звучало это сравнение с Никито́й несколько театрально, но я уже подозревал ее в связях с «конторой» и не удивился. Я только не мог себе представить что клиент-то — это на самом деле я. Полагал, она со мной расслабляется, а клиент у нее кто-то другой, потому что я и подумать не мог, что за мной кому-то придет в голову следить, а уж тем более подкладывать мне красавиц прямо из «совета директоров крупного банка» в постель.

Поэтому, когда она сказала, мол, «влюбляюсь», я не принял этого на свой счет. У нас был хороший секс, довольно интересный, и я сдуру думал, что она ищет именно этого. Плюс ей интересен интеллект своего партнера.

С утра после нашей первой ночи мы отправились на шопинг в Канны, и там, очевидно, нам была устроена «фотосессия». «Конторские» отлично знают, что постельные сцены мужей с чужими красотками некоторых жен раздражают гораздо меньше, чем снимки их неверных супругов с любовницами во время похода по модным магазинам.

Так что Катрин вовсю позировала невидимому фотографу на рю д'Антиб.

После обеда в этот же день мы вместе съездили в наш офис и осмотрели недвижимость. Моя «шери» никогда раньше не видела ее воочию, и объект весьма впечатлил мадам Виржинго размерами, состоянием и местоположением.

Катрин вела себя во время визита сдержанно и строго, но все равно все мои сотрудники, а особенно моя лучшая в мире ассистент Стефани, понимали: мы — любовники и недавно выбрались из грешной постели.

Офисные сотрудники после ее визита, похожего на смотрины, потом всяко перетерли наши косточки. Катрин была найдена «похожей на Карлу Бруни», но все-таки «мадам лучше» (то есть жена моя казалась им более красивой).

А «он» (то есть я) «ради нее из семьи не уйдет». Интригой для персонала, впрочем, оставалось, что именно со мной сделает «мадам» (Ирина), как она поступит, когда узнает, и как это все теперь будет.

Катрин расспрашивала о моих планах и настаивала на нашем деловом партнерстве. Я рассказывал ей и показывал проекты

реконструкции здания, а также иные свои деловые прикидки. Я, оказывается, неисправим: даже после всех пережитых кошмаров все равно не переставал активно действовать и предпринимать при первой же возможности.

Она рассказывала мне про свою мать, которая якобы долгое время проработала на высоких постах в Минфине, и парижская биржа для нее, по легенде, просто дом родной. Мать в свою очередь наследовала якобы дедушке — тоже продвинутому финансисту.

Катрин намекала и несколько раз будто случайно обмолвилась, что ее отчим был генералом РЖ, то есть внутренней разведки. Он уже вышел в отставку, но сохранял свое влияние и связи. Отец моей любовницы — аристократ и очень богатый человек, с матерью папа развелся, когда Катрин была еще малышкой. Живет он в районе Тулона, в своем поместье.

Катрин не так давно была замужем и всего пару лет назад начала бракоразводный процесс. Ее бывший муж — очень известный человек, врач и предприниматель, владелец медицинской клиники, а также другой недвижимости в центре Парижа, он тоже весьма богат.

Эту часть биографии, про мужа, было легко проверить. Так оно и есть: ее бывший муж оказался реальным лицом с реальным бэкграундом.

Насколько я могу судить, сопоставляя какие-то отрывочные сведения и связывая оговорки, месье Виржинго, имея высокие доходы, все время попадал в переделки с деньгами. Он считал себя богатым человеком и, очевидно, отказывался осознавать, что французские налоговики отбирают почти всё и у налогоплательщика остается совсем мало денег, независимо от того, сколько он заработал.

Больше получишь — больше и отдашь. Зарабатывал-то он очень много и потому тратил больше, чем на самом деле был вправе, и никак не укладывался в бюджет.

Я даже рискну предположить, что Катрин и завербовали именно на этом: не имея возможности рассчитаться с налоговиками, ее муж неаккуратно обошелся с большой суммой денег, и по этому делу «прихватили» не его, а ее. А может быть, и обоих сразу.

Выйти из весьма неприятной ситуации с необеспеченными чеками Катрин, по ее словам, пришлось через согласие» с налоговиками и, по всей видимости, полицейскими-оборотнями. Они не пропустили красавицу мимо своих лап и сделали из нее то, что сделали.

Как говорила Катрин, «там, у этих тварей, нет ручек на

дверях». И она, насколько я могу судить, ненавидела своего муженька за то, что ей пришлось вот так отдуваться за него.

Хотя весьма возможно, что эти жалостливые рассказы-полунамеки про тяжелый опыт с налоговиками лишь очередной стандартный трюк. А сама она была завербована еще с младых лет, по семейным стопам.

«Конторские» не умеют вести переговоры и не любят этого. Поэтому они предпочитают не переговариваться, а просто делают клиенту предложение, от которого нельзя отказаться.

С моей точки зрения, эта негибкость, косность, неспособность к диалогу — одна из главных проблем французской ДСРИ.

К этому следует добавить и жлобство: французская спецслужба платит агентам только в исключительных случаях, крайне неохотно и мало. Весьма увесистые бюджеты, которые им выделяет казна, они предпочитают спускать на себя, на свою красивую жизнь, насколько я могу судить из своего опыта.

Забегая вперед, уместно рассказать, что в 2013 году новый министр внутренних дел Эммануил Вальс инициировал служебную проверку, и эта ревизия подтвердила подозрения против бывшего министра, месье Геана. Клод Геан выписывал себе «премии» из средств, выделенных на оплату информаторов и сексотов.

Доходы, полученные таким своеобразным путем, не декларировались в фискальных органах. Об этом широко писала французская пресса после смены власти в стране. Так что можно себе представить, что творилось на более низких ступенях иерархии.

Очевидно, в отношении меня у французской «конторы» после удачного «гендерного внедрения» открылись новые перспективы. Во-первых, «черти» добыли материал, позволяющий шантажировать меня (с их точки зрения) супружеской изменой.

Хотя сама по себе супружеская измена — это мелковато для вербовки такого тертого перца, каким я уже стал к тому времени во Франции. Скорее этот материал им был нужен, чтобы оторвать от меня жену и начать с ней эффективно беседовать «по душам».

Они рассчитывали, что причиненная Ирине боль может вызвать у нее острое желание мне отомстить. А месть, в свою очередь, — есть один из четырех главных мотивов, по которым человек идет на сотрудничество со спецслужбами.

«Сдать заначки» неверного, похотливого мужа и рассказать о его болевых точках — это первое дело для обманутой жены, в случае если мадам вывести из себя и правильно ей подать ядовитое блюдо.

Во-вторых, установились особые, доверительные отношения

между мной и Катрин, офицером секретной полиции. Теперь она могла влиять на мои решения и была способна вести меня за хобот прямиком в западню.

В-третьих, в теории, как и любой мужчина среднего возраста, я должен был распустить павлиний хвост и похвастаться своей «крутизной» перед новой самкой.

Поскольку хвастаться мне особо нечем, то, стало быть, я начну ей рассказывать о своей тайной жизни. А ей было бы очень интересно послушать.

Словом, все получилось как нельзя лучше, так что они от радости не знали, с чего и начать. Потому, видимо, решили совместить все разом.

Катрин вернулась в Нормандию, но мы постоянно созванивались с ней, и буквально через пару недель она сказала мне, что мы едем в Дубай.

Порочные связи

Прекрасно помню этот октябрьский день. Я как раз помогал садовникам привести в порядок территорию в преддверии зимы. Проще говоря, я сметал опавшие листья в большие кучи.

И тут забрякал айфон в моем кармане. Я с трудом успел сбросить с руки грубую кожаную рабочую перчатку и ответить на звонок.

Дубай?

Честно говоря, особого желания лететь за тридевять земель у меня не было. Зачем? Это далеко, и опять будут расходы. Причем там придется провести несколько дней. И ради чего? Просто так, чтобы похоть свою потешить?

Это выглядело бы нечестно и непорядочно по отношению к жене.

Не знаю… Я как-то умудрялся чувствовать в этой деликатной ситуации, что можно, а что нельзя. Увеселительные поездки в Дубай, например, — нельзя. Это уже перебор и слишком оскорбительно для моей семьи. Может быть, эти комплексы кажутся читателю смешными и нелепыми, но я говорю правду, как она есть, и не пытаюсь выставить себя в качестве идеального героя.

Однако Катрин объяснила мне: в Эмиратах живет ее клиент, француз. Его зовут Филипп Губе, он очень крупный финансист.

У Филиппа небольшие (очень большие) проблемы с французским фиском, и потому он не может прилететь во Францию. Катрин как раз помогает ему «поднять» на сделке (серии крупных финансовых спекуляций) около 40 миллионов евро.

Сделка близится к завершению, и она, Катрин, рассчитывает, что в этот подходящий момент самое время договориться с Филиппом, чтобы он профинансировал мой фильм.

Она была полна энтузиазма, говорила, что это самый настоящий шанс и я стану кусать локти, если не поеду. Чем мы рискуем? Билетами и отелем?

Ну, я согласился.

Билеты, понятно, купил я (вернее, моя ассистентка), отель мы тоже оплатили из нашего семейного бюджета. Поэтому в знак солидарности со своей семьей, чувствуя себя виноватым, я решил, что мы полетим в Дубай экономическим классом.

Я сказал Катрин, что с деньгами туго — полетим экономом. Она ответила красиво: «С милым рай и в шалаше».

Еще она сказала, как бы извиняясь, что не может светить во

Франции свои миллионы. Мол, выедем за границу и там уж развернемся. Я опять почувствовал себя неловко: никогда еще не делил постель и стол с женщиной, которая богаче меня.

Поскольку я слепо верил, что Катрин вращается в кругу финансовых воротил и зарабатывает огромные деньги в качестве комиссионных, то считал ее не «своей блондинкой», а самостоятельной, успешной и очень богатой бизнесвумен.

Хотя, понятно, по всем счетам и всегда платил я.

Наши отношения я выстраивал как диалог равных людей разных культур. Мы с ней не семья, но хорошие друзья и союзники.

Вообще, что мне реально понравилось в отношениях с французским агентом, так это то, что она никогда не капризничала и не обижалась. Я мог высказать при ней любую мысль, сомнение или сделать неприятное для нее умозаключение, Катрин никогда не дулась, а тема спокойно нами обсуждалась.

Знакомые, вероятно, подтвердят, что у меня, как и у Бенвенуто Челлини в свое время, есть одна слабость: я коверкаю и не запоминаю чужие имена. Я не смог посмотреть в Интернете, кто таков этот самый Филипп Губэ и к кому мы, собственно, едем, потому что просто не помнил его имени, хотя Катрин настойчиво и несколько раз произнесла его.

Я просто уловил в нашем разговоре, что мы едем к какому-то Филиппу Г. Что он очень богат и выглядит толстым парнем. А кто он такой, мне было неведомо до самой встречи.

Надо сказать, что если бы я все-таки дал себе труд набрать это имя в поисковике «Гугл», то меня ожидал бы великий сюрприз.

Филипп Губе, он же Джеймс Эдвардс, он же Филипп Мерер, — известный международный аферист, находящийся в розыске Интерпола из-за своих делишек в Швейцарии, Франции, Испании и США. Ему инкриминируются в разных странах аферы на сотни миллионов долларов.

Очевидно, Катрин рассчитывала, что в Дубае мой язык развяжется и мы, два мошенника, которых она познакомит между собой, найдем общие темы: уж теперь-то я не стану стесняться и наконец расколюсь.

Заодно, возможно, мы потусуемся вдалеке от Франции и с моими дубайскими знакомыми, у которых, вероятно, темное прошлое и сомнительное настоящее. Дубай в этом смысле — самое то местечко, и у каждого человека с деньгами там найдется пара-тройка непубличных корешей.

Мы прилетели в пекло ночью.

Перелет был довольно тяжелым. Катрин со своими длинными ногами никак не вписывалась в пространство между сиденьями, а соседи и просто проходящие в туалет пассажиры все время норовили потусоваться рядом и пробовали с ней заговорить.

Не таращился на нее только мой сосед — молодящийся пожилой вьетнамец. Зато он начал трогать за коленку меня и приятно улыбаться. Кошмар какой-то!

Я был начеку весь полет, никак не мог вздремнуть, и мне это все очень не нравилось.

Южный аэродром встретил нас липкой и влажной жарой. Стекла автобуса напрочь запотели, но запотели снаружи — изнутри автобуса надрывался кондиционер, и было даже холодно. Лайнер припарковался на какой-то дальней стоянке, и после тяжелого перелета автобус пилил до здания еще как минимум полчаса.

Потом в огромном аэропорту мне пришлось отстоять очередь для получения визы. Во всей длинной очереди я оказался единственным белым человеком. Я путешествовал с русским паспортом, а Катрин, француженке, виза была не нужна.

Кстати, мы никогда не разговаривали с ней о том, сколько ей лет. Но я заметил — дата рождения в паспорте у нее указана неверно. Она минимум на пять лет старше своего возраста по документам. Благодаря опыту из круга своих знакомых, многие из которых работают в области пластической хирургии, я точно могу сказать, что ей было уже за сорок. А по паспорту всего лишь тридцать шесть.

Наблюдая издали, как я переминаюсь в очереди среди азиатского и южного люда, Катрин, видимо, впервые осознала, насколько тяжела жизнь русского путешественника.

Но это еще что! Вот в девяностые годы, когда единой шенгенской визы еще не существовало, мне пришлось для сопровождения груза из Праги в Маастрихт получить визы трех государств. При этом в немецком посольстве сотрудница, очевидно, назло, потому что я не понравился ей, оформила мне визу всего на один день.

Не передать словами, сколько русских нервов сожжено в этих самых «консульствах» из-за виз, особенно в приснопамятные девяностые годы.

После паспортного контроля и получения багажа мы с «шери» еще долго ждали в очереди на такси. Лимузинов не было, по крайней мере, я не смог их найти. Шаттл отеля тоже отсутствовал, хотя наш отель и назывался «Хайат Редженси

Дубай».

Я как-то привык, что в аэропорту всегда дежурят шаттлы дорогих отелей, и рассчитывал на удобный трансферт. Но, к сожалению, оказалось, что в Дубае эту услугу надо отдельно заказывать, к тому же заранее.

Короче, неуютно, долго, нудно, но все-таки мы в конце концов добрались до отеля и завалились спать.

Катрин, правда, все равно, несмотря на усталость, распаковала свой чемодан и разложила его содержимое по полкам. Я обратил внимание на обилие платьев для коктейлей в ее багаже. Особенно она гордилась и, как ребенок, хвасталась длинным черным от Валентино, с какой-то блестящей висюлькой.

Я почувствовал, что платье у нее недавно, может быть впервые. Она восхищалась им, играя и вертясь перед зеркалом. Но в то же время наметанному глазу было видно, что оно не новое. Странно…

Вообще-то, глядя на ее гардероб, опытному человеку, привыкшему к путешествию с женщинами, у которых хорошие наборы шмотья, становится ясно: тут что-то не так.

Уже потом, после того, как Катрин раскрылась передо мной в качестве офицера контрразведки, когда я увидел ее в ладном кителе с погонами и наградами на высокой груди, я сообразил: ее наряды, обувь, сумки, аксессуары большей частью взяты напрокат.

Возможно, у «конторы» есть какой-то свой загашник, а может быть, они решают эту проблему каким-нибудь аутсорсингом. Я не знаю. Но дорогие шмотки секретным агентам не принадлежат.

Ну, тогда я об этом не очень-то и думал.

Номер у нас был двухкомнатный — довольно просторная спальня и холл, — метров семьдесят, наверное.

Катрин наотрез отказывалась спускаться в отеле на завтрак. Поэтому мы всегда заказывали еду в номер.

С Филиппом Губэ она встретилась уже на следующий день. По легенде, они якобы должны были с ним подписать некие важные бумаги. Плюс Катрин привезла ему какой-то особый банковский чек, на сумму то ли тридцать, то ли сорок миллионов евро.

Этот самый чек она в открытом конверте передавала мне дважды, под предлогом, чтобы я убрал его в сейф, который находится у нас в номере. Ожидалось, видимо, что по дороге я рассмотрю его из любопытства. Но мне, честно говоря, было все равно. Меня чужие миллионы не касались, и я даже не открывал конверт.

В конце концов этот чек Катрин привезла обратно во

Францию. Очевидно, что-то якобы не срослось с Филиппом. Хотя вроде бы они оба были довольны своими делами.

Вернувшись вместе во Францию, мы проходили пограничный контроль в Ницце, в терминале 1. Женщина-таможенник обратила внимание на эффектную мадам, поэтому досмотрела ее и мой багаж. Но страж границы не стала открывать маленькую сумку Катрин, в которой находился чек.

Я искренне считал, что перемещение чека через границы не регулируется никакими правилами или законами. Это ведь бумажка, и непосредственно оплата деньгами осуществляется инде.

Однако, благополучно пройдя таможню, Катрин сказала мне, что чек — это «средство платежа» (titre du paiement) и что его нельзя возить вот так запросто. Агент Виржинго, оказывается, во время досмотра реально напряглась: видимо, не хотела осложнений.

Я, со своей стороны, теперь совершенно уверен, что все эти «чеки», «контракты» и бла-бла-бла были фейком, обманом, фальшивкой.

Но фейком на самом деле очень качественным, таким, что, если я вдруг решу проверить его подлинность (например, сделаю фотку чека айфоном и попрошу друзей проверить), проверка покажет: бумаги подлинные.

Но вернемся в Дубай.

На следующий день мы встретились с Филиппом уже все вместе. Встреча проходила в японском ресторане, прямо в нашем отеле, на первом этаже. Филипп пришел со своим взрослым сыном. Катрин надела красивое, простое платье, которое ей было очень к лицу, и туфли на высоких каблуках. Обычно мы одевались гораздо проще.

Филипп оказался сговорчивым симпатичным малым с большим чувством юмора. Невозможно было представить, что этот респектабельный господин находится в розыске ФБР США, Интерпола и полицейских служб еще нескольких стран. Я все-таки нагуглил про Филиппа после нашей встречи под настойчивым давлением Катрин.

Во время делового ланча мы весело и продуктивно поболтали. Филипп сказал, что денег даст, но не четыре миллиона евро и не двенадцать миллионов, а только пятнадцать, и не копейкой меньше. Ссуда будет под одну целую и восемь десятых процента годовых на пять лет. Кредит можно будет потом пролонгировать. Меньше пятнадцати миллионов бедняжка дать не мог — это минимальный транш, по его словам.

«Сынок» международного жулика внешне вовсе не походил на

«папу». Хотя парень мне понравился. Он сказал, что ему двадцать три, но я бы дал ему двадцать шесть — двадцать семь, и никак не меньше. Особенно удивляли меня его весьма зрелый ум и жизненная опытность, сквозившая в каждом жесте или реплике. Теперь, после развязки этого квеста, я не исключаю, что молодой человек тоже служил в полиции и на самом деле просто сопровождал подследственного, чтобы «мистер Эдвардс» не сбежал ненароком.

Я почти ничего не ел, боялся сказать что-нибудь невпопад и сорвать сделку. Вроде отлично наклюнулось, и было бы глупо упустить свой шанс из-за неверного слова… Сейчас мы, конечно, понимаем, как наивно я себя вел. Участники спектакля, наверное, от души посмеялись надо мной потом. Но зато искренне.

Когда Филипп и его спутник наконец ушли, мы перешли в другой бар и еще посидели в лобби. Катрин заказала себе свой любимый «Дом Периньон» а я осушил солидный стакан «Кровавой Мэри». Коктейль мне не понравился. Ни вкус водки в нем, ни помидоры; да и вообще, интуиция подсказывала мне, что ничего из затеи с Филиппом не получится. Не знаю почему, но было такое чувство.

Катрин, наоборот, ожидала от меня фонтана эмоций и всплесков радости. Я в угоду ей попробовал побулькать, но вскоре перестал.

Кто охотник и кто теперь дичь?

О чем мы говорили с ней? И в этот раз, и вообще, когда выпадал случай поболтать, я рассказывал ей о России, о забавных эпизодах из своей жизни, пересказывал свой новый сценарий. (Я как раз написал фабулу истории о растаманах.)

Катрин действительно было интересно — она много смеялась, сопереживала: повествование ее захватывало. Вообще, она была бы открытым, замечательным человеком, если судьба повернулась бы иначе.

Однажды ночью возле бассейна она вдруг сказала мне странную фразу, искренне и растерянно:

— Русские девки врут, дуры.

— О чем врут?

— Ну, они говорят, что русские мужчины грубые и думают только о себе.

— ? А где ты их нашла, этих девок?

Катрин осеклась и стала путано объяснять, что пересекалась с коллегами из мира финансов.

«Из мира финансов»? Ну-ну. Хотя… Как сказал наш замечательный поэт Петр Павлович Ершов: «Чуден, молвил, белый свет, уж каких чудес в нем нет».[11] Словом, всякое бывает.

Я намотал на ус эту информацию, но тему решил не развивать. Потом, уже увидев Катрин в форме офицера полиции, я понял: ее инструктировали, отправляя в мою постель, ей рассказывали о русских «эротических ужасах». Готовили, так сказать, к худшему.

Сейчас, когда я написал эти строки, мне стало любопытно, что же именно ей наврали? Жаль, что мы уже никогда не сможем это выяснить.

Катрин временами болтала без умолку. Рассказывала о своем «русском партнере» и его «украинском шофере», например.

Тут следует пояснить.

Французские полицейские работают в паре. Контрразведчики не исключение. Один из них всегда остается на связи, хотя держится в тени.

В нашем случае ее напарником был русскоязычный мужчина, способный понимать не просто русскую речь или жаргон, но и так называемый на их профессиональном жаргоне контекст, то есть намеки, отсылки к художественным произведениям, анекдотам, историческим фактам и тому подобное.

Напарник Катрин, видимо, был парнем, склонным к клоунаде, любимцем «конторской» публики, и она часто

возвращалась к забавным историям о нем.

Ну, то есть она, конечно, не говорила мне: «У меня есть напарник-флик (то есть коп, легавый, полицейский), он сидит в засаде, слушает и пишет все, что ты говоришь. Анализирует это, расшифровывает смыслы, понимает контекст и придумывает дальнейшие шаги нашего веселого квеста с целью завербовать тебя или арестовать».

Вместо этого она говорила: «У меня есть старый друг, он русский, мы с ним уже много дел провернули вместе. Он тоже работает в «высоких финансах». Его зовут Андрей Никитин. Он недавно заработал несколько миллионов евро на сделке с Газпромом».

Я уж не говорю, что на самом деле Катрин рассказывала мне, что он заработал сто пятьдесят миллионов. Не говорю, потому что прозорливые читатели сразу спросят: «Стопиисятмиллионов? И как ты такой дуре поверил?»

Я не поверил, просто подумал, что она привирает. Она-то искренне старалась, называла мне большие суммы, потому что:

а) у нее был опыт общения с миллиардерами, и

б) потому что меня они считали каким-то глубоко законспирированным воротилой.

Видимо, начальники сориентировали Катрин на то, что я хитрая, осторожная, но важная птица и ворочаю миллиардами, то ли своими, то ли чужими.

Поэтому они все время оперировали какими-то гигантскими суммами, которые для меня были на самом деле чем-то нереальным, вроде взрывов сверхновых звезд в других галактиках.

Между тем она так часто говорила о своем напарнике, что я стал потихоньку выяснять, кто же он такой, этот Никитин? Под видом легкой ревности я сначала попытался узнать (в несколько приемов и в разные дни) его семейное положение, возраст и физические данные.

Я же не дурак и уже начинал понимать — Катрин имеет отношение к спецслужбам. Но я думал, что она просто стучит в налоговую или в Police Judiciaire на своих клиентов. Это, по идее, не мешает ей реально работать в «больших финансах». По крайней мере, я так себе это объяснил. Кто знает? Может быть, стукачество — это часть их профессии, и по-другому не бывает. Во всяком случае, не мне устанавливать правила, ведь не я придумал этот мир.

Но, как уже говорилось, я и представить себе не мог, что в этом спектакле являюсь отнюдь не зрителем с галерки, а главным героем. У меня просто не хватало для подобного

предположения чувства собственной значимости.

Оказалось, что у Никитина, «как минимум, шесть любовниц одновременно» и «он имеет дело исключительно с девочками до двадцати лет». Что Катрин и Андрей «не любовники и никогда ими не были».

Потом она иногда путалась: то «у Никитина взрослые дети, которые уже не живут на его попечении», а то у него «нет детей» (что странно).

Ну, эту чушь про шесть девочек и латентную педофилию я пропустил мимо ушей, а вот насчет «не были любовниками» и «нет семьи» я для себя отметил.

Проанализировав эту и другую информацию о нем (например, о посещении им злачных парижских мест и его любви к определенным маркам автомобилей), я сделал вывод что Никитин, скорее всего, гомосексуалист. Тем более Катрин рассказывала, как именно этот пижон любит кутить (на респектабельного миллионера он никак не тянул). В итоге я окончательно укрепился в уверенности, что Никитин, скорее всего, педераст с замашками тамады и клоуна в большой компании.

Еще она рассказывала, что однажды Андрей пел песни, отобрав микрофон у солиста какой-то вокально-инструментальной группы на банковском корпоративе. Пел про Катрин, разумеется. Ей это было приятно, и она об этом рассказала.

Природу их корпоратива я потом тоже аккуратно выяснил — там, как оказалось, присутствовали полицейские, причем довольно высокопоставленные шишки, а Никитин, шалунишка, хохмил, шутил, ломал комедию и, обнажившись по пояс, показывал свои мускулы «самому господину капитану».

Я отметил ее ненормальный для блондинки из мира «высоких финансов» пиетет к воинскому званию и спросил: «Выходит, Никитин худ, раз это было смешно?» — имея в виду клоунскую демонстрацию голого торса и мускулов.

Катрин осеклась, замешкалась, затем сказала: «Да нет, он нормального телосложения, возможно, даже толстоват» — и искоса посмотрела на меня.

Я понял — она зачем-то врет, он худощав. Ну что за странный корпоратив полицейских, голубоглазых красавиц из советов директоров и банкиров и педерастов? А?

Никаких Андреев Никитиных ни в Газпромбанке, ни около, ни в брокерах, нигде я, разумеется, не нашел. Как и ожидалось. Конечно, называться Андреем Никитиным в России — это все равно, что никак не называться. Установить с помощью Сети

присутствие подобного человека или его отсутствие в природе очень сложно.

Поэтому я продолжал наблюдать и слушать, чтобы засечь еще какую-нибудь полезную информацию о нем.

В другое время и в другом месте она, говоря об административном маразме, поглотившем Францию, поведала мне одну историю (якобы рассказанную ей знакомым полицейским) о том, как одного агента французских спецслужб прихватили в США и он, бедолага, сидел в тюрьме, пока его не вытащили. А вытащили поздно, не сразу, потому что французские начальники его там просто забыли. Сменился, мол, в департаменте полиции ответственный, и этого агента на время просто потеряли из виду.

Потом однажды она обронила, что Андрей на самом деле, когда приезжает во Францию, постоянно попадает в переделки из-за своих кутежей, «но дело свое знает». Никитин — выдающийся «фальшивобумажник» (она сказала «faussaire»). Он, например, отлично умеет подделывать документы.

Ну и скажите на милость, как эти яркие качества, присущие, скорее, какому-нибудь одесситу из полусвета с неполным высшим образованием, вяжутся с миллионными сделками в Газпромбанке? Я посмеялся.

К тому же, как только Катрин рассказала мне про фильм «Фамм Никита» сразу стало понятно, почему, собственно, Андрея зовут «Никитин». Между Кэт и ее «партнером» есть какая-то более крепкая связь, чем просто знакомство.

Собрав все воедино, мы с Ириной потом, когда Катрин уже раскрылась передо мной в погонах и все стало ясно, легко вычислили ее напарника. Вернее, это сделала Ирина.

Получаса интенсивного поиска в Сети для дилетанта оказалось достаточно, чтобы уверенно и точно идентифицировать «суперпрофессионального» секретного агента и его реальное имя. Кстати, потом выяснилось, что личину Андрея Никитина он тоже использовал, проживая одно время в Санкт-Петербурге.

Настоящее его имя — Вадим Буратинко. Он работал российским переводчиком в ООН, за подделку документов был осужден американским судом, но его выпустили из тюрьмы сразу после судебных слушаний.

Буратинко чудесным образом был освобожден из-под ареста — наказание вместо предполагаемых девяти лет ограничилось временем, уже проведенным под стражей во время следствия.

Нашлись и его фотографии, в том числе перед целой батареей профессиональных компьютеров, а также его фотки из

социальных сетей гомосексуалистов. Некоторые снимки я успел сохранить, а остальные вскоре из Сети исчезли. Словом, это он.

Вот именно этого человека я считаю наименее профессиональным из всех, с кем меня столкнула судьба в мире оборотней, а также считаю, что он нанес колоссальный вред и мне, и моей семье, и Франции, и Катрин.

Вместо того чтобы просто сообщить американцам правду: «Олег Насобин — это скромный бизнесмен без всяких темных пятен или историй», он наворотил чудес и наломал дров, находясь в плену своих бредовых фантазий.

Катрин все чаще мне рассказывала и про своего «отчима», «в прошлом большую шишку в RG».

Дедок, как со смехом рассказывала мне моя «шери», до сих пор большой любитель женщин всех возрастов и калибров. Ее мать относится к шалостям мужа с долей юмора, но не преминет при случае в очередной раз прищемить ему гениталии и надавать по шее.

Наличие этого дедка в ее легенде позволяло Кэт постепенно психологически готовить меня к вербовке, а также рассказывать и вовсе уж откровенно «конторские» истории.

Например, о том, как несколько лет назад ее попросили забрать в условленном месте спалившегося американского агента, которого захватили итальянские мафиозо и держали в какой-то дыре — в кладовке на заднем дворе пиццерии. Дескать, ее отчим попросил падчерицу о небольшой услуге: помочь французской «конторе» в деликатном деле.

Американский агент, по ее словам, был уверен, что его и ее (Катрин) обязательно пристрелят по дороге, поэтому находился в абсолютно деморализованном состоянии. Его выкупили, но он все равно не верил, что их отпустят живыми.

Все это Катрин рассказывала мне ради того, чтобы попутно похвастаться, как итальянские мафиозо тонули в ее голубых глазах и, отдавая американца, говорили, что не забудут ее очи. Ну просто какой-то водевиль.

Хотя насчет этого американского парня и операции в целом я склонен ей верить: ее немного потряхивало на нервной почве, когда она рассказывала об этом эпизоде, хотя задача Катрин сводилась, по ее собственным словам, всего лишь к роли шофера.

Благодаря этим рассказам я нащупал слабое место моей «шери». Она горько переживала, что не стала звездой, притом что у нее выдающиеся внешние данные, музыкальные возможности и ум. Поэтому она всегда болезненно реагировала на успех других женщин, и особенно ее задевало, если холодно и подчеркнуто не

признавалась в ней выдающаяся личность.

Это знание ее слабого места пригодилось в ключевой момент, когда она сама надела передо мной свой офицерский китель, только чтобы я не принял ее за банальную проститутку — агента низкого уровня.

Прощупывая меня насчет пристрастия к наркотикам, она рассказывала о своих прошлых знакомых, известных и богатых людях, которые охотно швыркали кокаин и ширялись другой дрянью. Сама Катрин явно не чуралась время от времени и этого грешка.

Но я-то не имел и не хочу иметь опыта с наркотой. Потому эта тема тоже не сработала для «конторы» — опять мимо.

Когда мы созванивались с Катрин по скайпу, она часто говорила, что находится в доме матери и отчима. Потом оказалось, что там же обитает и Андрей (на самом деле Вадим). В этом «доме», как выяснилось позднее, собрался и круглосуточно действовал целый штаб. Теперь, по прошествии нескольких лет, я точно знаю, что жилище и все члены семей бывших и действующих офицеров спецслужб охраняются особым подразделением французской полиции. Тем более если отчим Катрин был генералом внутренней разведки. Ее дом в таком случае на самом деле есть самая настоящая крепость, с невидимыми системами защиты в самых разных областях.

Для примера — система навигации GPS никогда не приведет случайного посетителя по таким адресам. Она будет водить кругами, а потом упрется в какое-нибудь глухое место: кладбище, индустриальные задворки или глухой паркинг.

Оттуда незваных гостей в случае необходимости и их подозрительности примет «случайный» полицейский патруль.

Чтобы вызвать скорую или пожарных в экстренных случаях по защищенному адресу, требуется сообщить особый четырехзначный код. Но в целом и пожарные и скорая знают, куда прибыть.

По сигналу тревоги профессиональная группа захвата прибывает на место через считаные секунды. Не дольше полутора минут, во всяком случае.

Еще раз повторюсь: если бы я чуял за собой какую-нибудь вину или просто воспринимал себя как некую важную птицу, за которой уместно устроить слежку, давно расколол бы всю эту «компанию». Но я просто-напросто не видел никакого мотива, и потому подобные предположения даже не приходили мне на ум.

Эти «профессионалы» оставались в безопасности и в тени только потому, что я думал: «Ну да… Гнездо какое-то. Но мне-то

какое до этого дело? Мое дело сторона. Может быть, у них во Франции в мире больших денег так принято?»

Разумеется, в Дубае моя «шери» «поработала» и с моим компьютером, и с айфоном. Они превратились в передатчики и в безотказных помощников для внимательных ушей спецслужб.

После встречи с Филиппом в Эмиратах нам больше делать было нечего, и мы вскоре вернулись во Францию.

Есть, правда, еще один вопрос, на который у меня до сих пор нет однозначного ответа. А именно: использовали ли спецслужбы какие-то препараты, чтобы развязать мне язык, или нет? Я не знаю. Но сразу же по приезде на Юг Франции я обнаружил на своем теле серьезный отек и вынужден был обратиться за медицинской помощью в клинику «Эсперанс» в Мужане (недалеко от Канн). В конце концов там мне была сделана операция под общим наркозом для удаления этого отека.

Никогда ранее ничего подобного с моим организмом не случалось. Однако однозначного ответа у меня, как я уже сказал, нет. Возможно, произошло совпадение, или это была Божья кара мне за постельные утехи.

Тебе нравится моя шерсть?

Отношения мои с женой хоть и стали немного другими, но все равно оставались не просто хорошими, а напоминали теперь самую острую фазу влюбленности. Во всех смыслах. Нервы наши были обнажены, и у нас с ней бурлил самый настоящий роман.

В остальном Дом оставался для меня Домом. В отношения с Катрин я вступал, будто выходя в скафандре во внешнюю среду.

С другой стороны, нельзя сказать, что отношения с любовницей тяготили меня, скорее, я ожидал или их развития в виде конкретных жизненно важных для нас обоих проектов, или неизбежного умирания взаимных чувств в связи с отсутствием общих интересов.

Как раз вскоре, 7 ноября, я собирался по делам в Париж из Ниццы, и, конечно, мы договорились с Катрин, что она встретит меня. Но накануне моя «шери», очевидно, получила другой приказ и резко попыталась перевести наши отношения обратно в сугубо деловое русло. То ли ее начальнички, то ли сам Буратинко наконец осознали: их план не работает.

Про измену я все рассказал жене сам, и шантажировать нас связью с другой женщиной оказалось бессмысленно.

Катрин, узнав, что Ирина решила не препятствовать нашим отношениям, долгое время мне не верила. Она полагала, что первая, такая неожиданная реакция на мою измену пройдет, а потом Ирина все равно неизбежно не сможет мне доверять, и вот тогда семья развалится сама собой.

Об этом моя «шери» говорила мне открыто и неоднократно, но я твердо отвечал, что не уйду от жены в любом случае и не брошу своих дочерей ни при каких обстоятельствах, пока я жив и в своем уме.

«Катрин, ты просто не понимаешь — мы с женой не просто супруги и родители наших детей. Мы, можно сказать, боевые друзья. Партнеры, связанные узами от Бога. Наши отношения невозможно измерить обычным аршином».

Я напомнил Катрин, что не ухаживал за ней, не выпрашивал и не добивался ее ласк. Она сама решила для себя, чего хочет, и знала, что у меня семья и предавать дорогих мне людей я не стану. С другой стороны, я считаю, что, если моей энергии хватает на двоих, кому от этого плохо, ведь никто не унижен и все ведут себя достойно.

Катрин таращила на меня свои глазищи, но не верила.

Между тем план оборотней не давал результатов, потому что Катрин не удалось добыть никакой интересной информации,

кроме ерунды, вроде моих творческих планов на следующий киносценарий.

Осознав, наконец, очевидное и почувствовав, что они находятся в тупике, оборотни опять сменили тактику. Катрин вдруг стала холодна со мной.

«Ну что ж, — подумал я, — все когда-нибудь кончается. Видимо, она нашла себе любовника. Ну и ладно».

Накануне моей поездки «шери» вдруг написала мне, что не сможет приехать в аэропорт и вообще в Париж из Нормандии, потому что у ее служебного автомобиля сломался катализатор. Ну, я улыбнулся и, как мне показалось, все понял.

Я высмеял предлог, которым воспользовалась Катрин, чтобы прервать нашу связь, и пожелал ей всего самого лучшего. Искренне, кстати, пожелал. Я до сих пор жалею эту женщину и испытываю к ней острое сострадание.

Однако, как оказалось, я понял все неправильно. Она вовсе не собиралась уходить от меня.

Катрин позвонила и попросила войти в скайп.

Она, конечно, знала, что я нахожусь дома, ведь уже в течение нескольких месяцев мой айфон исправно информировал ее обо всем, что я делаю и говорю.

Я тут же открыл свой ноутбук и связался с ней. Мы поговорили, но без картинки, то есть без видеосвязи.

Катрин суховато и напряженно сообщила мне, что у нее для меня неприятная новость. При этом она просила, чтобы я «не нервничал и не переживал, ведь всякое случается, и проблему можно решить».

После такой «подготовки» я действительно встревожился: «Что случилось?»

— Помнишь, ты просил меня разузнать насчет банков? Помнишь? Та твоя проблема насчет черного списка, и тебе не дают кредитов?

— Ну да. Ты ничего не сделала с этим.

— Не сделала, потому что проблема не в банках. Я попросила Андрея разузнать все у банкиров, ты ведь знаешь, у него очень много денег, и банкиры ему стелют красные дорожки, куда бы он ни пришел. А еще у него очень хорошие связи. Вот что он узнал: твое досье блокировано на очень высоком уровне, оно блокировано полицией.

— Полицией? Да ну, это, наверное, устаревшая инфа. Ты же помнишь, нас в 2008 году арестовывали по доносу. Помнишь? Нас допрашивала бригада из Парижа, Police Judiciaire. Но все закончилось хорошо, они обещали все зачистить в банках.

— Не закончилось! Это продолжается!

— Кэт, говорю тебе — уже два с половиной года прошло, как это «не закончилось»?! Но я же не арестован и не под следствием. Включи ум-то!

— Нет, не закончилось, послушай меня. Я точно знаю.

— Катрин, хорош заниматься ерундой. Я уже в 2008 году после ареста получал небольшие кредиты без всяких проблем.

— Ты под слежкой! За тобой следит не Police Judiciaire!

— Да ладно! А кто? Мафия? Инопланетяне?

— ДСРИ!

— Чего?

— ДСРИ!

— Я не пойму никак, кто? Напиши мне месседж.

— Сейчас, но я его сразу сотру.

Она прислала мне четыре буквы: «DSRI» — и тут же стерла их.

Вообще-то название «конторы» пишется вот так: «DCRI», но она намеренно заменила одну букву. Агенты частенько так делают, наверное, чтобы не попасть сразу под ухо «большого брата», а может быть, опасаются своих коллег, немедленно реагирующих на ключевое слово.

— Вторая буква пишется не так, а как «Сити», понял?

— Нет.

И тут я услышал в наушниках высокий голос нервно вскрикнувшего мужчины:

— Il est con ou qoi?[12]

У меня в мозгу тут же включился сигнал тревоги, и я стал соображать стремительно, в экстренном режиме:

— Кто это был, Катрин?

— Где?

Она тоже явно нервничала.

— Я слышал сейчас мужской голос. Кто находится рядом с тобой?

— Никого здесь нет.

— Не ври. Кто рядом с тобой? Я слышал своими ушами. Он назвал меня коном…[13]

Я реально разозлился и готов был на этом закончить разговор и отношения вообще.

Видимо, она почувствовала это и неохотно уступила моему напору.

— Это был Андрей? Никитин?

— Да.

— Дай ему микрофон.

— Его здесь нет. Я выгнала его из комнаты.

— Скажи ему, что я не кон. Поняла?

— Ладно, скажу. Но ты понял, что я тебе сказала?

— Нет, не понял. Это всё твои фантазии. Я не знаю, что такое ДСРИ. Ты просто стебешься надо мной.

— Нагугли! Я тебе потом перезвоню!

— Ладно, потом. А сейчас я хочу переговорить с твоим Никитиным.

— Перестань. Ревнуешь, что ли? Он не мой. Это всего лишь партнер, я тебе говорила, у нас нет ничего, кроме бизнеса. Мой мужчина — это ты, но я не могу создать с тобой семью. Ты женат.

— Это мы уже обсуждали.

— Да, я перезвоню тебе, будь умницей, проверь на «Гугле»…

Я набрал четыре буквы в поисковой системе и вскоре оторопело узнал много нового для себя.

Оказывается, еще в августе 2008 года по инициативе Николя Саркози, президента Франции, две вечно конкурировавшие между собой французские спецслужбы ДСТ (Direction de la Surveillance du Territoire — контрразведка) и РЖ (Services des Renseignements Generaux — внутренняя разведка) были объединены в одну секретную суперструктуру, которую французы и назвали Direction centrale du Renseignement Intérieur — ДСРИ.

То есть ДСРИ — это тайная полиция и контрразведка в одном флаконе.

Французам свойственно приукрашивать все таинственное и «государственное», так что в общественном мнении эта секретная организация наделялась какими-то мифическими и демоническими свойствами и возможностями.

На самом деле на ее счету на сегодняшний день столько же политических скандалов, сколько и общественно резонансных дел. А проколов, пожалуй, количественно больше, чем известных успехов.

Ну, в любом случае я совершенно не видел причин для этой «конторы» интересоваться мной. Разве что по ошибке.

Хотя, вспоминая все странности поведения Катрин, я был склонен поверить в то, что она каким-то неясным образом, но тесно связана со спецслужбами.

В последующих переговорах по скайпу, СМС и различным телефонам Катрин сообщила мне всю актуальную легенду:

• никакой ошибки нет. В «конторе» дураков не держат;

• мной занимается очень крутое подразделение, уровень «максимально высокий»;

• мое досье находится в фазе активной разработки, как они говорят — «досье сенсибль».

Я только и твердил в ответ, что это какая-то ерунда, ошибка или розыгрыш. По какой причине понадобилось ДСРИ заниматься мной?

Катрин раздраженно повторяла, что, поскольку за мной следят уже давно, она сможет помочь мне, только если я все срочно и чистосердечно расскажу ей.

В этой связи у меня возникло сразу два вопроса: «Что рассказывать-то?» И второй: «Как она мне поможет?»

«Шери» напомнила мне, что ее родственники, например отчим и другие, весьма высокопоставленные шишки в Системе.

А насчет «что рассказывать?» она просила меня не «включать дурака» и перестать прикидываться. Времени мало, и надо спасаться.

Еще она говорила, что это подразделение не занимается какой-нибудь ерундой вроде десятка-другого миллионов. И раз я у них на крюке, то дело мое крупное и оно безнадежно.

Словом, вот так мы, как говорится, какое-то время толкли воду в ступе.

Бодяга продолжалась несколько дней. Я уже был как в тумане. Не знал, что и думать. Но, во всяком случае, что я мог предпринять? Только ждать, когда у французов пройдет очередной заскок, и надеяться, что нас не отравят, не застрелят и не посадят по ошибке.

Помню, однажды она позвонила мне на мобильный телефон — я как раз ехал в автомобиле, был за рулем. Наши с женой машины оборудованы для телефонных разговоров на ходу, но в этот раз я даже остановился, настолько важен был ее звонок.

Она начала говорить мне, что, поскольку я под слежкой, мою машину не останавливают полицейские. И что я не получаю никаких штрафов за превышение скорости и нарушения других правил движения именно потому, что за мной следят.

Я, по ее словам, теперь могу «осуществлять управление транспортным средством в состоянии опьянения» и меня при этом полицейские не остановят. (Она переходила временами на формулировки из сухих полицейских протоколов. Это звучало и странно, и забавно.)

Такое право «непроверяйки» — теперь моя единственная привилегия (она употребила слово «авантаж»), и, к сожалению, это единственная хорошая новость для меня, как она изволила выразиться.

С целью надавить нам с Ириной на мозг еще сильнее наши машины и впрямь стали сопровождать черные импозантные «ренж-роверы», такие же, как у нее, а их водители демонстративно помахивали нам время от времени рукой.

В социальных сетях на мой аккаунт стали приходить незнакомые люди и писать подслушанные фразы, которые мы с Ириной произносили, беседуя между собой на кухне, в столовой

или спальне.

Очевидно, они усиливали давление, поскольку я никак не шел на ожидаемые Катрин и ее хитроумным партнером действия, а именно не бежал к ним с повинной за помощью, размазывая слезы и сопли. Не совал трясущимися руками в рот себе сигареты.

Время утекало как песок, ждать становилось все сложнее, и потому оборотни предприняли попытку прямой вербовки, несмотря на то, что клиент не созрел и не был к ней готов.

12 ноября 2010 года, около шестнадцати часов местного времени, ко мне в офис во Франции пришел человек по фамилии Дюк, а по имени Франсуа.

Этот человек собирался арендовать у меня большое помещение с целью организовать в нем боулинг, бар и ресторан.

Помещение подходило для этих целей идеально, а я уже за свой счет сделал к тому моменту проект будущего боулинга и даже получил у местных властей разрешение на реконструкцию здания.

Однако меня вполне устраивало, если бы нашелся сторонний человек или компания, которые взялись за осуществление этого проекта и за эксплуатацию комплекса. Меня также вполне устраивал доход в виде арендной платы, без доли в бизнесе.

Франсуа Дюк казался мне именно этим человеком. Мы познакомились с ним несколько лет назад, когда он впервые пришел к нам в поисках подходящих для своих проектов помещений. Но далее пустых разговоров в тот раз дело не пошло.

Франсуа в те времена выглядел как мафиозо с картинки. Он носил толстые золотые цепи на шее, предпочитал сорочки «с отливом» и щеголял наколками. Приходил вместе с подельником. Последний вообще выглядел уморительно — маленький одноглазый бандюган с грустным взглядом единственного ока. Бизнес месье Дюка заключался в содержании всяких ночных клубов, дискотек и прочего подобного добра.

Наш персонал даже перепугался при виде их рож.

Но я сказал своим сотрудникам, что у этих страшных индивидуумов внутри, может быть, находятся добрые сердца. И не стоит судить по внешнему виду, если «на лицо ужасные, добрые внутри» люди нам станут платить вовремя и здороваться при встрече первыми.

Но вот в этот раз, 12 ноября 2010 года, Франсуа был одет гораздо приличнее и вообще производил впечатление вполне цивилизованного человека.

Месье Дюк пришел не один. Он привел с собой своего нового партнера, которым оказался некий Оливье Сикуза, человек примерно шестидесяти лет от роду. Месье Сикуза тоже приехал

на служебном «ренж-ровере», почти таком же, как у Катрин.

При своем партнере Франсуа робел и не знал, куда девать руки.

Оливье Сикуза поздоровался, расселся за столом переговоров, вперился в меня взглядом и начал самый настоящий допрос.

«Контора», видимо, прислала его, чтобы он подтвердил, что угрозы и предупреждения, которые я получаю от Катрин, действительно правдивы.

(Два дня назад, 10 ноября 2010 года, моя любовница показалась мне в форме лейтенанта полиции. Поэтому поведение Сикузы не было совсем уж неожиданным.)

Этот самый Сикуза должен был меня еще пуще напугать и дать мне понять, что за мной следят не зря. Но показывать ксиву (документ, удостоверяющий личность) он не стал.

Вообще, как мне позднее рассказал один хороший друг, если бы он показал мне документы, я был бы обязан тут же бежать в наше российское консульство и писать там объяснительную. Потому что показанная ксива, по его словам, на самом деле неприкрытая попытка вербовки в лоб.

Так что Сикуза, не показывая никаких личных документов, стал демонстрировать мне свою осведомленность о моем досье и подтвердил, что я нахожусь под перманентным наблюдением ДСРИ.

«Досье сенсибль», само собой, звучало как пароль.

Когда я пишу эти строки, понимаю, что все события выглядят со стороны как какая-то ерунда, фарс и странность. Но все, что я описал, — правда до последней запятой. В конце концов, не мое дело давать оценки. Просто вот так это было.

Я прямо спросил Сикузу, является ли он сотрудником контрразведки. Тот ответил, лукаво улыбаясь, что он — бывший сотрудник.

Потом Сикуза приказал Дюку, чтобы он покинул помещение. Это был именно приказ, демонстративно отданный при мне (и моей ассистентке, кстати). Дюк беспрекословно подчинился: он встал и вышел.

Очевидно, он ожидал, что я в свою очередь попрошу выйти Стефани. Но я не стал этого делать.

Далее Сикуза покряхтел, но планов не поменял и стал категорическим тоном расспрашивать меня, как я отношусь к Дюку. По его казенным формулировкам было понятно, что он планирует «прикрепить» Дюка ко мне в качестве куратора.

При этом, напомню, оборотни меня еще даже не завербовали, но уже разговаривали со мной строго. Это было смешно.

А потом Сикуза вдруг сменил тон и заговорил ласково,

повторяя, что если у меня проблемы, то они могут их решить. Я сказал, что проблем у меня нет.

Он, в частности, сказал: «Если вы — мафия, это не страшно, всегда можно найти общий язык; дело профессионалов — находить выход из сложных положений». При этом Сикуза встал, подошел ко мне, направляясь к окну за моей спиной, и похлопал меня по плечу.

Я помолчал, а потом сухо ответил, что если они хотят арендовать помещение, то пусть арендуют. Я не мафия, и меня уже много раз проверяли.

Короче говоря, я не соглашался вербоваться с ходу у этого туповатого, как мне показалось, дедка и не проявлял интереса к продолжению разговора. Беседа в конце концов исчерпала себя, мы допили кофе и расстались.

Я заметил реакцию Стефани и перебросился с ней парой слов. Моя ассистентка была в шоке. Она уже видела «конторских» ранее, когда они приезжали с визитами и для «разговора». Так что само по себе появление «живых шпионов» ее не пугало. Но страсти-мордасти, которые бушевали ныне в нашем некогда мирном офисе, действительно выходили за рамки нормы. Атмосфера в зале для переговоров была густой от напряжения.

Стефани, конечно, все записала по итогам встречи. Моя ассистентка всегда все записывает.

Я тоже, как и она, после визита Дюка и Сикузы был энергетически опустошен, можно сказать — разбалансирован. Поэтому, сев за руль, с большим трудом собрался с мыслями и еле добрался до дому. Ирина сразу же заметила мое болезненное состояние, и я все ей рассказал.

Едва придя в себя и перекусив, мы с женой пошарили в Интернете, и нам очень скоро стало ясно, что и Сикуза, и Дюк действительно по всем признакам похожи на агентов: у Сикузы, якобы руководителя довольно крупной группы компаний, в Сети имелось всего-навсего одно изображение лица. И то не фотография, а плохой рисунок художника, микроскопическая картинка, по которой его практически невозможно было опознать, одна страничка слепого текста, и всё.

Информация о Франсуа Дюке, которая ранее в Сети была (а я прекрасно ее помню), на этот раз просто исчезла. Так не бывает в природе.

Грустно посовещавшись и осознав, что, едва отбившись от рейдеров, попали под колпак каких-то сумасшедших спецслужб, мы с женой решили не делать ничего лишнего, не проявлять никаких инициатив — ведь нам неоткуда было ждать никакой помощи.

У меня к тому моменту почти не осталось сомнений, что те странные люди на самом деле контрразведчики, а не жулики-самозванцы. Однако я имел возможность проверить эту информацию, связавшись с сотрудниками тайной полиции, которых знал лично и у которых в офисе бывал ранее. Но об этом речь пойдет чуть позже.

А пока мы решили: если «контора» захочет арендовать помещение, не станем этому препятствовать. В то же время мы твердо договорились с женой: на вербовку не соглашаться, будь что будет.

Пусть себе арендуют, подслушивают туристов и своих французов на отдыхе, не наше это дело. Но работать на иностранную спецслужбу мы не станем. Я не мог себе даже представить, что стану стучать на своих друзей или знакомых. Это просто не укладывалось в моей голове.

Итак, позднее мы действительно сдали часть здания компании, которую организовали совместно Франсуа и Оливье.

Теперь забегу на пару лет вперед, чтобы закончить эту ветвь повествования.

«Конторская» фирма, принадлежавшая Дюку и Сикузе на паритетных правах, вложила в дело, по моим прикидкам, более полумиллиона евро, а может быть, и тысяч восемьсот. С учетом кредита, конечно. Они установили внутри здания спортивные дорожки, бар, освещение, климат-контроль, санитарный узел. Оборудовали офис в смежных помещениях, покрыли коврами пол, снаружи сделали террасу, обустроили паркинг и прочее и прочее.

На торжественное открытие боулинга оборотни нас не пригласили. Однако доброжелатели мне донесли, что во время праздничного фуршета Оливье принял лишнего и хвастался, что «весит» семь миллионов, что он нереально крут и что все это (имелась в виду вся моя собственность, а не только боулинг) скоро будет принадлежать ему.

Ну, я не очень-то и поверил доносам. Мои соседи не знали, кто такой на самом деле этот Сикуза, и потому считали его жуликом и темным типом. Но я-то знал и потому свято верил, что уж полицейские-то во Франции всяким гоп-стопом (грабежом) заниматься не станут.

Я очень ошибался. Времена меняются, и полиция Франции к 2010 году уже деградировала: в сентябре — октябре 2012 года в Марселе было арестовано в общей сложности 28 полицейских, длительное время занимавшихся торговлей наркотиками, грабежами и воровством в составе организованной банды. Наркота, золото, ювелирные украшения и баблос были в схронах повсюду и даже на рабочем месте. К тому же на совести этой

полицейской банды, насколько я помню, были и убийства.

И хотя в 2010 я еще сохранял какие-то иллюзии, неприятный осадочек все равно остался: этот самый Сикуза еще несколько лет назад бегал в торговых представителях у одной местной торговой организации, а ныне, видите ли, он этой организацией рулит да еще семь миллионов «весит». (Не ахти, конечно, какая сумма, но все-таки странно, что этот тип вдруг разбогател.) Поэтому я был очень внимателен.

Вскоре после описываемых событий, примерно в феврале 2011 года, я переговорил с Франсуа Дюком, обратившись к нему как к агенту ДСРИ и предъявив «конторе» через него претензию.

Я просил и требовал, чтобы они восстановили мою репутацию в банках и урегулировали созданную ими «швейцарскую проблему». Я имею в виду ликвидацию той самой швейцарской фирмы, которую мы открыли по совету и настоянию Жан-Кристофа Париса, очевидно — их агента-неудачника.

Похоже, что Франсуа превысил свои полномочия, пойдя на такие разговоры, и под этим предлогом (или каким-нибудь другим, я не знаю) Сикуза вскоре выкинул его из бизнеса и завладел всей фирмой-боулингом полностью. А месье Дюк перестал всплывать в нашем окружении.

Весной 2012 года Сикуза нагло перестал нам платить арендную плату, рассчитывая, видимо, «погреть свой личный супчик». Он был уверен, что сможет нас сломать полицейскими методами, а мы с Ириной или не сможем, или не решимся отстаивать свои права.

Сикуза жестоко просчитался. К тому времени весь мой страх уже «сорвался в пропасть» и осталась только сухая злость на жулье, разрушившее нашу жизнь и мирные планы. Мы со всем удовольствием врезали «конторской» сволочи. Я не согласился прогнуться под этого самовлюбленного типа и твердо потребовал заплатить должное.

В ответ он, захлебываясь злобой и не владея собой, начал угрожать, в том числе письменно. Он ничего не боялся, ведь закон во Франции действует далеко не для всех. Причем угрозами он не ограничился и стал вымогать деньги. Просто и без всяких обиняков потребовал заплатить ему 30 тысяч евро.

Получив угрозы, я съездил в жандармерию и оставил там два заявления, одно в мае и еще одно в июне (04524/03221/2012). У наших деревенских жандармов повылазили глаза на лоб от моего короткого рассказа. Некоторые из них даже названия такого и то не слышали — ДСРИ.

Но они горделиво сообщили мне, что жандармы не лыком шиты и у них тоже есть секретное подразделение, называется БРИ

(BRI). Так что, как оказалось, «чертей» во Франции с избытком. Со временем мне и вовсе стало казаться, что местное общество делится без остатка на сотрудников спецслужб, стукачей и объекты «наблюдения».

Параллельно мы обратились в суд с просьбой расторгнуть наш договор аренды помещений для боулинга, раз арендатор нам не платит и ведет себя дерзко.

Сикузе расторжение договора было невыгодным, ведь он сразу терял все свои инвестиции в благоустройство боулинга и территории вокруг. Его потери, как я уже говорил, составили бы при расторжении договора аренды около полумиллиона евро, как минимум.

Арбитражный суд по нашему делу состоялся в августе 2012 года, и судья назначил дату, когда мы должны были получить решение: 12 сентября.

А в ночь на 5 сентября 2012 года наше здание сгорело дотла.

Сгорело вместе с имуществом других арендаторов и их компаниями. Зарево огня, охватившего площадь в пять тысяч квадратных метров, полыхало на половину ночного неба, и руины дымились еще трое суток после эпической катастрофы.

Фото после пожара

Сикуза накануне хорошо застраховал свой бизнес и в день пожара выглядел именинником.

Сегодня уже 1 февраля 2013-го, и расследование уголовных

дел по факту угроз, вымогательства и пожара не продвинулось ни на шаг.

Точно так же, как и другое дело — о вымогательстве и угрозах.

В огне сгорело имущество многих людей, без работы осталось несколько десятков человек. Были разрушены судьбы и бизнес рядовых, работящих французов.

Вот так французские спецслужбы, жирея в своих «ренжроверах», заботятся о своих подданных — налогоплательщиках.

Теперь, встречая на обочине дороги группы людей в красивой синей униформе, я ловлю себя на мысли, что мне просто жалко смотреть на полицейских Франции, которые в реально тяжелых условиях несут свою службу, и часто за гроши. Эти бедолаги, подставляющие свою голову под бандитские пули и ворочающие разложившиеся трупы, и представить себе не могут, какую роскошную жизнь ведут их привилегированные коллеги, использующие свое служебное положение для личного обогащения.

Но вернемся теперь к нашему основному повествованию — к глубокой осени 2010 года.

Столкнувшись с целой бандой людей, явно относящих себя к тайной полиции, я решил обратиться за помощью и проверкой фактов к «настоящим» контрразведчикам, которых знал лично.

Я хотел все-таки на сто процентов убедиться, действительно ли эта алчная шайка, снующая вокруг нас, имеет отношение к полиции.

Как я уже говорил, мы познакомились с сотрудниками ДСТ еще в 1998 году. Они приезжали к нам на завод не таясь. А в начале 2000-х они даже как-то раз вызвали меня сами в свой околоток в Тулоне.

ДСТ тайком маскировалось там единым входом и одной приемной с банальным жандармским отделением. В повестке у меня был указан адрес.

Когда я приехал в Тулон и нашел номер дома на правильной улице, оказалось, что это районное жандармское отделение. Я спросил у дежурного, как мне связаться с офицером ДСТ, на что дежурный сделал непонимающее лицо, удивился и скептически посмотрел на меня.

Тогда я извинился, попрощался, повернулся и направился к выходу. И в этот момент человек в штатском окликнул меня, взял за плечо и направил в неприметную дверь. Потом по извилистым коридорам и лестницам меня отвели в помещение без окон. В это самое логово.

С какой целью они меня туда водили, я не знаю. Видимо, хотели напугать. По крайней мере, мне задали пару ничего не значащих вопросов и потом проводили восвояси.

Короче говоря, офицеры еще с тех пор оставили нам свои телефоны, и при необходимости мы могли им позвонить. Я пользовался этой возможностью: связывался с ними пару раз несколько лет назад, когда дело касалось наших документов. Последний раз я звонил им сам в 2008 году, накануне нашего ареста, после того как получил повестку на допрос от Police Judiciaire.

Тогда, в марте 2008 года, я спрашивал, не могли бы «конторские» связаться с Police Judiciaire и сказать им, что я весь как на ладони и мы с женой отнюдь не жулики, а фальшивые доносы на нас — дело обычное.

Знакомый офицер ДСТ (его зовут Марк Б., и говорят, он теперь большая шишка) попросил у меня телефоны полицейских, вызвавших нас повесткой, и с тех пор больше мы с ним не разговаривали.

В ДСТ офицеры никогда не брали трубку сразу. Всегда это делала какая-то женщина с приятным голосом, которая не представлялась.

Я говорил женщине, кто я такой, называя свое имя и фамилию, и просил перезвонить. Офицер потом обязательно перезванивал.

В этот раз, в ноябре 2010 года, я переговорил с телефонисткой, и она, как обычно, обещала, что мне перезвонят. Но никто не позвонил. Ни в первый день, ни на следующий. Это совершенно необычное поведение для Марка Б., но, с другой стороны, и совершенно ясный ответ на мой незаданный ему вопрос.

Таким образом, стало понятно: да, очевидно, мы и вправду имеем дело с ДСРИ. Поэтому Марк не стал перезванивать: он знал, о чем я спрошу, а ничего нового я ему сообщить не мог. Ведь они всё знали обо мне и так.

Зато Катрин продолжала мне постоянно звонить, и вообще обстановка все более нагнеталась.

Конечно, временами меня уже охватывал страх: хотя я и не чувствовал за собой никакой вины, но боялся только неадекватных, подковерных, иррациональных действий со стороны администрации, каких-нибудь чокнутых масонов или прокуроров.

Во Франции стряпчие, если разозлятся или просто ошибутся, вполне могут законопатить человека в тюрьму на несколько месяцев, без всякой вины, для профилактики. При этом

судейским не грозят никакие взыскания или неприятности в связи с профессиональной «ошибкой». Подобных случаев довольно много, о них иногда пишет пресса.

Еще один вопрос для меня оставался открытым: а могут ли сумасшедшие флики взять да и попросту «кокнуть», скажем — отравить «клиента», чтобы не болтал лишнего? Говорят, во времена Миттерана французские спецслужбы не церемонились с проблемными клиентами и снискали себе славу убийц. Правда, тогда еще не было Интернета…

Большинство французов уверены, что они живут в правовом государстве, и не ведают, как все устроено на самом деле. Просто им не приходится сталкиваться в своей жизни с необычными событиями или переходить дорогу важным персонам, вот и все.

Осознавая свою беззащитность перед лицом опасности, я лихорадочно соображал: а что, собственно, в моей жизни могло быть такого, что оправдывает подобные затраты и такие упертые усилия французской спецслужбы?

В конце концов, Франция сотнями и тысячами увольняла своих полицейских в этот момент, экономя бюджет. В то же время на «мероприятия» со мной и на свои нужды агенты ДСРИ явно не скупились. По моим прикидкам, оборотни к тому моменту уже истратили на меня сумму, эквивалентную бюджету небольшого городка.

Должна же быть какая-то причина для таких действий?

Я размышлял так и эдак, стараясь посмотреть на ситуацию с разных точек зрения, анализируя даты и события, пытаясь отбросить все случайное и ненужное.

В конце концов пасьянс сложился: я понял, что французы приняли меня за другого. Они по ошибке придали мне слишком много важности. Это произошло, очевидно, из-за того, что информацию обо мне запросили в США на неадекватно высоком уровне. Иначе объяснить поднявшийся переполох просто нечем.

А спецслужбы в США заинтересовались мной из-за нашей коллекции редких картин да еще из-за той научной работы, которая была проделана в связи с портретом Челлини. Больше я ничего не мог предположить: ведь у меня никогда не было никаких дел в этой стране.

Может быть, американцы перехватили и подняли всю нашу переписку с итальянцами, и не только нашу переписку, кто знает? Для служб англосаксонской электронной разведки нет ничего невозможного, насколько мне известно.

Однако о причинах своего интереса к моей скромной персоне американцы французам не сказали. Это точно. Иначе бы Катрин знала, что примерно искать, а я видел, как бедняга кидалась от

одной версии к другой почти наугад.

И Буратинко, и тем более Катрин знали о причинах интереса ко мне еще меньше, чем их начальство. Очевидно, руководители не поделились с ними даже информацией о том, что запрос обо мне пришел из США.

И вот теперь, в ноябре 2010 года, мы приближались к развязке. Истекало терпение у американцев и легальные сроки прослушки у французов.

Катрин звонила мне постоянно. Ее тон становился все более угрожающим. Она явно перегибала палку, говорила, что умеет делать «очень плохо» людям, и если я думаю, что она лапочка, то ошибаюсь. Коллеги, по ее словам, называют ее Тигрица. Не знаю, правда ли это, она вполне могла и приврать. На тигрицу она вообще-то похожа, хотя наверняка кличка среди коллег у нее другая.

Но мне, собственно, было непонятно, почему я должен ей доверять, как «доброму полицейскому». В конечном итоге она даже начала меня раздражать.

Однажды Катрин позвонила мне на мобильный, когда я ехал в своей машине, чтобы забрать дочь из школы. Это было 10 ноября 2010 года около 16 часов вечера. Я взял трубку, зная, что это она.

В этот раз моя бывшая любовница была чрезвычайно агрессивна. Она угрожала и без всяких обиняков требовала информации. Впервые мне было неприятно с ней говорить.

Я резко ответил, что не могу сейчас продолжать беседу и что мы переговорим вечером по скайпу. Катрин, не обижаясь, деловито спросила: «Когда конкретно?» Я сказал, что через полтора часа.

«Хорошо, — ответила мне она, — но только обязательно, а то будет хуже». На этот дурацкий выпад я никак не ответил, но в 16:23 написал ей СМС следующего содержания. Привожу дословно:

> *«Дорогая, вот наиболее важные пункты, перед нашей беседой сегодня вечером.*
>
> *1. Моя дверь открыта. Чтобы получить информацию, ни ты, ни кто-нибудь другой вовсе не должен устраивать спектакль.*
>
> *2. Поскольку я ничего не сделал плохого и не имею никаких пятен на своей репутации, не следует давить на меня. Наоборот. Надо уметь слушать и попробовать понять. Это гораздо более эффективно.*
>
> *Целую, с любовью».*

Как я ей и обещал, вечером я вышел в скайп, и она тут же связалась со мной.

Во время сеанса связи я сказал ей, что интерес к моей персоне может быть вызван только одним — нашей коллекцией предметов искусства. Она не поверила мне, говоря, что это опять мои штучки… «Это не то!»

— Ты опять говоришь не о том! Твоя коллекция не может быть причиной такого шума, у тебя все картины приобретены легально, и всюду есть след (она сказала «traçabilité», то есть документы и свидетельства).

— Ну и что? Давай прежде всего разберемся, что такое искусство и насколько оно важно.

— Зубы мне не заговаривай!

— Ну ладно, черт с тобой. Если ты не хочешь, чтобы я рассказал тебе, почему мной интересуется госдеп, то я не буду.

Я разозлился и выключил скайп. Через 20 минут она перезвонила опять и как ни в чем не бывало сказала, выпуская дым от очередной сигареты:

— Про госдеп интересно. Расскажи.

— Катрин, какое здание в Париже делает его Парижем? Ну, без Эйфелевой башни и Нотр-Дам-де-Пари?

— Лувр?

— Да. Лувр. А какая там самая главная картина?

Катрин задумалась (мы разговаривали с включенной видеосвязью, она настаивала на этом). Я не выдержал и сказал сам: «„Джоконда“, не так ли?» На что Катрин как-то неуклюже сказала:

— Да Ва́нчи?

Имея в виду да Винчи, конечно. Ирина тоже присутствовала в комнате, хотя Кэт ее не видела, и при этих словах тихонько прыснула от смеха.

— Ну так вот представь себе, что важнее: «Джоконда» или отмыть очередной миллиард баксов? Тем более что этих миллиардов «финансисты» уже нарисовали бессчетно.

— Ну, а ты хочешь сказать, что у тебя есть «Джоконда», что ли?

— «Джоконда» не «Джоконда», а кое-что интересненькое имеется. Но и без «Джоконды», Катрин, автопортрета Бенвенуто Челлини вполне достаточно.

— Но у тебя все документы есть, всё легально — мы проверили!

— Конечно. Только я показал эту работу профессору в Америке, вернее, досье на эту работу. Профессор поздравил меня с открытием, и он, наверное, не понимает, как это Франция

согласна отпустить со своей территории такую исключительно ценную вещь? Тут не все ясно, и потому он попросил госдеп разобраться.

— Профессор?

— Профессор. У него прямая связь с президентом США, если что.

— Откуда ты знаешь?

— Он сам сказал. Написал даже.

— А где эта работа сейчас?

— Слушай, я все время хотел сказать: тебе, наверное, пошла бы красивая униформа. Но ты, наверное, просто агент?

Катрин посмотрела на меня долгим взглядом и сказала: «Сейчас». Повернулась, сняла, видимо, со спинки соседнего стула (вне обзора видеокамеры) свой полицейский китель и прямо перед камерой надела его.

Форма была ладно подогнана на ее фигуру. Большая, красивая грудь и тонкий, спортивный стан.

Я обалдел. Ожидал чего угодно, но не этого. Вообще говоря, я не разбираюсь в знаках различия, но хорошенько запомнил погоны, чтобы потом найти в Интернете.

— Ты офицер? Я не разбираюсь во французских званиях, какое у тебя?

— Жаль, что не разбираешься… Ладно, пока. Я тебе позвоню еще, ладно?

— Звони, конечно. Пока.

Она отключила скайп.

В 21:01 я написал ей СМС, потому что в скайпе ее больше не было: «Дорогая, я посмотрел в Интернете. Ты лейтенант, да? Жаль, что мы встретились при таких странных обстоятельствах…»

Ну и так далее, там дальше личное. Представьте себе, что должен написать человек, когда открывает для себя, что его бывшая любовница — это офицер контрразведки, охотящийся за ним?

«Шла Саша по шоссе и сосала сушку»

Казалось бы, если недоразумение выяснено и причины интереса ко мне со стороны больших дядек в погонах установлены, все наконец-то закончится. С Катрин мы расстанемся, раны заживут, и жизнь наладится. «Ага, щаз!» — как говорится. Не тут-то было…

Как оказалось, теперь оборотням обязательно следовало меня завербовать хотя бы для того, чтобы получить подписку о неразглашении. Ведь они наследили так, что уму непостижимо.

Если бы я начал все рассказывать и показывать, это, кроме дополнительных хлопот и затрат, принесло бы им бонусы в виде позора и потери репутации. Столь грязной, непрофессиональной работы от ДСРИ мало кто ожидал, хотя, как выяснилось, за французами давно тянется шлейф нехороших историй.

Шпионить в пользу иностранной разведки я все равно не мог, никаких ценных сведений у меня нет и доступа к государственным секретам тоже. В агенты влияния я не гожусь: у меня специфическая сфера деятельности и интересов.

Так что вербовка имела своей целью исключительно «зашить» мне рот. Ведь я насмотрелся за кулисами их тайных рож десятками. Убить меня с технической точки зрения им, наверное, было проще, но отчего-то они этого не сделали.

Вот тогда, в тот самый критический момент, в поле нашего внимания появился и загадочный партнер Катрин, о котором я обмолвился выше. Русскоязычный агент Буратинко, или Андрей Никитин.

Он зашел через Сеть, прямо в тот самый вечер, когда я, развинченный и подавленный, приехал домой 12 ноября.

Очевидно, как только стало известно о провале миссии Сикузы, контрразведчики включили очередной запасной план действий. На этот раз общение с объектом (со мной) отрабатывалось в виртуальной среде.

Вообще говоря, Интернет предоставляет невиданные ранее возможности для подобной специфической коммуникации.

Представьте себе, что вы регулярно ведете блог в ЖЖ, например, или постоянно появляетесь на своей странице в одной из социальных сетей.

И вот вдруг вам в блог среди прочих комментариев поступает сообщение или реплика от совершенно незнакомого вам человека, скрытого под псевдонимом. И этот человек среди

прочих фраз пишет вам то, что вы недавно говорили своей жене лично на кухне. Или на ушко. Что вы подумаете, интересно?

У нас было так: мы с женой и старшей дочерью совсем недавно втроем смеялись и упражнялись в скороговорке: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку». А вечером, вернее — уже ночью, когда перед сном я заглянул к себе в дневник, увидел сообщение от неизвестного мне человека: «ШЛА САША ПО ШОССЕ И СОСАЛА СУШКУ».

Некий юзер с ником will2013 крупными, заглавными буквами написал это у меня в блоге, без какой-либо привязки к теме.

Что вы сделаете, когда нервы у вас напряжены и уже третий день на уме только спецслужбы, слежка, «конторы» и непонятная, загадочная опасность? Вы прежде всего идентифицируете этого человека как «ухо», то есть поймете, что это агент, представитель тех людей, которые вас слушают и видят вот прямо сию минуту в реальной жизни.

Вы не станете возмущаться и не убежите от компьютера. Вы, как загипнотизированный кролик, начнете с ним общаться. При этом ваш собеседник владеет положением: ведь вам кажется, что, если вы его спугнете, он уйдет, исчезнет, и вы его больше никогда не увидите. Напротив, если делать то, чего неизвестный от вас добивается, он останется и продолжит с вами разговаривать. Вся ваша психика в этот момент как на ладони для агента.

Он точно знает, что творится у вас в душе, он посмеивается над вами, а вы всё больше и больше начинаете зависеть от него.

Вот сами посудите: вы не можете поделиться происходящим с другими людьми. Ибо кто вам поверит-то? Не вздумайте рассказать о подобных странностях друзьям и знакомым: они сочтут, что у вас паранойя, и станут перемигиваться за вашей спиной.

И потому вы уцепитесь за этого агента как за соломинку. Ведь вам и поговорить-то не с кем, кроме него. Куда вы денетесь? Если вы человек неопытный, то увязнете в общении с ним как муха в клею. Вы осторожно, чтобы никто из других ваших читателей и друзей ничего не понял, начнете с ним переписываться. В личку и мейлом он писать не станет. Он будет оставлять свои сообщения только в комментариях к старым (не самым свежим) постам, чтобы не привлекать лишнего внимания и не оставлять следов личной переписки.

Заодно он всегда напомнит вам, что вы находитесь под колпаком постоянно. Неважно, что вы делаете: едите, спите, занимаетесь сексом, «серфуете» в Интернете или просто покупаете что-нибудь по кредитной карте, — за вами следит внимательный глаз.

Со временем вы привыкнете и полностью подчинитесь чужой воле. Ведь свои собственные недостатки вы знаете лучше кого бы то ни было и понимаете, что выглядите некрасиво. Ай-ай-ай. Что подумает о вас всевидящий глаз? Старайтесь ему понравиться. И вот так, шажок за шажком, вы придете к последней черте, будучи готовым на все.

Буратинко написал ключевую фразу, по которой я его узнал (она на самом деле не про Сашу и была нецензурного содержания; про Сашу и сушку было потом, позднее). Он убедился, что я его понял, а потом в завуалированной форме попросил меня рассказать поподробнее о картинах из нашей коллекции. Агентов поджимал срок подачи отчета начальству. Сил и средств было истрачено много, а результата нет. Руководство уже не на шутку сердилось.

Выглядела эта просьба весьма колоритно. Буратинко попросил меня написать «поподробнее про изотерику». Переписка наша велась в виде его комментариев и моих ответов на эти комментарии у меня в ЖЖ. Я, стремясь убедиться, что понимаю агента правильно, ответил: «На фиг тебе эзотерика, если ты и писать-то без ошибок не умеешь?» Он ответил: «Писать я умею. Только это не интересно. Интересно про изотерику».

Я, таким образом, убедился, что замена буквы «э» на «и» в слове не случайна. Агент хочет больше информации именно об изобразительном искусстве и намеренно вместо «эзотерика» пишет «изотерика».

Я воспринял его просьбу как хорошую новость («черти» наконец-то заинтересовались реальной первопричиной нашего квеста), был рад, что «контора» наконец-то взялась за ум, а следовательно, недоразумение вскоре рассосется, поэтому написал довольно большой текст про картину, но не про автопортрет Челлини, а про другую, впрочем, тоже из нашей коллекции.

Я хотел быть уверенным, что агента интересует именно Челлини, и потому подсовывал ему другое. Расчет был на то, что, если я прав в своих предположениях, will2013 потребует информацию именно о Челлини, отвергнув любую другую, тогда я буду уверен, что «контора» поняла суть проблемы и действительно сконцентрировалась на портрете Бенвенуто.

Буратинко, увидев мой текст, очень обрадовался, хотя и посетовал, заныл, что «дело к ночи» и «опять ему не спать». Ну а я стер только что написанный текст (раз корреспондент его уже прочитал и скопировал) и спокойно лег спать. Впервые за несколько дней у меня прояснилось на душе.

На следующее утро он (видимо, сбегал в свою «контору», и

ему там объяснили: мол, не то) написал мне, под другим постом, дескать, а где тут изотерический текст, который был вчера? Я ответил, что нечего тексту болтаться всуе. Информация не для праздных глаз, и я ее стер.

На что Буратинко посетовал, мол, это, конечно, хорошо. И текст был очень интересный, но «не совсем то, что требуется в текущий момент». Таким образом, мой план сработал. Я убедился, что «контору» интересует именно Челлини, их не устроил текст про другую картину, поэтому вскоре разместил в ЖЖ уже приготовленный заранее рассказ про портрет Бенвенуто. На этот раз Буратинко, видимо, получил что хотел и очень обрадовался.

Вероятно, «оборотни» сверяли информацию, добытую агентом в прямой беседе со мной и полученную каким-то иным путем из других источников. Например, из перехваченной переписки с профессором Фриманом. Когда все у них совпало, они поняли, что сведения достоверные и пазл действительно сложился.

Но после этого эпизода, к моему удивлению, Буратинко не оставил меня в покое, хотя наши отношения с Катрин сворачивались.

Мы все-таки еще переписывались с моей бывшей «шери». Ведь надо было закончить дела, которые мы с ней наметили. Отменить встречи, дождаться результатов уже проведенных переговоров и так далее. Чаще всего звонил я, чтобы узнать судьбу того или иного начатого дела. Она сухо отвечала или переводила разговор на другие темы.

В одной из СМС от Катрин (теперь всегда холодных) 23 ноября 2010 года в 16:58 я прочел, что она находится в Риме. Это меня немного резануло. Может быть, она уже занимается другими задачами? Но интуиция подсказывала мне: это не так.

Сердце екнуло, предупреждая: было бы неприятно, если б французы связались с итальянцами по моей проблеме и, грубо говоря, продали меня итальянцам с потрохами. Ведь итальянцы облизывались на портрет Челлини еще с 2005 года, а французский Минкульт, наоборот, предпочитал его игнорировать, чтобы не было скандала.

И в самом деле, у сотрудников министерства в Париже наверняка имеются более важные дела, чем какой-то портрет Бенвенуто, который все равно уже давно умер.

Поэтому сведения, с трудом нарытые «конторой» о картине, судя по всему, не находили практического применения во Франции. Зато в Италии их бы оценили высоко.

Справедливости ради следует отметить, что агенты и офицеры ДСРИ в свое время обстоятельно проинформировали

французский Минкульт о шедевре в моих руках, ставшем причиной такого веселого квеста.

Катрин несколько раз выходила со мной на связь по скайпу уже после того, как мы установили прямые отношения с агентом Буратинко, то есть в период с 13 по 23 ноября. Моя бывшая любовница интересовалась, пойду ли я на переговоры с министром культуры Фредериком Миттераном и чего от меня можно ожидать.

Я был не против встречи с министром, но она так и не состоялась. Логика в отказе от этой встречи со стороны министра хорошо просматривается: Минкульту пришлось бы капитулировать в любом случае, как только бы он начал официальные переговоры.

Пришлось бы признать свою халатность по отношению к произведениям искусства, являющимся частью национального достояния, которые чиновники разрешили вывезти из страны даже без осмотра экспертов. Французское общественное мнение не простило бы таких ошибок ни министру Миттерану, ни луврским искусствоведам. Поэтому Минкульт просто тянул резину и ничего не предпринимал, надеясь, что проблема рассосется как-нибудь, а умелые «оборотни» тем временем смогут «подписать» меня на неразглашение.

Французские спецслужбы, таким образом, теперь трудились только для себя: они постоянно тревожили меня и Ирину, тормошили и выводили из равновесия, но ничего не предлагали по делу.

По прошествии времени я вижу, что они активно разрушали нашу психику, чтобы мы стали легкой добычей для вербовки. Им требовалось добиться результата, и отпускать нас с миром на волю они не хотели. Результат, с их точки зрения, — это или заведение серьезного уголовного дела, или вербовка, или, как вариант, смерть клиента.

Особенно старался Буратинко. Продолжались скрытые и явные угрозы, издевки, давление на наши с Ириной финансы и изредка дружеская псевдоинтеллектуальная болтовня.

Я не знаю, как называется этот психологический прием, но я бы назвал его «контрастный душ». Периоды запугивания, жестких наездов сменялись добрыми, теплыми словами, посулами, обещаниями «позитивных перемен в жизни», и наоборот. Нормальный неискушенный человек, попав под пресс контрразведки, потом надеется, что полицейские исправят свои ошибки и помогут ему восстановить дела. Все это чушь. Они безжалостны и заниматься склеиванием побитых горшков не собираются.

Оказалось, что все планы и соглашения, над которыми я работал при участии Катрин, а также других актеров водевиля, — это миражи. Они рассеивались один за другим, и было ощущение, что все вокруг ненастоящее, все разваливается и рушится.

Как мы с женой чувствовали себя в этот период? Честно говоря, не очень хорошо: мы иностранцы во Франции и поэтому, конечно, боялись за свое будущее. Но, как говорится, страх страхом, а честь честью. Несмотря на чувство обреченности и тоску, мы все равно не собирались соглашаться ни на вербовку, ни на иные виды «сотрудничества».

Кроме объяснимого, так сказать — рационального способа давления на психику, спецслужбы использовали и иррациональные, я бы даже сказал — оккультные, приемы. Об одном из случаев, иллюстрирующем психологические манипуляции, я расскажу.

Представьте себе, что вы просыпаетесь в своей одинокой постели дома декабрьским утром, в 7:00 (только-только рассвело, на юге рассветает рано даже зимой). Просыпаетесь оттого, что огромная черная птица, иссиня-черный ворон, бьется всем телом, клювом и крыльями в ваше окно. Бьется так, что рама ходит ходуном. Его крылья порой заслоняют свет. Это длится и длится, — может быть, минуту, я не знаю. Секунды кажутся вечностью. Что вы подумаете, интересно? В 7 часов утра, не забудьте, вы еще не вполне отошли от сна.

Наконец ворон улетает и больше не возвращается. От жуткого суеверного страха вы цепенеете, остаетесь лежать в кровати неподвижно, по-детски натянув одеяло до носа. То же самое произошло и со мной.

Когда птица исчезла, я размышлял, как теперь половчее составить завещание. И еще я сожалел, что не успею вырастить младшую дочь и не увижу будущих внуков.

В том, что прилетала моя Смерть, я и не сомневался. Счет времени при этом я вовсе потерял. Наконец я услышал легкие шаги, которые вывели меня из оцепенения, — в мою комнату зашла жена. (Мы спали тогда в разных помещениях, потому что нашей младшей дочери шел первый год жизни.) Я не шелохнулся при виде нее. Ирина удивилась и встревожилась.

— Что с тобой?

— Смерть прилетала… Черная птица. В окно билась… Большая.

— Какая птица? Ты чего? Не проснулся еще, что ли? Сон плохой видел?

— Какой сон, Ирина?! Не веришь — вон глянь на окно: ворон так долбился в него, там точно должны остаться кратеры на

стекле…

Она подошла к окну и недоверчиво рассмотрела стекло. Действительно, с внешней стороны были какие-то следы от клюва и немного какой-то дряни вроде соплей. Стекло не было идеально чистым, и следы от нападения большой птицы можно было разглядеть без труда.

Ирина задумалась.

— И правда…

— Что я, врать, что ли, буду? Зачем? Всё, мне конец…

— Почему тебе? Может, нам всем конец… Может, оно и к лучшему. А-а, слушай, это же опять эти, «конторские». Твоя «шери».

— Перестань… Какая «шери»?

— Забыл уже свою «шери»? Молодец. Короткая у тебя память. Кобелиная.

Ирина ехидно улыбнулась. Она не могла упустить такой случай ткнуть мне шпилькой под ребро.

— Это «контора» тебе птичку посылает. Вставай давай, не кисни. Соберись с духом!

— «Контора»?

Я начал соображать… А ведь правда. Точно. Технически, наверное, это не сложно и даже не очень дорого — брызнул какой-нибудь привлекательной для птицы дрянью на стекло и пустил дрессированного ворона. В результате суеверный клиент в штаны и наложил со страху. Дешево и сердито.

— Да, пожалуй. Но зачем?

— На психику давят… А вот зачем, поняла: чтобы мы в Лондон не ездили.

— Точно. Кто же после такого дела из нормальных людей не сдаст билеты на самолет? Когда мы летим?

— Сейчас! Вылезай, собирайся. Через час выезжаем!

Мы собрались, с аппетитом позавтракали и, посмеиваясь над моими суеверными страхами, уехали в аэропорт.

Выяснить и использовать в своих целях суеверия человека, его фобии и самые темные тайны личности — это дешевый и эффективный способ для профессиональных психологов спецслужб, чтобы сломить и подчинить волю «объекта».

Кстати, вот так мы впервые улетели в Лондон. В Великобританию, понятное дело, мы направились не только и не столько ради шопинга и культурных развлечений. К тому времени мы с Ириной уже осознали, что надежды на прорыв с картиной в США теперь стремились к нулю. В самом деле: зачем профессору Фриману рисковать своей репутацией и принимать на себя смелость открытия Челлини, если дело приняло

скандальный оборот? Профессор сделает нас знаменитыми, а мы станем рассказывать, как он сдал нас в тайную полицию. Зачем ему это надо? Тем более придется поссориться с влиятельными итальянцами.

Ведь ситуация его глазами выглядит примерно так. Прошло уже девять месяцев, а американские спецслужбы всё молчат. Владелец картины, очевидно, находится «под колпаком», и у него неприятности. Что скажут коллеги, если вся эта история будет предана огласке: «Пришел человек с научными открытиями, а ты настучал на него да еще и отдал на растерзание опричникам?» Нет. Такой поворот дела вовсе не может понравиться профессору. Поэтому мы с Ириной понимали: в США нам путь теперь тоже закрыт.

К тому же было непонятно, как поведут себя заокеанские коллеги французских «чертей». Вот только не хватало нам еще и американских приключений.

И потому в конце концов мы обратили свои взоры на Великобританию. Я не стану раскрывать наши действия и рассказывать о событиях в Лондоне. Не стану, потому что там у нас почти все получилось. Работа успешно продолжается, и я не хочу мешать процессу.

Об остальных случаях давления на мозг, которые с нами происходили во Франции, наверное, здесь уже не стоит рассказывать.

Во-первых, это утомительно, а во-вторых, некоторые читатели могут счесть мой необычный рассказ за паранойю. Те люди, которые не попадали под колпак спецслужб и не становились сами объектами их «веселых розыгрышей», все равно с трудом в них поверят.

Хотя мне потом довелось повидаться с человеком, который пережил подобную переделку в России. Мы обменялись с ним личным опытом: оказывается, методы спецслужб в разных странах очень похожи.

Просто скажу: профессионально организованное психологическое давление крайне неприятно. Допрос и даже тюрьму на самом деле проще вынести, чем жестокую травлю, организованную садистами в погонах. Хотя, с другой стороны, свои «чудеса» «оборотни» могут творить где угодно, в любой среде, и в тюрьме, само собой, тоже. От них нет спасения: закон бездействует и почти всегда находится на их стороне.

Судьи и особые прокуроры во Франции разрешают им пытать и психологически мучить людей без ограничений, насколько я могу судить. Лишь бы не оставалось следов. Впрочем, и следы им тоже не помеха. «Оборотням» все сходит с рук.

В общем, так продолжалось вплоть до 18 февраля 2011 года. То есть вплоть до того момента, пока я не убедился: «бесы» получили все, что им было нужно (причем я с трудом скормил им эту инфу), но по-прежнему не отстают от нас.

Слежка и прослушка продолжались, равно как и «особые мероприятия» в отношении нас. Очевидно, прокуроры и надзорные органы опять продлили оборотням разрешение для наблюдения и забавных игр, в которых нам с Ириной отводилась роль мяча.

И все-таки что же им надо было теперь, когда уже все выяснилось с картиной и с ролью США? В тот момент, который здесь описывается, я не понимал этого и не знал ответа на заданный вопрос. Мог только догадываться. Будучи в здравом уме и твердой памяти, я осознавал, что не имею за своей спиной никаких криминальных историй, и поэтому оставалось только три варианта:

1) «оборотни» подозревают, что я каким-то образом связан с важными людьми, крупными фигурами, которые не ищут публичности. И потому контрразведка хотела бы меня завербовать или наладить иное сотрудничество;

2) «оборотни» просто хотят меня завербовать, раз уж не могут посадить. Катрин говорила мне об этом: «Раз ты попал под колпак, то выхода у тебя уже нет»;

3) французы исполняют заказ итальянцев.

При любом из этих вариантов ничего хорошего в ближайшем будущем нас с женой не ожидало. Наши с ней перспективы были более или менее понятны: не мытьем, так катаньем службисты все равно бы нас прижали, и мы перестали бы себе принадлежать. Тем более что сроки наших видов на жительство истекали в 2013 году, и потому Буратинко, кстати, выбрал себе ник will2013. Иначе говоря, Will (wait for) 2013. «Бесы» намеревались нас шантажировать и продлением наших документов тоже.

С горечью осознав реальность, я хорошенько поразмыслил и решился на необычный шаг. 18 февраля 2011 года я начал писать и выкладывать статьи про картину и про «оборотней» к себе в блог, который к тому времени уже был достаточно популярен и входил в сотню самых читаемых блогов русскоязычного ЖЖ. Это был в самом деле неожиданный и смелый «ход конем», настоящий рывок к свободе.

Мои записки, само собой, стали маленькой информационной бомбой.

Выкладывая горячую, свежую и необычную информацию из закулисья мира теней, я при том не искал никакой особой популярности в качестве блогера и не рекламировал свои записи.

Наоборот, моей целью было подключить к чтению такую аудиторию, которая обладала бы большим интеллектуальным потенциалом, но не превышала бы 1000–2000 человек в крайнем случае.

При этом мне хотелось собрать круг читателей, который мог оказать мне реальную поддержку в случае чрезвычайной необходимости. Например, перепостив (то есть скопировав и разместив в своих блогах) мои сообщения, «френды» вполне были способны «взорвать» Рунет и, возможно, пустить волну в другие страны.

Я был готов выложить прямо в Сеть факты, телефоны и даже фотографии агентов и офицеров французской разведки. По идее, мы могли рассчитывать на миллионы копий этого месседжа в течение нескольких дней.

Сейчас, в 2013 году, когда я пишу эти строки, ДСРИ перегруппировала свои силы после провала. Например, Филипп Губэ уже арестован. Когда этого человека стало невозможно держать в качестве приманки, его быстренько упаковали в Дубаи и привезли во Францию в наручниках. Многие агенты получили новое место работы и новые ID. Кого-то списали на пенсию или в резерв, кого-то перевели с оперативной работы на более спокойную.

То есть сегодня ущерб от публикации моей информации для них уже будет не так велик. А вот в 2011 году вывешивание актуальной и самой горячей инфы было бы чрезвычайно опасным.

За количеством читателей моего дневника мне не стоило гнаться потому, что ответить на изумленные и скептические вопросы более обширного сообщества я бы не смог. Просто-напросто не успел бы отреагировать на шквал сомнений и вопросов. Если бы я погнался за количеством, общественное мнение могло сформироваться не в поддержку, а под влиянием враждебной агентуры, наоборот, против меня.

К счастью, все получилось именно так, как я задумал. Мне удалось постепенно доказать публике, что я говорю исключительно правду и не привираю даже в незначительных мелочах. Так родилось доверие, и сформировалась могучая, но компактная группа поддержки.

Теперь мы с Ириной были не одни, хотя, конечно, всех эпизодов веселого квеста я не мог рассказать даже друзьям. И в эту книгу они тоже не вошли. Слишком много было событий, да и драма все еще продолжается, потому что последствия катастрофического материального и морального ущерба все еще не ликвидированы.

Когда появились мои записи в Сети, сексоты попробовали

разрушить мою репутацию и высмеять меня, представив лжецом и параноиком. Однако все их усилия оказались тщетными, хотя им и удалось попортить нервы всей нашей семье, включая детей.

Кстати говоря, Буратинко был не единственный, кто действовал против нас в Сети. Из всей группы сетевых сущностей, пожалуй, интересен еще один реальный персонаж. В те времена ко мне захаживал еще один офицер ДСРИ (а не агент, как Буратинко). У него, насколько я знаю, довольно высокое звание, и он руководит «русским отделом» в тайной полиции. Зовут его С. Он француз, но очень хорошо говорит по-русски.

Как его зовут и кто он такой на самом деле, мне стало известно уже после того, как спецслужбы РФ закончили оперативную проверку по моему случаю. Я смог определить его имя по косвенным вопросам и связать с сетевым персонажем, известным мне под псевдонимом.

Этого самого персонажа можно было узнать по аватарке: на ней была изображена характерная деталь картины «Даниил во львином рву» художника Брайтона Ривьера.

Тут следует объяснить: Даниил — ветхозаветный библейский пророк, которого, по легенде, бросили в ров со львами, но дикие звери не съели его, вопреки ожиданиям палачей. Так Даниил и жил в этой просторной яме некоторое время. А вот кормить пророка, чтобы он не умер с голоду, было поручено некоему Аввакуму.

Мой псевдоним в ЖЖ как раз «Аввакум». Появление аватарки с Даниилом мне, не чуждому истории искусства, сразу было сигналом: «Мой аватар связан с твоим именем. Я не чужой. Я пришел к тебе».

С. никогда не «троллил», то есть не издевался и не грубил. Он время от времени участвовал в обсуждениях интересовавших его тем. Иногда даже делился четкой и точной информацией весьма к месту в дискуссиях, например о структуре этнической преступности во Франции. Вообще он был мне приятен как гость.

Я с сожалением вынужден был позднее запретить ему комментирование в своем ЖЖ и даже ограничить доступ к моим записям. Как и многим другим людям, которых я подозревал в отношениях с «бесами».

Дело в том, что среди моих «френдов» оказалось немало российских специалистов, которые понятно объяснили, что психологические связи с «оборотнями» для меня лучше без сожаления порвать. Так я обрету дополнительный шанс соскочить с крючка. Следуя этому разумному совету, я должен был отключить и симпатичных мне людей в том числе.

Само собой, когда я начал выкладывать в Сеть часть нашей

истории, то есть рассказывать о ней публично, французы занервничали. Буратинко особенно. Он усилил свои скрытые и явные угрозы, частенько пускаясь на провокации и используя факты моей личной жизни, добытые в реале с помощью прослушки и наблюдения.

В конце концов я начал отвечать ему резко, а иногда и прямо матом — так короче. До этого я избегал ругани в Сети, но Буратинко стоил того, чтобы послать его пожестче. Как говорится, «карму матом не испортишь».

Разумеется, я время от времени банил его, но, поскольку все коды и ключи «оборотни» давно уже у нас выкрали, он или сам себя разбанивал, или заводил новый аккаунт с новым ником и продолжал свои проделки. Поэтому банить его было даже непродуктивно, ведь в результате приходилось подозревать каждого незнакомца. Что само по себе неприятно. Вот так и жили.

Вадик, чтобы завуалировать смысл своих сообщений, пользовался сложным «оккультным языком» и говорил загадками. Иногда он нес такую запредельную абракадабру, что у меня в дневнике даже появились фанаты, старавшиеся разгадать смыслы Буратинкиных опусов. Чаще всего его комментарии были просто пустышками, и лишь иногда в них был какой-то более или менее важный для нас обеих месседж.

Люди видели, что хозяин дневника относится к этому странному посетителю с особым вниманием. Мои друзья и гости понимали: в наших диалогах присутствует некий тайный смысл. Так, собственно говоря, оно и было. Вот этот самый смысл они и пытались разгадать. А Буратинко бессовестно использовал этих любопытствующих в своих целях и для давления на меня.

Вот один из примеров. Среди фанатов will2013 был мой френд с ником Varka8. И оказалось, что Varka8 получал личные сообщения от Вадика примерно такого характера: «Передай Аввакуму, чтобы все убрал, а то Паспорту к нему не придет». Буратинко опасался угрожать мне напрямую, поэтому делал это через случайного человека. Никитин был, видимо, не уверен, понимаю ли я его более «тонкие» угрозы, раз никак не реагирую на них.

Смысл угрозы, переданной через посредника и непонятной ему, был мне ясен: «Убери все написанное и перестань писать, иначе не получишь продления документов». Varka8 просьбу will2013 исполнил, но смысла месседжа не понял и просил меня растолковать. Разумеется, я ничего ему не ответил.

Я не стал останавливаться и продолжал публикации. Вообще мы с Ириной считаем, что документы не должны служить приманкой для вербовки в цивилизованном государстве. Мы

сделали много хорошего во Франции и для Франции и не собираемся ставить свою судьбу в зависимость от настроения спалившихся по собственной глупости горе-сексотов.

Позднее выяснилось, что Буратинко не все свои личные инициативы описывал и докладывал начальству. Я говорю как о реальной жизни, так и о виртуальной. Поэтому, не располагая точной и полной информацией, французы в «конторе» не чувствовали всей полноты опасности, они, поди, и не предполагали, что я уже давно вижу «оборотней» вокруг себя и могу проследить их связи. Открытие реальных масштабов «засветки», мне кажется, оказалось бы для начальства большим сюрпризом.

Французы продолжали действовать, не проявляя элементарной осторожности, даже в момент, когда не только я, но и мои ассистенты могли их запросто идентифицировать. Поэтому «контора» спалила об меня колоссальное количество своей агентуры. В том числе агентуры ценной, насколько я могу судить, а также «чувствительной», то есть вращающейся в опасном мире мафиози.

По словам людей, знакомых с французскими силовиками в московском посольстве и с представителями силовых ведомств в Париже, наше с Ириной дело со временем превратилось в трудную и болезненную проблему для Французской Республики.

Расскажу ради примера. Мой московский приятель, работающий в одном из силовых ведомств РФ и по долгу службы отвечающий за международное сотрудничество, решил проверить, насколько правдива моя история. Он связался с коллегами в Париже и во французском посольстве в Москве. Посольские сначала удивленно заявили, что человека по имени Олег Насобин на территории Франции нет и они ничего не знают о нем. Однако уже через пару дней «контакт» в посольстве перезвонил моему знакомому и разразился отборной бранью из-за того, что его втянули в это дело. Он анафемствовал и ругался. Парижские тоже реагировали так, будто им за шиворот пустили ядовитую змею.

Очевидно, сам факт, что некие полицейские интересовались моим именем, вызывал «круги на воде» внутри спецслужб, и этим случайно влипшим в историю людям пришлось потом обстоятельно объясняться, откуда, почему и как они вышли на это дело.

В конце концов моя политика открытости и прозрачности принесла свои плоды. «Оборотни» потихоньку свернули контакты и стали уходить в тину.

Впрочем, эта история имела и крайне неприятный рецидив. Я предполагаю, что, когда кризисная амплитуда начала затухать и

почти сошла на нет, агент Сикуза сдуру решил погреть свой личный супчик на этом деле.

Но вернемся к нашему виртуальному общению. Описывая малую часть наших смертельно опасных «танцев» у себя в дневнике, я вдруг заметил, что личность Челлини и его автопортрет вызывают самый живой интерес публики.

Рассказы о нем и о его портрете сразу же значительно поднимали посещаемость моего ЖЖ. На удивление, рассказы об искусстве вызывали не меньший интерес, чем повествования о контрразведке. Люди действительно интересовались этой загадочной картиной и, что меня особенно приятно удивляло, многие чувствовали силу портрета.

Я вообще-то и не рассчитывал на такую продвинутую реакцию широкой публики. Однако, оказалось, у большого числа людей достаточно эрудиции и вкуса, чтобы сразу оценить выдающиеся художественные и интеллектуальные качества картины.

Выскажу, может быть, и крамольную мысль, но у искусствоведов по профессии, а не по призванию глаз безнадежно портится, замыливается, и они вообще ничего не замечают без инструкций. Так что средний искусствовед видит произведение искусства гораздо хуже, чем воспитанный человек со вкусом из неискусствоведческого мира.

Реакция широкой публики на картину была для нас с Ириной как глоток свежего воздуха. Вот так мы впервые задумались о показе портрета на публичной выставке.

Турин. Библиотека Реале

К 2011 году с момента провала итальянских переговоров прошло уже несколько лет, и меня все сильнее соблазняла мысль снова вернуться к ним.

Во время беседы с профессором Фриманом в США он посоветовал мне держаться от соотечественников Бенвенуто подальше. Имелось в виду, конечно, подальше от специалистов в области изобразительного искусства. Я так и поступал, тем более мой личный опыт подсказывал мне то же самое. Однако вовсе избежать контактов с итальянскими деятелями культуры и официальными лицами в любом случае не получалось: мы вынашивали совместные планы кинофильма о Бенвенуто Челлини с одной из продюсерских компаний в Риме.

К тому же важный для нас артефакт — автопортрет Бенвенуто Челлини, выполненный им в виде рисунка, — хранится в библиотеке Реале города Турина, а нам требовалось купить у библиотеки фотографию этого рисунка и право на ее публикацию.

Советы американского профессора к 2011 году потеряли свою силу, поскольку он сам так и не начал обещанных работ по изучению портрета.

С другой стороны, я подумал, что, установив нормальные рабочие отношения с дирекцией библиотеки в Турине, я смогу через нее сообщить итальянскому правительству о своем стремлении к кооперации и готовности забыть прошлые взаимные неудачи.

До нас доходили слухи, что сеньор Антонио сохраняет свое влияние во Флоренции, даже укрывшись в Ватикане. Но столица Италии Рим слишком велик и неподвластен на сто процентов ни одному из искусствоведческих кланов. Поэтому оставался шанс, что мы все-таки найдем в Италии, возможно через Турин, заинтересованных партнеров.

Терпенье и труд все перетрут, поэтому в целом ситуация к 2011 (даже к 2010) году на итальянском «фронте» изменилась явно в нашу пользу по сравнению с годом 2005-м.

Прежде всего нами был накоплен и систематизирован потрясающей красоты и силы научный материал, касающийся портрета и фресок из Кампо Санто (см. главу «Загадка красного капюшона…»). Обнаруженную нами связь между портретом Челлини и изображениями на более древней фреске уже невозможно было просто игнорировать в научном мире. Эта информация неконтролируемо расползалась в академической

среде.

Кроме того, мы проявили себя как «твердый орешек» для всех, кто имел намерения манипулировать нами или ограбить нас. Все вокруг уже понимали: этих Насобиных голыми руками не возьмешь. И нашим партнерам по переговорам следовало считаться с нами, уважать наши интересы, а не пытаться вить из нас веревки по своей прихоти.

Иначе говоря, единственным способом коммуникации с нами остались честные, прямые переговоры. Давление, запугивание, обман и шантаж больше не имели перспектив. Словом, пришло время возобновить контакты.

И вот осенью 2010 года Стефани вступила по моей просьбе в переписку с дирекцией библиотеки Реале.

Шли месяцы, мы потихоньку склоняли библиотеку продать нам права на публикацию и фотографию хранящегося у них автопортрета (рисунок Бенвенуто Челлини). Не прошло и полгода, как мы получили и то и другое.

Вскоре после того, как библиотека прислала нам фотографию и разрешение ее использовать, я попросил о личной встрече директора библиотеки доктора наук, профессора сеньору Витуло. Прошло много недель, пока эта встреча наконец была назначена и в конце концов состоялась. Она случилась 22 марта 2011 года, и я отлично помню этот солнечный день.

Я приехал в Турин из Канн на своем автомобиле. По прекрасным дорогам добрался всего за три часа. Мне еще никогда не приходилось бывать в этом чудном городе, и я ожидал увидеть некий депрессивный урбанистический упадок, как в некоторых других городах. Но, напротив, Турин порадовал, он показался мне добрым, изящным, красивым и очень богатым своей историей.

Библиотека, в которой, кстати, кроме автопортрета Челлини, хранится и самый знаменитый рисунок Леонардо да Винчи (предположительно его автопортрет), — это совсем небольшое помещение, расположенное в галерее прямо на центральной площади города.

Представьте себе широкий коридор со старинными, уходящими ввысь сводчатыми потолками. Этот коридор разбит на отсеки. Вестибюль, основной зал, офис, приемная и, в самом конце, кабинет директора. Вот так примерно выглядит это роскошное и знаменитое книгохранилище.

Библиотека, вероятно, была недавно отреставрирована. По крайней мере, мне так показалось.

Ее сотрудники будто вжились в нее, и визуально, и манерами они представляют, с моей точки зрения, неотъемлемую часть ансамбля.

Все люди там показались мне похожими друг на друга: невысокого роста, с какими-то необычными выражениями лиц и взглядами. Я почувствовал себя так, будто я опять попал в одну из историй о Гарри Поттере.

В библиотеке меня ждали.

Вообще-то, собираясь на встречу, я был готов к любому варианту развития событий: подчеркнуто холодному приему, «горячей» беседе и даже к тому, что встреча просто будет отменена или перепоручена какому-нибудь никчемному секретарю. Но нет. Все произошло иначе.

Сеньора Витуло встретила меня в своем кабинете. Она явно заранее готовилась к нашему разговору, очень переживала, однако старалась держать себя в руках. Доктор Витуло внешне мало отличалась от остальных сотрудников, но было очевидно, что это чрезвычайно умный и, главное, совестливый, порядочный человек. Она оказалась немногословной, но принимала меня крайне радушно.

Ее кабинет — довольно просторное помещение, около пятидесяти квадратных метров. Справа находилась балконная дверь, которая была открыта, и легкие шторы пузырились от весеннего сквозняка. Мы разговаривали, сидя на диване возле кофейного столика.

К моему чрезвычайному удивлению, автопортрет Челлини доктор приказала вынуть из запасников, и теперь он просто лежал на столешнице прямо передо мной. Я был чрезвычайно тронут этим жестом, тем более что профессор в процессе беседы предлагала мне взять древний рисунок в руки. Я, разумеется, отказался.

Хранение бумаги — дело особое. И хотя ладони у меня никогда не бывают влажными, плюс я чрезвычайный чистюля, но поймите меня правильно: сам только что приехал издалека, руки не мыл, перчаток не ношу — и вдруг хвататься за листок, которому почти пятьсот лет… Нет-нет. Такой грех на душу я не взял. Однако оказанное мне доверие и честь были очень приятны.

Сеньора Витуло никак не ставила под сомнение досье и научные открытия, сделанные вокруг нашего с Ириной автопортрета. К тому моменту, к весне 2011 года, с этим вопросом было давно все ясно.

Наша беседа, продолжавшаяся около полутора часов, шла о том, чего фактически мы хотим добиться, как именно начать переговоры и каковы варианты передачи нашей картины Италии.

При этом доктор Витуло оговорилась, что она не может и не уполномочена вести официальные переговоры: это компетенция вышестоящих инстанций в министерстве культуры. Но я не

настаивал и не предлагал ей эту роль. Мы обсуждали с профессором наши предложения и то, как их лучше передать правительству в режиме, так сказать, консультаций.

Я предполагаю, что наш разговор записывался и доктор знала об этом. Незримое присутствие итальянских «чертей» чувствовалось в воздухе. Доктор Витуло очень нервничала. До самого конца нашей встречи, несмотря на все мое дружелюбие, она так и не смогла расслабиться.

Лучшим вариантом договоренности для нас с Ириной к тому времени по-прежнему была безвозмездная передача портрета Италии на долгий срок хранения. Впрочем, мы не исключали и вариант с подарком. Однако в этом случае я поднял бы вопрос о финансировании нашего кинопроекта, чтобы Италия нам с ним помогла.

Как я понимаю, вариант с длительным хранением картины в одном из итальянских музеев моих партнеров почему-то напрочь не устраивал. Мы были готовы искать и другие компромиссы, но итальянская сторона, по-моему, теперь просто боялась садиться за стол прямых формальных переговоров до того, как условия будут неформально определены.

Очевидно, у них на этом деле погорело уже слишком много «мотыльков и крыльев», и итальянцы безмерно осторожничали.

Разговор с доктором Витуло закончился совершенно конкретно: я оставил ей полное досье на автопортрет, и мы договорились, что она передаст его министру культуры. Потом или министр назначит переговоры, или доктор Витуло сообщит нам об отказе. Мы договорились, что ответ, позитивный или негативный, но в любом случае ясный, я получу не позднее чем через две недели.

Сейчас, когда я пишу эти строки, с момента переговоров прошло уже почти два года. Никакого ответа от нее я так и не получил, но переговорный процесс с итальянцами на самом деле никогда не прерывался. Время от времени с нами связывались под разными предлогами представители итальянского правительства. Иногда казалось, что мы уже договорились, и снова все начиналось сначала. Идет процесс и сегодня.

Я не могу сказать, что итальянская «контора» совершила столько же проколов, как французская, или что итальянские «бесы» были каким-то образом нарочито «видны». Нет. Этого не было. Но присутствие итальянских спецслужб ощущалось весьма четко. Да и то сказать, переговоры с Павлом Ипатьевым вел лично посол, а это автоматически предполагает участие в деле итальянских спецслужб.

Хотя и у них проколы случались: например, на нас выходили

некие итальянские темные личности, предлагавшие выкупить у меня недвижимость, но почему-то рассчитаться по сделке они предлагали в городе Милане, причем половину суммы обещали наличными. Это походило на провокацию, и я просто перестал с ними общаться.

Детский сад какой-то.

Добро пожаловать, Бенвенуто!

Со временем дел за границей у нас становилось все меньше, и я стал чаще бывать в России. Как и большинство бизнесменов, по достижении определенного уровня финансовой и житейской зрелости я, кроме бизнеса, начал интересоваться и общественной жизнью своей страны. Оказалось, что мой двадцатилетний опыт ведения дел в Европе довольно востребован в России, поэтому я достаточно легко влился в коллектив единомышленников и коллег на родине.

С августа 2011 года я стал помогать своему другу Андрею Александрову в качестве советника. Андрей — видный бизнесмен — занимался политической деятельностью, и ему был необходим непредвзятый взгляд и подсказки со стороны. Он познакомил меня с представителями общественных организаций и деловых кругов России, и в дополнение к моим собственным связям мой круг общения значительно расширился.

Мне со своей стороны тоже хотелось быть полезным своим новым русским друзьям, и, согласившись профессионально советовать Андрею и занимаясь другой общественной работой я, разумеется, никаких денег за это не получал.

Потом я вошел в общественную организацию «Деловая Россия», став членом ее генерального совета. При этом до сего дня я по-прежнему остаюсь беспартийным.

Работа внутри общественной организации строится по различным направлениям. Я тоже избрал себе те две сферы, в которых чувствовал себя полезным: культура и международные отношения.

На втором заседании комитета по культуре «Деловой России» мы с коллегами обсуждали план работы на 2012 год. И я предложил внести в этот план выставку произведений искусства из личных коллекций представителей российских деловых кругов. Идея понравилась членам комитета, все ее одобрили, и мы с энтузиазмом приступили к подготовке мероприятия.

Площадкой для выставки мы выбрали замечательный государственный музей на Делегатской улице. Его роскошные залы, интерьеры и удобное месторасположение выше всяких похвал. Плюс постоянные экспозиции этого музея тоже замечательные и, по-моему, даже недооценены публикой. Там есть что посмотреть, и я всячески рекомендую этот музей посетить всей семьей вместе с детьми.

К тому же музеем руководила Елена Викторовна Титова, которая и возглавила наш комитет по культуре «Деловой России».

Елена Викторовна — прекрасный человек и отличный профессионал музейного дела.

Экспозицию нашей выставки предполагалось разместить в семи залах музея на втором этаже. Нам с Ириной оргкомитет выделил прекрасный Бордовый зал, предполагая, что мы привезем в Россию и выставим там автопортрет Бенвенуто Челлини.

Однако мы с женой очень сомневались и переживали. Стоит ли выставлять именно Челлини? Ведь у нас в коллекции есть и другие весьма интересные картины, поспокойнее, так сказать, не имеющие такой драматичной истории за спиной.

На самом деле мы с женой опасались и нервничали по поводу трех вещей:

1) итальянцы руками и языком какого-нибудь коррумпированного или дружеского им российского «светила» могли, в теории, уничтожить нашу репутацию;

2) итальянские и французские спецслужбы способны были организовать какую-нибудь пакость или провокацию на территории России;

3) после ввоза картины в Россию будет трудно ее вывезти из страны.

Однако все наши друзья и знакомые, те, кто видел фотографию этой работы, просили и хотели бы, чтобы мы показали именно ее. Кроме того, я чувствовал себя обязанным моим дорогим «френдам», обретенным в Сети. Ведь это они своим доверием, участием и вниманием год назад фактически спасли нас от провокаций и вербовки.

Поэтому мы все-таки стали прорабатывать возможность показать на выставке автопортрет Бенвенуто. Тщательно поразмыслив, по поводу первого пункта мы с Ириной пришли к выводу, что доказательная база у нас настолько прочна, что даже если кто-то из «светил» по заказу наших недругов сунется в это дело, мы дадим ему отпор в развернувшейся дискуссии.

Мы обладаем в России собственным медиаресурсом, плюс всегда есть возможность обратиться к друзьям за поддержкой. То есть, как ни крути, а наш голос все равно будет услышан и мы сможем публично ответить любому медийному агрессору.

Из осторожности мы были намерены продемонстрировать картину без масштабной рекламы, а в таких случаях «светила», скорее всего, предпочтут не связываться с нами. Не стоит овчинка выделки, а риск слишком велик. Когда есть возможность промолчать, им проще пропустить событие, чем спровоцировать скандал, который еще неизвестно чем обернется.

В то, что нам окажут поддержку российские искусствоведы, я

не верил. И вот по какой причине. В 2006 году мы уже обращались за помощью в Государственный Эрмитаж. Мы смиренно просили, чтобы в его лаборатории всего-навсего взяли пункции и исследовали пигменты и основу портрета. Разумеется, я готов был за это заплатить.

Профессиональные исследования, проведенные в России, позволили бы нам начать предметные переговоры с Пушкинским музеем и Эрмитажем.

К этому времени у нас уже имелись готовые технические анализы, сделанные в парижской лаборатории, и, кроме того, было официально установлено ведущими французскими антропологами, что на портрете изображено лицо именно Челлини. Я просил о повторном российском анализе, поскольку таким образом прощупывал почву только для начала переговоров.

Сначала я переговорил по этому делу с двумя штатными сотрудниками музея. Один из них поведал мне, что Эрмитаж не станет проводить исследование моей картины. Якобы это личное распоряжение господина Пиотровского, таковы правила: в лаборатории исследуются только те произведения, которыми Эрмитаж владеет. Ни нашу картину, ни досье на нее работники музея никогда не видели. По крайней мере, из моих рук они досье картины не получали. Настаивать мы не стали.

Через шесть лет, к 2012 году, ситуация радикально изменилась: отсутствие поддержки и глухое молчание со стороны искусствоведов нас более не пугали. Материала было накоплено достаточно, к тому же он оказался весьма наглядным.

Ко всему прочему, к началу нашей выставки замечательный эксперт из Оксфорда при поддержке Института Курто в Лондоне подготовил превосходный иллюстрированный стилистический анализ, убедительно и наглядно доказывающий, что автопортрет органично ложится в канву итальянской живописи конца XVI века. То есть против первого пункта возможных угроз у нас было выработано несколько вариантов противодействия.

Со вторым пунктом все было немного сложнее, и не обошлось без сюрпризов.

Дело в том, что ни я, ни моя жена не были уверены, станут ли на территории России наши «родные» контрразведчики препятствовать «шалостям» иностранных «контор» в отношении нас и нашего портрета.

На самом деле вопрос защиты наших интересов и имущества в этом случае нельзя было решить путем найма или «стимуляции» обычных правоохранителей «через знакомых ментов». Здесь требовалась систематическая работа контрразведки, в достаточной мере секретная и профессиональная, а она или есть,

или ее нет.

Мы опасались, что иностранцы именно на территории России станут действовать с особой дерзостью по отношению к нам и, как всегда, вне рамок правового поля. С другой стороны, я был уверен, что российские спецслужбы обратили внимание на мой блог в Интернете. Это само собой разумеется.

Он довольно популярен, а во-вторых, я ведь начал выкладывать там горячую, реальную и актуальную информацию исходя из личного опыта сосуществования с французской контрразведкой. Упомянутые в Сети факты специалисты могли легко проверить и таким образом определить, что я нисколько не привираю своим друзьям и читателям и события действительно имели место.

Я публиковал свои заметки искренне, хотя никаких целей «сдать» кому бы то ни было французов у меня не было. Я просто отчаянно защищался и пытался выжить как мог.

Как оказалось впоследствии, мы рассудили правильно. Спецслужбы России внимательно наблюдали за развитием событий и вели проверку. Словом, по второму пункту возражения тоже ослабли.

Что касается пункта номер три, то решением для ввоза картины без таможенных пошлин и последующего вывоза из страны мог стать режим так называемого временного ввоза культурных ценностей в РФ. Это особый таможенный режим, и он доступен исключительно резидентам другой страны. То есть российский гражданин, постоянно проживающий в России, не может воспользоваться этим преимуществом.

А вот гражданин другого государства или даже российский гражданин, постоянно проживающий за рубежом, вправе временно ввезти картину на территорию России, с тем чтобы потом вывезти ее без всяких проблем. Да и сам по себе этот временный ввоз оформляется несложно, в явочным порядке прямо на территории аэропорта.

Путешественник, желающий оформить такой режим, должен иметь при себе картину, две ее фотографии, список ввозимых ценностей, даже если в этом списке всего одна вещь. Он обязан заполнить и подать властям таможенную декларацию и написать заявление на имя начальника таможни.

Все это, как уже говорилось, оформляется прямо в аэропорту. Еще желательно иметь с собой «паспорт» картины, или «Certificat d’exportation pour un bien culturel», плюс счет-фактуру. Но наличие этих документов не обязательно.

После получения багажа, проходя через красный коридор, следует обратиться к офицеру таможни, и он вызовет на осмотр

эксперта-искусствоведа, который круглосуточно дежурит в Шереметьево. Проведя осмотр, картину пропустят в страну беспошлинно, а потом, через некоторое время, ее можно будет точно так же без проблем вывезти, показав таможенникам документы, оформленные во время ввоза.

Если учесть, что все члены нашей семьи — французские резиденты, то каждый из нас, по закону, мог ввезти в Россию автопортрет в удобном нам таможенном режиме временного ввоза.

Словом, все в теории «срослось», и, хотя Ирина очень нервничала и переживала, я решился представить на выставке в московском музее именно портрет Бенвенуто, а не другие работы из нашей коллекции.

Известие о том, что мы будем выставлять Челлини, было встречено коллегами и друзьями с радостью и воодушевлением. Однако проблема была, как всегда, на французской стороне.

Как я уже говорил, мы каким-то чудесным образом (к несчастью) уже получили «Certificat d'exportation pour un bien culturel». Поэтому перемещать картину в границах Европы могли как заблагорассудится, и для этого не требовалось никаких бумаг, разрешений или деклараций. А вот если мы хотели вывезти портрет из Европы, — кроме всего прочего, возникал налоговый вопрос.

Тут дело тонкое. Вывоз из Европы французские налоговики рассматривают как продажу. Вывез — значит продал.

Если стоимость произведения искусства не велика или велика, но тебя не застукали на вывозе, — твое счастье. Но если ты повезешь, скажем, работу, которая стоит десять миллионов, а купил ты ее за миллион, при вывозе налоговики вправе потребовать уплаты налога с девяти миллионов прибыли, или, точнее говоря по-французски, «плю валю» (увеличившейся стоимости).

Но откуда им знать, что картина на самом деле стоит десять миллионов? Для этого необходимы данные разведки или общеизвестная и точная информация, доступная заинтересованным таможенникам.

Поэтому подобное вмешательство таможни и налоговых служб во время банального вывоза картины из страны в реальной жизни происходит крайне редко. Но в нашем случае разведка, то есть ДСРИ, была в курсе дела, и мы вполне могли ожидать сюрпризов.

Причем для известных картин, находящихся в частных руках, этот налоговый фильтр и вторая граница представляют собой почти непроходимое препятствие.

Барьер можно преодолеть законным путем, если Минфин Франции даст разрешение на временный вывоз. Но в любом случае Минфин, прежде чем позволить временный вывоз, потребует гарантии от владельца картины. Чаще всего гарантии — это денежный залог, сумма, эквивалентная налогу. В редких случаях залогом могут служить надежные поручительства или страховка.

Иначе говоря, для оформления временного вывоза требуется внести на счет французских мытарей около тридцати процентов от гипотетической «увеличившейся стоимости».

Таким образом, если наша работа стоит, скажем, пятьдесят миллионов евро, а купили мы ее за три тысячи двести евро, то к уплате налогов и социальных платежей (или внесению залога) получалась сумма около шестнадцати миллионов. И то процесс оформления и согласования временного вывоза занял бы по крайней мере несколько месяцев.

С другой стороны, у нас на руках есть счет-фактура на три тысячи двести евро, она служит доказательством «реальной» (весьма ничтожной) стоимости картины, и в этом случае мы, в соответствии с законом, не должны заморачиваться даже с декларациями.

Какие пятьдесят миллионов? Это всё фантазии! Мы купили картину у профессионалов по три тысячи двести евро за штуку. Отстаньте от нас, мы в своем праве!

Попросту говоря, если мы проходим случайную таможню в Европе и нам задают вопрос (что само по себе случается крайне редко, на практике без наводки такого на выезде из страны не бывает), тогда произойдет вот такой диалог:

— Что везем?

— Картинку.

— Какова стоимость картины?

— Вот счет-фактура. Три тысячи двести евро.

— Проходите, счастливого пути.

А вот если на границе организована засада, тогда будет так:

— Что везем?

— Картинку.

— Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста.

— У вас есть сопровождающие документы? Желательно о том, что это не национальное достояние Франции, и разрешение на экспорт картины от Министерства культуры?

— Да вот. Сертификат.

— Спасибо. Позвольте осведомиться о стоимости картины.

— Вот счет-фактура, она стоит три тысячи двести евро.

— Позвольте нам не согласиться с вами. Во-первых, сертификат показан для работ, которые дороже ста пятидесяти тысяч евро, и раз вам его выдали, значит, эксперты уверены, что она стоит по крайней мере дороже, чем сто пятьдесят тысяч евро.

— Но это, как оказалось, не ценная работа!

— Позвольте мне пригласить эксперта, а вот, кстати, и он. Месье Вансан?

— Да, месье офицер, работа стоит несколько миллионов евро. И во всяком случае более ста пятидесяти тысяч. Я подпишу протокол ареста.

— Мы арестовываем картину и вас, месье. Вы не оформили таможенную декларацию и пытаетесь незаконно вывезти из страны ценную вещь. Позвольте ваши вещи для досмотра, документы и посадочный талон.

Ну и так далее. В итоге, кроме предъявлений претензий со стороны таможни, Минфин имеет право начислить штраф в десятикратном размере. Таможенная служба по своим полномочиям многократно превосходит налоговиков. С таможней лучше не спорить и не связываться ни на границе, ни на территории Франции. Эта служба работает отнюдь не только на дорогах, в аэропортах, вокзалах или портах. Она действует всюду.

Еще одна деталь: пока штраф не уплачен, бедолага не имеет права обратиться в суд. Нет причины для приема искового заявления. Сначала плати — потом судись. Не можешь заплатить? Договаривайся!

Кроме того, в налоговом законодательстве не действует презумпция невиновности. Иначе говоря, гражданин считается виновным в неуплате налогов, пока не докажет обратное.

— Итого с вас сто шестьдесят миллионов, месье, счет недоимок пошел. Не желаете пройти в холодок?

И вот теперь как картину прикажете вывозить? А?

Эта задача, которая кажется неразрешимо сложной, отнюдь еще не препятствие для сметливых людей. И решается она довольно просто трехходовой комбинацией:

1) прежде всего, надо отвезти картину в Лондон. Французы не имеют права задавать никаких вопросов, если полотно улетает в Туманный Альбион. Они просто проводят его взглядом, скрипя зубами;

2) поместить ее в Лондоне на хранение. В Лондоне отличные хранилища, они доступны всем;

3) Однажды серым днем неожиданно забрать картину из хранилища и отвезти из Лондона прямиком в Москву.

Если в Лондоне на таможне каким-то чудом спросят про документы — показать счет-фактуру. Больше вопросов британцы

задавать не станут. У них законодательство другое, разведданных от ДСРИ нет, засады тоже и, самое главное, голова работает иначе.

Таким образом, путь в Москву для Челлини однозначно лежит через Лондон.

Единственная и небольшая сложность, правда, состояла в том, что для поездки в Лондон нам, российским гражданам, необходимы визы. Ну что ж. Лучше помучиться с визой, чем попасть в переделку с картиной на французской границе, правильно?

Чтобы получить английские визы, придется потерять весь день на окраине Парижа: записаться заранее и посидеть в не очень опрятной очереди в помещениях World Bridge Co — коммерческого предприятия, которое принимает документы для консульского отделения посольства Великобритании во Франции и снимает биометрические данные кандидата в путешественники.

Английские визы мы всей семьей впервые в жизни оформили в 2010 году, потом в 2011-м нам опять выдали очередные визы, без особых проблем, кроме разве что неудобных хлопот.

В Лондоне во время одной из наших поездок я договорился о хранении артефактов из нашей коллекции в профессиональном хранилище. А потом я заблаговременно перевез туда из Франции автопортрет Бенвенуто и еще несколько ценных работ из нашей коллекции.

Пока все шло как по маслу. Открытие нашей выставки в Москве было намечено на 4 апреля 2012 года. Потом экспозиция должна была продлиться до июня.

На торжество и открытие выставки, разумеется, были приглашены друзья и весьма влиятельные люди. Сенаторы, финансисты, бизнесмены, члены правительства, короче — те, кого принято называть VIP.

Я лично подписал и отправил около сотни приглашений, никто не отказался, и все гости пришли. Но, кроме нас, на открытие выставки VIP-посетителей приглашал организационный комитет и другие коллекционеры-участники. Поэтому залы музея в тот вечер обещали быть наполненными блестящей московской и иностранной публикой до предела.

Сорвать такое мероприятие было бы катастрофой для имиджа и репутации. Поэтому все немного нервничали.

Визы наши в Великобританию истекали в феврале. Поэтому еще в январе вся семья, кроме старшего сына, записалась в компании World Bridge в очередь на получение новых виз. Документы в консульство Посольства Ее Величества мы подали, как только подошла наша очередь, без задержек и осложнений.

Взрослый сын, в то время заканчивавший университет Сорбонна в Париже, не подавал свои документы вместе с нами. У него единственного оставался на руках российский паспорт.

Еще раз подчеркну: до открытия выставки оставалось еще около двух месяцев. Вполне комфортный «тайминг». При этом мы знали, что максимальный срок обработки документов в консульстве для нашего типа виз — 15 рабочих дней. Никто из местного персонала компании World Bridge в Париже не помнит, чтобы хоть раз это длилось дольше. Даже в период наплыва туристов перед Олимпиадой консульская служба королевы работала четко и сроки обработки документов соблюдались.

Мы сдали в консульство четыре паспорта. Наши с Ириной и еще паспорта дочерей. Когда прошло две недели, а паспорта из консульства нам не вернули, я начал беспокоиться. Но сотрудники World Bridge приветливо нам объяснили, что в этом нет ничего страшного, в срок до пятнадцати рабочих дней консульские обязательно уложатся.

Прошло и пятнадцать, и семнадцать, и двадцать рабочих дней, а паспортов все не было! Ассистенты мои обрывали телефоны, но на другом конце им растерянно отвечали, что, такого никогда не бывало, паспорта отданы консульскому офицеру сразу же, на следующий день после того, как мы подали заявку, они находятся в консульстве, и ничего поделать нельзя.

Вдруг к тому же еще оказалось, что досрочный возврат паспортов возможен исключительно через процедуру аннулирования заявки на визы. А это точно такой же процесс, как и подача заявок, и он продлится две недели минимум!

Разумеется, я проверил информацию насчет возврата паспортов, полученную от компании в Париже. Оказалось, что в Москве все не так. Как выяснилось, в британском консульстве в Москве предусмотрена платная услуга (вернее, не в самом консульстве, а в аналогичной парижской фирме, с которой у посольства заключен договор об обработке документов) — паспорта в случае неотложной необходимости возвращаются клиенту в течение десяти минут после его просьбы, при этом процедура оформления виз не прерывается.

В московском консульстве можно запросить визу, не оставляя там паспорт. Для этого следует немного доплатить и предоставить ксерокопию всех страниц документа. Словом, в Москве все организовано гораздо лучше и удобнее. Но в Париже, где, как говорится, практикуется хардкор, стояли на своем: возврат паспортов — это долгий процесс, и заявка на выдачу виз при этом аннулируется.

Выходило так, что мы при любом раскладе не получим свои

паспорта вовремя и теперь не только не можем поехать в Лондон и забрать картину, но и в Москву мы не имеем права вылететь! Вот это удар… А выставка между тем уже на носу.

И что делать? Я не мог себе представить в момент открытия выставки наш зал пустым. Я сразу бы потерял лицо и репутацию навеки. В чем моя ошибка? Что я сделал не так? Ничего.

Просто спецслужбы «правовых» государств сговорились и блокировали наши паспорта, в очередной раз подвергнув нас с Ириной настоящей пытке.

Волны отчаяния плескались уже возле самой палубы. Лучше вообще не жить, чем вот так глупо все обрушить… Но мы с женой все-таки держались, не сдавались и искали выход из положения, хотя теперь наша задача многократно усложнилась.

1. Надо как-то попасть в Лондон. Картину, по идее, не должны отдать никому, кроме меня, жены или наследников. Или все-таки договориться, чтобы ее выдали нашему доверенному лицу.

2. Надо перевезти портрет в Москву. Но как? До выставки оставалось шесть дней. Специализированные посыльные компании брались за дело, но гарантировали доставку не ранее чем через четырнадцать дней. И то, по условиям их договора, я должен был передать им картину в Лондоне лично.

Словом, мы опять «попали», для меня было очевидно, что наши документы перехвачены «оборотнями». Именно они организовали на каком-то этапе процедуры их задержку. Ведь в консульстве Великобритании в Париже работают французы.

Вот теперь задача доставить картину в Москву действительно стала казаться чрезвычайно трудной. Но мы не сдались: выбора вариантов у нас не осталось, и мы стали действовать напролом, приняв на себя необычайно высокие риски.

Стефани получила от меня приказ лететь в Лондон и привезти картину в Ниццу. Приказ был тайным, а я демонстративно купил билеты из Лондона по своей кредитной карте, причем на имя другого человека, англичанина, таким образом оплатив дорогу одновременно для двоих людей.

С компанией-хранилищем мы договорились по телефону, что они получат от меня мейл — подтверждение и приказ передать картину моему доверенному лицу. Сотрудники хранилища пошли нам навстречу без лишней бюрократии. Мы как-то сразу понравились друг другу, еще во время нашего первого визита в Великобританию.

Я послал им мейл, как было условлено. Но письмо не пришло к адресату. Я его продублировал. Второй мейл тоже не пришел. Потом мы со Стефани снова и снова посылали туда письма — и

все без толку. Ни до, ни после этого дня мейлы у нас не терялись. Так что сразу стало понятным: игра в кошки-мышки продолжается и ДСРИ не спускает с нас глаз.

Я не знаю, зачем надо было перехватывать сообщения. Практического смысла в этом перехвате нет никакого, кроме разве что демонстративного давления нам на нервы.

На следующий день Стефани, ни слова не говоря и сохраняя «радиомолчание» (то есть отключив телефон), прилетела в Лондон и точно по намеченному плану забрала картину из хранилища. Она передала письмо, написанное мной собственноручно, сотрудникам офиса, а также тот самый несчастный мейл, просто зайдя через свой ноутбук в мой почтовый ящик, находясь в помещении хранилища.

Получив письмо, хранители еще раз мне перезвонили, убедились, что она — тот самый посыльный, и потом отдали ей картинку. Еще раз: я не понимаю, зачем были созданы сложности с мейлом. Они странные. И я отдаю себе отчет, что сотрудники охраны вполне имели право просто-напросто не отдать картину моей посыльной.

Но к вечеру этого же дня Стефани благополучно привезла автопортрет в Ниццу. Когда я встретил ее в аэропорту, она отдала мне коробку и облегченно улыбнулась. Я спросил:

— Страшно было? — имея в виду «конторские» игры.

— Нет, не это… Я просто ужасно боюсь самолетов, — ответила она.

Я посмеялся. За десять лет нашей совместной работы я никогда не обращал на это внимания, но и вправду Стефани не путешествует в другие страны и никогда не стремилась в интересные, дальние командировки.

Я привез коробку домой, мы раскрыли ее с женой и принялись анализировать текущее положение наших дел. Мы с Бенвенуто вернулись в нулевую точку. Он опять в Ницце, и что теперь? Как вывозить картину в Москву?

Думаю, сексотская сволочь в этот момент уже праздновала победу. Ведь другого пути у нас не было, мы должны были пересечь границу Европы во французском аэропорту, то есть прийти прямо в приготовленную для нас западню.

Попытки улететь с картиной из итальянского аэропорта стали бы самым настоящим суицидом, а транзит через любую другую страну Континентальной Европы был большим риском. «Оборотни» предупредили бы своих местных коллег, и нам пришлось бы еще хуже, чем во Франции. Здесь у нас хотя бы есть история, и можно попытаться все это как-то объяснить судье и следователям, если придется. Так что иного варианта, кроме

аэропорта в Ницце, я не видел.

Разумеется, мы хорошо осознавали риск, на который шли, но все равно продолжали действовать напролом, будь что будет, надеясь буквально на «русский авось».

Я купил билеты на самолет для своего сына. Только он мог прилететь к нам из Парижа и тут же из Ниццы увезти картину прямо в Москву. Билеты я купил ему на воскресенье. Выставка же открывалась в следующую среду.

А в четверг вечером выяснилось, что мой сын тайком от меня и Ирины уже несколько дней тому назад улетел из Парижа в Москву и находится сейчас в России.

Он, оказывается, собирался прилететь за картиной в условленный час в Ниццу из России, так, чтобы мы не заметили, что он летал в Москву, и потому ничего нам не сказал. Улететь-то он улетел, но просчитался: теперь у него не получалось вернуться из-за виз.

Его французские документы были на безнадежном многомесячном продлении, и он, чтобы перемещаться через границы, пользовался испанской визой. И вот теперь он не мог сюда приехать, потому что ожидал очередную испанскую визу в Москве.

Французские официальные лица устроили из продления документов для студентов какой-то невыносимый кошмар. Бюрократические проволочки с выдачей видов на жительство во времена правления клана Саркози длились по много месяцев, это стало нормой. Обращаться за визой во французское посольство в Москве — вовсе безумие и ненужная нервотрепка. Слишком долго и слишком сложно все у них там. Проще получить визу любой другой страны Шенгенского соглашения и путешествовать по ней.

Словом, это был ад. Уже вечер четверга. Что делать? Ведь я не могу лететь сам и не могу послать никого другого с картиной: в Россию ее должен ввезти иностранный резидент, иначе она не попадет под режим временного ввоза. Русских знакомых, при этом иностранных резидентов, готовых сорваться прямо завтра для перевозки картины, у нас не было. Иностранцам, например Стефани, нужна виза в РФ, и мы никак не успеем ее оформить.

Я лежал в своей спальне, смотрел в потолок и напряженно думал. Никаких вариантов не просматривалось. И тут мой сын, которому все-таки стало стыдно, по своей инициативе договорился со своим студенческим другом Евгением Т. Женя — гражданин Румынии и Молдовы, следовательно, имеет право приезда в Россию без виз. Он живет и учится в Париже.

Сын спросил у него, не хочет ли он посмотреть на Красную

площадь и попутно кое-что отвезти в Москву? Женя сразу согласился, собрался, сел в скоростной поезд и двинулся из Парижа к нам, на Юг.

Я не держал с ним связь по телефону, и поэтому «оборотни» его не засекли. Евгений приехал в Ниццу из Парижа в пятницу вечером. Я дал ему инструкции, купил билет на его имя, и в субботу он должен был вылетать. Никакой связи через электронные средства мы по-прежнему между собой не поддерживали.

Картину для поездки мы вынули из рамы и упаковали в коробку из-под гигантской книги, на которой написано: «Жан Кокто».

Коробка из-под книги, в которую была упакована картина

Коробку Евгений взял под мышку, она выглядела скорее как большая книга, но никак не картина. А раму упаковали со всей тщательностью, профессионально, в большой картонный короб, проложенный изоляционным материалом, чтобы сдать в багаж.

Напомню, весьма дорогой билет на имя сына был куплен на воскресенье. Мы не сдавали его, и потому «оборотни» ждали нас в аэропорту только завтра.

В аэропорту Женя благополучно прошел регистрацию на московский субботний рейс и сдал большую коробку с рамой в негабаритный багаж. Проходить секьюрити-чекинг там, где обычно все пассажиры «Аэрофлота» его проходят, то есть недалеко от зоны «В» терминала 2, мы не стали.

Вместо того прошли в другое крыло аэропорта, в зону «А», и именно там Евгений с неприметной коробкой прошел секьюрити. Оттуда он по общему внутреннему коридору залов ожидания вылетов перешел обратно в зону «В» и там пересек границу.

Мы не ставили своей целью обойти возможную засаду таможни, так получилось случайно. В зоне «В» в этот день отчего-то была слишком большая очередь на секьюрити-чекинг. Хотя, надо сказать, именно на пункте контроля безопасности пассажиров обычно дежурит таможня, наблюдающая за выездом из страны. Удобство выбора этой точки для негласного контроля багажа состоит в том, что на экране монитора видны все пожитки пассажира, вся его ручная кладь и содержимое карманов, которые

опустошаются перед проходом через рамку. Так что возможно, засада все-таки была, но не сработала.

И вот когда Евгений уже благополучно прошел последний барьер и паспортный контроль, он вдруг ни с того ни с сего по собственной инициативе послал мне СМС: «Все хорошо, я уже в самолете, картиной никто не интересовался».

Вот это был сюрприз. Всем сюрпризам сюрприз. «Оборотни» сразу засекли эту СМС и наконец всполошились. Вылет рейса «Аэрофлота» тут же задержали на полтора часа.

Службы аэропорта перерыли трюм лайнера и нашли багаж Евгения — большую, тщательно упакованную коробку, по внешнему виду напоминавшую упакованную картину. Они сняли ее с рейса, очевидно руководствуясь инструкциями, полученными дистанционно, и потом отпустили самолет восвояси. Лайнер улетел, а с ним Евгений и портрет, который он на самом деле бережно держал в руках.

Подвело «оборотней», наверное, то, что картину вывезли в субботу, а не в воскресенье. На месте не оказалось правильных людей, а те, кто подвернулся под руку, не знали, что это рама, а не картина, и не имели компетенции перепроверить багаж.

К тому же, зная их повадки, можно предположить, что приказ исполнителям был дан начальством, как всегда, с элементами секретности. Не просто и ясно: «Задержите картину», а «секретно», что-то вроде: «Ищите в багаже плоскую коробку большого размера, если найдете, задержите ее».

Словом, портрет прилетел в Шереметьево вместе с Евгением, а рама — нет.

В Москве уже все было как по маслу: Евгений прошел таможню, оформил временный ввоз и вышел к нашим. Там его уже ждали. Бесполезную для французов пустую раму, якобы «потерянную» вчера, «Аэрофлот» привез в Москву на следующий день. Со злости «оборотни» раму сломали. Причем сломали в таком месте, которое вряд ли могло пострадать по естественным причинам.

Когда эта пустая рама прибыла в Москву, на нее накинулась российская таможня со всей суровой серьезностью и никак не хотела отдавать. Ведь Евгений уже улетел из страны, проведя в Москве всего одну ночь, и получить раму должны были его «доверенные лица».

Тем не менее с грехом пополам, преодолев жуткие бюрократические препоны, наши люди раму в конце концов растаможили.

Я встретил все это со смехом, потому что в крайнем случае мы успевали заказать новую, в Москве со срочностью исполнения

заказов нет никаких проблем, — чай, не Франция.

Таким образом, большая часть задач была решена. Картина в Москве, и даже с рамой, которую быстро починили. Выставочный зал готов, и в среду гости увидят Бенвенуто. Однако оставалась еще одна серьезная проблема: как нам с женой приехать на открытие выставки, если у нас нет паспортов?

После всех этих событий и преодоленных сложностей я просто отказывался верить, что мы не сможем попасть на открытие, и отчаянно искал выход из создавшегося положения, пока наконец мои знакомые из Москвы не посоветовали обратиться за справкой для возвращения в консульство в Марселе.

Эти документы заменяют паспорт на одну поездку и позволяют вернуться домой, в Россию. Не имея другого выхода, я позвонил в южное консульство РФ, с которым у нас уже несколько лет как не складывались отношения.

Предыдущий консул, господин Гр-в, был малопригодным для своей должности человеком. Поэтому я ожидал привычных хамоватых грубостей по телефону, стояния в жутких очередях, чтобы попасть на прием с девяти до двенадцати, и прочих «прелестей», которые расцвели в Марселе при консуле Гр-ве.

Однако новый дипломат оказался на удивление милым и готов был принять меня в любое время. Нам требовалось только привезти с собой в Марсель справку из полиции, что наши паспорта утеряны или украдены, пару фотографий и ручательство двух граждан России, которые подтверждают, что знают нас как граждан РФ.

Я начал действовать немедленно.

Французский полицейский участок в Мужане отказался выдать нам справку о «потере» документов. Жандармы просто сказали, что к ним все время приходят какие-то люди и просят справки. А они не дают.

Жандармы этого околотка наладились говорить посетителям: «Вам на самом деле справка не нужна». Вот и всё. Что тут сделаешь?

Пришлось получить эти самые справки в другом околотке.

Завершить начатое со справками на руках было уже нетрудно, и во второй половине дня в понедельник я приехал в консульство. Там молодой улыбчивый консул быстро оформил мне документы на всех членов нашей семьи, причем сделал это во внеурочное время.

Вот так во вторник к ночи, буквально за несколько часов до открытия выставки, мы прилетели в Шереметьево всей семьей. Нервы у всех нас были измотаны французскими «чертями» и

буквально звенели как струны. Поэтому возвращение домой, в Россию, было для нас самым настоящим счастьем.

В новом терминале «Е» аэропорта Шереметьево почти не бывает очередей на паспортный контроль. К тому же люди там (пограничники) всегда обаятельные и приятные.

Именно в этот раз у всех нас было удивительное чувство, пожалуй, самое сильное за последние двадцать лет, чувство возвращения на родину.

Наши справки проверили очень быстро, и вскоре мы смогли выйти в зал, где нас уже встречали. Дочь не смогла сдержать эмоции и расплакалась.

В среду выставка открылась с большим успехом. Замечательные гости, крупнейшие бизнесмены России, послы с супругами, видные политики, коллекционеры и много-много друзей.

Прессы было мало, вернее, почти не было. Это, с одной стороны, недоработка пиар-агентства, занимающегося выставкой, а с другой стороны, нам с Ириной и гостям это было на руку. Приглашенные люди могли спокойно все осмотреть, и роскошный фуршет прошел в непринужденной обстановке.

Наш Бордовый зал был погружен в сумрак. Единственный узкий луч света с высокого потолка выхватывал из тьмы лицо Бенвенуто.

Перед портретом

В Бордовом зале

У некоторых зрителей, как они потом рассказывали, от напряжения и мощи работы гениального художника по спине бежали мурашки.

У стены, противоположной портрету, стояли две большие

стойки с компьютерными экранами «тач-скрин». Вся полезная информация о портрете, экспертизы и картинки были загружены туда, и вокруг экранов постоянно толпилась публика.

На выставке посетители могли ознакомиться с результатами экспертизы

Да и вообще, зал, погруженный в полумрак, постоянно был полон. Я тоже почти постоянно находился в зале, едва различая в сумраке в толпе своих друзей и важных знакомых.

Появление Челлини сначала было встречено работниками музея со скепсисом, но как только он занял свое место на стене, все сомнения развеялись как дым. Экскурсоводы говорили мне потом, что не могут находиться рядом с ним более десяти минут. Сила портрета огромна, что особенно заметно, когда перед ним публика.

Это был успех.

Никто из огромного количества гостей не знал, какой путь нам пришлось пройти. История слишком длинна и необычна, как же рассказать ее в двух словах?

Посетители выставки супруга Его Превосходительства Посла Французской Республики мадам Глиниасти

Мы принимали поздравления, а зал просто ломился от публики.

Выставка длилась в течение двух месяцев. Наш неистовый Бенвенуто впервые экспонировался, и произошло это странно, в чужой для него, неведомой России.

Само собой, лучше и понятнее было бы впервые показать портрет в Италии, но не судьба. Как говорил сам Челлини в своей биографии, «вот что делают с человеком зловредные звезды».

Разумеется, сразу же после открытия итальянцы через третьих лиц опять закинули удочку насчет переговоров. Мы ответили согласием, и, как всегда, эти самые «официальные» переговоры все никак не начинались.

Итальянцы нарезали круги, как коты вокруг горшка со сметаной. Мы вместе обедали, опять осторожно щупали друг друга, потом обменивались приглашениями на различные мероприятия, искали подходы друг к другу и маневрировали.

Я смотрел на всю эту возню и думал: «Опять какие-то интриги, снова эти нелепые танцы без смысла… Зачем они нам?»

Мы никогда не сомневались в силе Бенвенуто, не сомневались в мощи портрета. Но именно теперь поверили в свои силы и знаем, что способны организовать выставку в любое время, в любой стране мира, и на это зрелище обязательно придут взглянуть тысячи людей.

Что такое Искусство? Чем оно отличается от Ремесла? Оно отличается вдохновением.

А Вдохновение — это Божий Дар.

Сам автор удивленно взирает на свое произведение, если оно создано под крылом ангела, если его работа хранит следы вдохновения.

И что нам тогда полчища Антониев Веспуччи, бесчисленных трусливых искусствоведов, музейного или министерского планктона? Какой прок от всех этих трусов, пытающихся «изучать» творчество неистового, бесстрашного Бенвенуто? Как им, чьи душонки наполнены прахом и мелкими корыстными побуждениями, понять его?

Великую идею может вместить в себя только благородная, отважная душа.

Какая сила может остановить Божье Провидение? Нет такой силы в природе. Ее просто не существует. Как можно писать статейки о нем, великом бунтаре и гении, малодушно прячась под кроватью от первой же опасности? Кому нужны эти опусы, высосанные трусами из пальца?

Бенвенуто Челлини вернулся. Вот он, смотрите. Он все расскажет о себе сам. Он великолепен, силен, и ему абсолютно наплевать, что думают о нем мыши.

Бенвенуто Челлини вернулся (фото предоставлено гостем блога автора в Живом Журнале OB5)

Антропологическая экспертиза

При взгляде на список найденных нами схожих автопортретов Челлини, обнаруженных среди его работ, сразу становится ясно: речь идет о важном научном открытии. Чтобы его подтвердить, необходим эксперт-антрополог, способный провести официальную научную экспертизу. Искусствоведы здесь ни при чем. Необходимо мнение и исследования специалистов по строению черепа и индивидуальных черт лица.

Вероятно, каждому внимательному зрителю и так понятно, что на нашем портрете изображено то самое лицо, которое встречается:

- на рисунке Челлини, хранящемся в библиотеке Реале в Турине;
- на обратной стороне головы Персея (статуя работы Челлини на площади Синьории во Флоренции);
- на барельефе подножия статуи Персея («Спасение Андромеды», Флоренция, площадь Синьории);
- на плече бюста Козимо I Медичи работы Челлини из музея Барджелло;
- на солонке короля Франсуа Первого (лицо Нептуна);
- на скульптуре «Нептун» с подножия статуи Персея.

Но желательно было все это подтвердить научно и получить заключение экспертов на этот счет.

Кроме того, нам очень хотелось понять, почему изображение дряхлого старика на круглой фреске в Палаццо Веккио во Флоренции работы Джорджио Вазари, подписанного для ясности: «Бенвенуто», не очень-то похоже ни на наш портрет, ни на лицо с рисунка в библиотеке Турина, ни на другие портреты Челлини.

Портрет Бенвенуто работы Джорджио Вазари. Фреска в Палаццо Веккио, Флоренция

Где искать компетентного эксперта такого профиля?

Решая эту задачу, мы довольно быстро сообразили, что и полицейские, и службы судебного дознания должны знать независимых экспертов, способных сравнить изображения (биометрические данные) разных индивидуумов и сделать вывод об их идентичности.

Ведь полицейским постоянно приходится распознавать и сличать изображения людей, находящихся в розыске, даже если они меняют свою внешность или качество их фотографий оставляет желать лучшего.

Поэтому моя ассистентка просто позвонила полицейским начальникам и попросила совета. Жандармы охотно откликнулись на нашу просьбу и помогли. Как оказалось, наиболее авторитетным экспертом в этом вопросе во Франции считается доктор Рауль Перро, который живет в Лионе и трудится в Университете Лиона Бернар — 2. Он руководит там антропологической и биометрической лабораторией.

Доктор, разумеется, имеет квалификацию судебного эксперта (Апелляционный суд в Лионе), но для такой величины в научном мире, как он, это, в принципе, отнюдь не самая важная характеристика.

Полицейские отзывались о нем как о настоящем волшебнике, способном установить истину даже в самых сложных случаях.

Следуя совету жандармов, мы немедленно списались с доктором Перро. Профессор оказался человеком в возрасте, хотя весьма энергичным и полным сил.

Доктор приятно удивился и даже обрадовался нашей просьбе сравнить несколько произведений искусства и сделать вывод о идентичности личности, изображенной на них. Перро сказал, что к нему впервые обращаются с подобной просьбой, но он с удовольствием поработает над темой, которая представляется ему чрезвычайно интересной, и его лаборатория вполне компетентна для такого рода исследований.

Доктор не принадлежит к закрытому миру искусствоведов и поэтому совершенно свободен в своих оценках.

Мы передали в лабораторию фотографии различных произведений, где, по нашему мнению, изображено лицо Бенвенуто Челлини. Среди фотографий по ошибке ему была передана и деталь известного полотна работы Джорджио Вазари «Кузница Вулкана». По слухам, на этой картине Вазари изобразил Бенвенуто с молотком у наковальни. Но лица предполагаемого Челлини на этом произведении почти не видно. При этом в центре картины крупным планом Вазари изобразил сам себя.

Так вот, моя ассистентка ошиблась и вместо Бенвенуто отправила в Лион фотографию изображения самого Вазари. Именно лицо Вазари было потом в экспертизе однозначно определено как выпадающее из ряда других портретов.

В остальном все прошло просто замечательно, и результаты нас обрадовали.

Каждая экспертиза антропологической лаборатории

университета, вернее, ее рапорт с анализами и выводами предваряется тщательным описанием методов, использованных для решения данной конкретной задачи.

В нашем случае доктор и его ассистенты определили пять точек на лице, связанных, как я понимаю, с индивидуальными особенностями строения черепа. И потом эксперты сравнивали расстояния и углы между этими ключевыми точками на каждом из портретов. При этом ракурс, в котором изображено исследуемое лицо, или его возрастные изменения не играют никакой роли для исследователя.

Выводы эксперта, как и ожидалось, оказались однозначны: на всех сравниваемых изображениях мы действительно видим одну и ту же личность, то есть Бенвенуто Челлини. В разном возрасте, в разных ракурсах, изображенное с различной степенью мастерства, но все-таки одно и то же лицо.

Однако самый большой сюрприз нас ожидал при сравнении «проблемной» для всей темы фрески Вазари из Палаццо Веккио с другими портретами. Хотя Вазари и весьма средний художник, а техника фрески очень сложна для портрета, он все-таки осилил изображение Челлини — в соответствии с экспертизой доктора Перро сходство с лицом Челлини на нашем портрете было не менее 90 %!

Это при том, что для однозначной идентификации индивидуума достаточно и 60 % сходства.

Иными словами, антропологическая экспертиза подтвердила, что на фреске работы Вазари изображен человек, которого мы видим на автопортретах Челлини, просто он уже сильно состарился.

Это был самый настоящий подарок.

UNIVERSITE CLAUDE BERNARD LYON 1
DEPARTEMENT DE BIOLOGIE HUMAINE
Laboratoire d'Anthropologie Anatomique
et de Paléopathologie
Dr. Raoul PERROT

Expertise anthropologique comparative de photographies d'œuvres d'art concernant le peintre Benvenuto CELLINI et demandée par Mme Laure PIETRAS, Département Design, Société Cosmo Di Medici.

Nous, Docteur Raoul PERROT, Expert en Anthropologie Légale près la Cour d'Appel de Lyon,

Sur la demande de :

Mme Laure PIETRAS, Département Design, Société Cosmo Di Medici

En date du 19/07/2005

Avec pour objet :

Demande d'identification sur deux portraits (Tableaux) avec comparaison

Attestons avoir accompli l'expertise ainsi confiée et rédigé un rapport scientifique dont nous affirmons le contenu sincère et véritable.

A Lyon, le 26 août 2005
Dr. Raoul PERROT
Expert près la CA de Lyon
en Anthropologie médico-légale

Pièces jointes : Rapport d'expertise - Mémoire de frais

Adresse postale - 8, avenue Rockefeller - 69373 LYON CEDEX 08 - Tél. 04 78 77 70 00 - Poste 45-69 - Fax. 04 78 77 71 58

Открытие оказалось весьма важным, и если бы Джон Поуп-Хеннесси смог дожить до того момента, когда его гипотеза о рисунке из Турина самым блестящим образом подтвердится, он бы, вероятно, нас с Ириной усыновил.

В принципе, даже если экспертиза показала бы, что безвольный «Бенвенуто-старец» с фрески и все остальные его

портреты не имеют сходных черт, этот факт все равно не повлиял бы на нашу уверенность. Ведь Вазари был весьма средним художником, техника фрески отнюдь не облегчает задачу, а Бенвенуто к моменту написания «Рондо» уже и вправду сильно сдал.

А уж получить обратное ожидаемому известие о том, что фреска Вазари не выпадает из общего ряда сравниваемых изображений, было очень, очень приятно.

Имея на руках результаты исследований, мы связались с доктором, чтобы поблагодарить его. Пользуясь случаем и ввиду важности заключений этого ученого эксперта я позволил себе задать ему прямой и, вероятно, не совсем вежливый вопрос:

— Доктор, — спросил я, — кто может оспорить ваши выводы? Где в ваших рассуждениях слабые места?

Доктор Перро ответил мне уверенно и сухо:

— Молодой человек, чтобы опровергнуть мои выводы, следует обладать квалификацией, сравнимой с моей.

После таких слов человека, чье мнение оказывается судьбоносным в процессах уголовного суда или даже суда присяжных, мне все стало исчерпывающе ясно, этого было достаточно, чтобы закрыть тему.

В любом случае, на планете Земля нет такого искусствоведа, у которого хватило бы сил и авторитета, чтобы поспорить с антропологом Раулем Перро на его поле. Поэтому вопрос о том, Челлини ли изображен на картине, больше не стоял. Отныне истина была установлена и ни один искусствовед не мог ее оспорить.

Технический анализ пигментов и основы картины

Вскоре после находки мы с Ириной показали портрет реставраторам, которые профессионально почистили его от застарелого, лишнего лака и провели анализ химического и физического составов пигментов и основы.

В Париже есть знаменитая улица, на которой гнездятся эксперты, антикварные лавки, реставраторы, галереи и аукционные дома. Она называется рю Друо и расположена в центре, неподалеку от бульвара Итальянцев. Судьба привела нас на эту улочку, как всегда, извилистым путем.

Мой ассистент Стефани по моему заданию искала адреса лабораторий, способных выполнить химико-физический анализ материалов, использованных при создании портрета.

Одна из лабораторий нашлась как раз на этой улице. Как мне доложила Стефани, во Франции в 2005 году существовала всего пара подобных учреждений, открытых для публики.

Музеи, особенно Лувр, конечно, располагают собственными исследовательскими инструментами, но частным коллекционерам путь туда закрыт.

В этой точке моего повествования будет уместно немного рассказать о логике условного разделения экспертиз на музейные и коммерческие.

Музейные эксперты осматривают или, вернее, должны осматривать каждую интересную работу, появляющуюся в поле их зрения впервые.

Однако «музейские» хранят свое мнение об увиденной картине как страшную тайну. Особенно если видят, что произведение подлинное или с большой долей вероятности подлинное. Ведь если музейный эксперт признает полотно, которое еще не принадлежит музею, цена этого произведения искусства немедленно вырастет, и музею будет крайне сложно эту работу приобрести. Кроме того, возникает конфликт интересов с коммерческими экспертами, которые занимаются атрибуцией за деньги. Кто же пойдет к коммерческим светилам, если музейные эксперты окажутся доступны?

Поэтому в наше время действует формальное правило, в соответствии с которым сотрудники и эксперты музеев не имеют права высказываться на тему подлинности той или иной картины, находящейся в частных руках. При этом музейные эксперты постоянно осматривают картины из частных коллекций,

например для выдачи сертификата Министерства культуры.

Осматривают, но ни в коем случае не делятся с коллекционером своим мнением, сохраняя, насколько это возможно, бесстрастный вид.

Экспертизы для частных лиц, то есть таких коллекционеров, как мы, а также всевозможных галерей и антикваров проводят коммерческие эксперты, о которых мы уже говорили выше.

Поскольку существует разделение среди экспертов на доступных частным лицам коммерческих и малодоступных музейных, вполне логично, что есть подобное разделение и среди лабораторий. Во Франции, по крайней мере, это так. Музейные, отлично экипированные лаборатории для широкой публики закрыты. Впрочем, в Великобритании все с точностью до наоборот.

Государственные технические лаборатории доступны для всех. Более того, их услуги во многих случаях вообще предоставляются бесплатно!

Но вернемся во Францию 2005 года. Моей ассистентке Стефани удалось найти всего две лаборатории: одну в Бордо, а другую в районе рю Друо в Париже.

Разумеется, столичный адрес был для нас гораздо удобнее, и я, предварительно созвонившись, отправился на встречу к мадам Прамс, импозантной пожилой парижанке, которая вместе со своим взрослым сыном содержала конторку под названием «Институт сохранения цвета». Мадам имеет статус официального эксперта Апелляционного суда Парижа.

Проще говоря, у эксперта мадам Прамс была реставрационная мастерская, и она оказывала услуги, связанные с проведением технического анализа.

Мадам Прамс произвела на меня, а потом и на Ирину весьма благоприятное впечатление. Она оказалась элегантной старушкой, с роскошной гривой седых, по парижской моде ничем не крашенных волос, весьма сердечным и неравнодушным к искусству человеком.

Мадам, как и другие ведущие реставраторы с этой знаменитой улочки, много работала для Лувра и других музеев, даже заграничных. В том числе случались у нее и заказы из нашего Эрмитажа.

Со временем мы с женой стали доверять мадам реставрацию многих наших приобретений и поэтому частенько бывали у нее на квартире.

Мадам обладала колоссальным опытом, но, как и многие профессионалы, зажатые в «аквариуме» мира искусства, она до дрожи в коленях боялась музейных экспертов, хранителей да и

вообще музейных искусствоведов.

Вот довольно характерный случай, невольным свидетелем которого стал лично я.

Однажды я приехал к мадам Прамс в мастерскую, чтобы встретиться там с экспертом, хранителем Лувра Грезом Дюшессом.

Грез должен был осмотреть один интересный этюд из нашей коллекции, прежде чем выдать сертификат Министерства культуры Франции.

Речь шла об этюде известного голландского художника. Поскольку произведение не относилось к итальянскому Ренессансу, им занимался другой отдел. И вероятно, потому в случае с нашим голландским этюдом процедура выдачи сертификата соблюдалась скрупулезно, без нарушений. В том числе и установленный законом этап личного осмотра картины государственным экспертом не был опущен.

Так вот, я находился в одной из комнат мастерской, когда в дверь позвонил месье Дюшесс. Мадам Прамс поспешно бросилась открывать, а я остался там, где меня застал неизвестный визитер.

Я слышал, как открылась дверь и прямо с порога молодой сердитый голос без всяких прелюдий просто отчитал пожилую реставраторшу, говоря:

— Мадам Прамс, у нас с вами будет особый разговор! Как получилось, что мы узнаём о картине из заявки на сертификат, а не от вас?

То есть претензия была в том, что мадам реставратор не сообщила в Лувр о неизвестном, но качественном полотне, которое вдруг появилось у нее в руках. В этот момент я вышел из комнаты и мы встретились с Грезом взглядом.

Мадам Прамс при этом застыла с виноватым и подобострастным выражением на лице перед совсем юным хранителем.

Вообще-то он в дальнейшем мне понравился. Молодой парнишка, на вид ему было в том 2005 году около двадцати трех лет. Мне показалось, что он «с глазами», то есть видит произведения искусства и понимает их. К сожалению, большинство искусствоведов не обладают врожденными способностями для этого и исполняют свои обязанности формально, в соответствии с более или менее усвоенными шаблонами.

Я вовсе не сгущаю краски. Просто называю вещи своими именами.

О том, как на самом деле обстоят дела «с глазами» у искусствоведов, мне говорили практически все

«великие» специалисты, с которыми я общался. Так что люди в теме прекрасно знают: далеко не всех искусствоведов можно назвать профессионально пригодными.

Мы с юным Грезом Дюшессом потом в общем-то мило поболтали возле этюда, хотя я чувствовал себя неловко после невольно подсмотренного его разговора с реставратором.

Но давайте вернемся к началу рассказа о мадам Прамс. Итак, мы приехали к ней, чтобы она сделала технический анализ. Дело это непростое. Сначала необходимо аккуратно взять пункции прямо с поверхности картины. Причем, с одной стороны, кусочек вынимаемого материала должен быть как можно меньше, чтобы не испортить произведение, а с другой стороны, он должен быть достаточно глубоким, чтобы взять и исследовать все красочные слои, каковых на нашем портрете оказалось от пяти до семи.

Пункции берутся в разных местах картины, чтобы изучить разные пигменты и технику. Дело в том, что со времени изобретения масляных красок художники наносят на холст, дерево, бумагу, медь, кожу и другие виды основ несколько слоев красок. К тому же между красочными слоями встречаются слои, более бедные пигментом, которые называют по-французски «гласси».

Если пункция взята хорошо, в лаборатории специалисты смогут аккуратно рассечь образец, мы увидим поперечное сечение, все слои, и тогда техника создания картины будет нам понятнее. Мы сможем судить о тех или иных технологических особенностях, присущих художнику. Кроме того, в лаборатории исследователи установят, какие именно материалы, то есть пигменты, масло и клей, использовал художник.

Шли века, и способы изготовления красок менялись. Более того, даже в рамках одного исторического периода и места разные художественные школы и живописцы использовали различные наборы материалов и индивидуальные технические приемы.

Как и сегодня, в давние времена существовали дорогие и не очень дорогие краски. По этому параметру можно определить социальный статус и возможности мастера.

Некоторые пигменты вышли из употребления в XVII веке и с тех пор не используются, а другие, наоборот, были открыты только в веке XVIII или позднее и потому не могли применяться ранее. Техника подготовки холста или другой основы тоже варьируется.

Художественный промысел предлагал широкое поле для всевозможных экспериментов. Поэтому, если у специалиста есть «расшифровка» пигментов, если установлены вещества, из

которых состоят краски, имеются четкие фотографии, сделанные с помощью микроскопа, а также понятны состав и структура материалов основы, он может с высокой долей вероятности определить, в каком веке и где была написана эта картина, к какой школе принадлежал живописец и даже кто он.

То есть технический анализ — это объективная инженерная константа, данность, которая весьма и весьма полезна для установления истины.

К сожалению, французские и итальянские коммерческие искусствоведы (особенно средней руки) часто не любят эти объективные технические анализы и потому игнорируют их.

Долгая, дорогая и недоступная широкой публике экспертиза мешает им зарабатывать на жизнь. К тому же результаты анализа могут поставить под сомнение выводы, предположения да и вообще компетентность какого-то «светила».

«Не надо мне никаких анализов! Вот мой инструмент!» — тыча себе в глаз, обязательно заявит какой-нибудь Джиованни Педретти с антикварной улицы итальянского городка. И если глаз некоего профессора Антонио Веспуччи — это действительно эталон и инструмент, то Джиованни Педретти, скорее всего, просто выдает желаемое за действительное и добросовестно заблуждается насчет своих способностей.

Между тем, если использовать возможности современной науки, а не полагаться на субъективное мнение некоего сомнительного авторитета и проверить кое-какие атрибуции, конфузы с неверно проведенными в прошлом определениями даже весьма известных музейных работ неизбежны.

Подобных случаев в прессе описано немало.

Вот в Уффици не так давно был подобный случай: сделали рентген, и оказалось, что работа, ранее датированная XVI веком, написана поверх некой «помазушки» явно XVII века. Работу стыдливо и без шума убрали с глаз публики, а над ее хранителем смеются, но негромко, потому что он очень авторитетный искусствовед и даже светило.

Так что в следующий раз он хорошенько подумает, прежде чем применять технические средства анализа. На глаз-то оно проще: «Я так вижу!» И точка.

Но вернемся к анализу.

Пункции берутся в местах, где больше всего слоев или визуально присутствуют «говорящие» пигменты. «Говорящими» называют такие вещества в составе красок, которые могли бы лучше других рассказать о времени, месте создания или авторе полотна. Такие пигменты хороший специалист видит сразу.

Места, откуда взяты пункции на картине, тщательно

отмечаются экспертом в рапорте на фотографии картины.

Без соблюдения методологии взятия пункций последующий технический анализ вообще бессмыслен, ведь надо принимать во внимание, что картина местами могла подвергаться позднейшей реставрации, и потому даже на самой старой работе можно обнаружить современные слои. Тем более когда неизвестно, где именно на картине взят тот или иной образец.

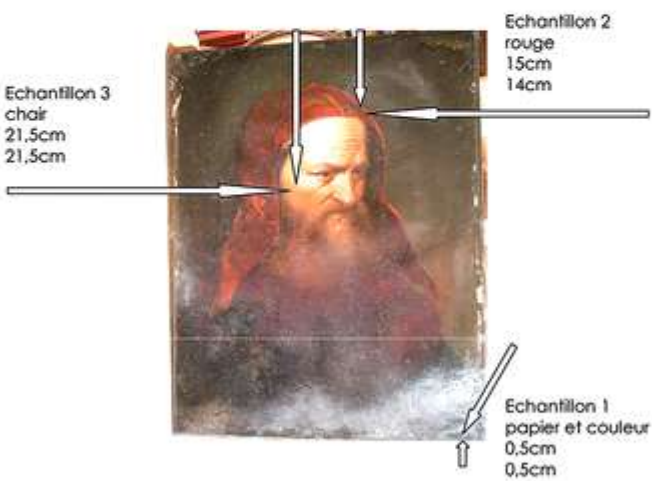
Nos références : 1134/122288

Paris, le 24 06 05

INSTITUT d'ART
CONSERVATION
et COULEUR

RAPPORT D'ANALYSE
De trois prélèvements effectués sur
Un portrait d'homme, présumé XVIe siècle

L'examen, de l'échantillons prélevés sur l'œuvre référencé ci-dessus, réalisé par stéréo microscope et aussi par coupe pour l'analyse de la composition par étude microchimiques, microscopiques et à l'aide de méthodes physiques, ont données les résultats suivants :



15, rue de la Grange Batelière, 75009 Paris – Tél. 01 48 00 04 76 – Télécopie 01 48 00 93 54
E-Mail : iacchrans@wanadoo.fr - S.a.r.l. capital 7622,45 euros - Res Paris B 316 500 834 –
N° T.V.A. : Fr 69316500834006

Мадам Прамс оценила свою услугу в случае с портретом Челлини в сумму около трех тысяч евро и аккуратно взяла эти самые пункции.

Я подозреваю, конечно, что вместо того, чтобы городить огород из чрезвычайно дорогой аппаратуры у себя в парижском офисе, она просто-напросто отправила взятые образцы в Лондон, где великолепные специалисты и превосходные лаборатории проводят исследования совершенно бесплатно.

Ну, как бы то ни было, долго ли, коротко ли, мадам Прамс получила из лаборатории детальные результаты исследования веществ и отличные макрофотографии разрезов взятых образцов. На основании полученных данных мадам составила свой письменный рапорт-заключение в отношении нашего портрета, интерпретируя увиденное с помощью своих знаний и опыта.

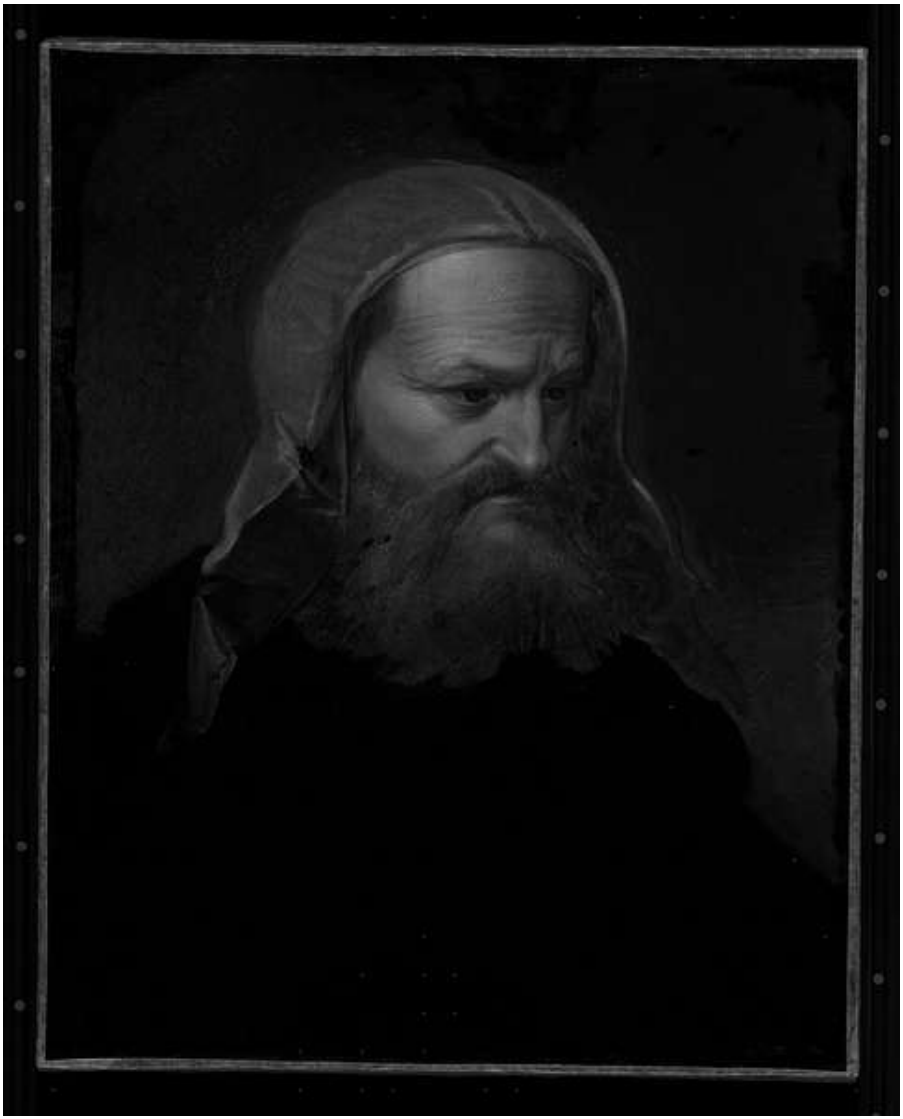
Позвольте мне еще раз повторить, что любой компетентный эксперт или специалист может сам взглянуть на рапорт из лаборатории. Заключение мадам Прамс вовсе не есть ее субъективное мнение. Рассмотрев отчет из лаборатории, любой другой эксперт придет к таким же выводам.

Как я уже говорил, все эксперты и исследователи в «аквариуме искусства» — люди пугливые и осторожные до чрезвычайности, а порой и до смешного. Тем не менее даже весьма склонная к скепсису мадам Прамс признала, что наша картина создана в XVI веке и не могла быть выполнена позднее.

Впрочем, мадам никогда и не имела другого мнения. Еще когда снимала с картины лишний лак, нанесенный на изображение слоями в течение нескольких веков, она была уверена, что работа датируется XVI веком. Но одно дело говорить об этом клиенту, а другое — громогласно заявить в официальном экспертном рапорте и подписаться под своим заключением.

Тут бывает страшно: открытие серьезное, как бы дорогу кому-нибудь не перейти, а вдруг «музейские» потом съедят?

Много позднее, во время подготовки пресс-конференции в Париже, я переживал: вдруг мадам Прамс перед журналистами даст слабину и начнет говорить обтекаемыми, двусмысленными формулировками, как это хорошо умеют французы. Но надо отдать мадам должное. Во время конференции она четко сказала то, в чем была уверена. Это XVI век, и точка.



Снимок портрета, сделанный в инфракрасном свете

Кроме технического анализа, мы, разумеется, позаботились и о других объективных методах исследования. Прежде всего организовали съемки портрета в инфракрасных лучах различной длины и в ультрафиолетовом свете. Чем длиннее волна, тем глубже под видимую глазом поверхность изображения мы можем проникнуть. Самые длинные волны в спектре — это, как известно, красные. А волны инфракрасные наш глаз уже не видит, но фотографии получаются отменные.

На снимках, полученных в лаборатории с помощью

инфракрасного света, мы наблюдаем, как художник искал, мучился, переделывал и поправлял свою работу. Одного взгляда на черно-белые снимки, полученные в инфракрасных лучах, достаточно, чтобы понять: портрет этот ни в коем случае не копия. Это оригинал. Настолько оригинал, что даже походит на нечто вроде этюда, но тщательно завершенного.

Заметно, как художник прилаживал и перемещал красную шапочку, искал и пробовал различные положения, экспериментировал, хотя при всем этом видна уверенная рука мастера.

Съемки в ультрафиолетовых лучах, наоборот, позволяют увидеть самые верхние слои, без визуального влияния более глубоких красочных слоев. То есть на фотографиях видны позднейшие перерисовки, если они есть, следы вмешательства реставраторов и состояние лака на изображении.

Выводы, полученные в результате технического анализа, обрадовали нас с Ириной: это явно был оригинал, а не копия, и сделан он в XVI веке.

VIE DE BENVENUTO CELLINI

ÉCRITE PAR LUI-MÊME

Traduction et notes
de Maurice Beaufreton

Moi, Giovanni, fils de ser Matteo, fils de ser Giovanni de Falgano, citoyen et notaire public de la ville de Florence, etc.

XIII

INVENTAIRES DRESSÉS APRÈS LE DÉCÈS DE BENVENUTO CELLINI[1] LE 16 FÉVRIER 1570[2].

[...]

DANS LE VESTIBULE. — Un petit buffet de bois, usagé. – Un cadre renfermant un grand saint Sébastien avec ornement d'or. – Un portrait de messer Benvenuto avec ornements de noyer. – Un banc de bois de quatre brasses. – Deux escabeaux. – Un torse en plâtre. – Deux bancs en noyer sculpté, à dossier, de huit brasses environ. – Un beau lit de noyer sculpté de la main du Tasso. – Une chaise en noyer. – Une table de quatre brasses couverte d'étoffe rayée. – Quatre escabeaux. – Un bel encadre-

Фрагмент нотариального акта 1571 г.

Нотариальный акт 1571 года

У портрета, безусловно, существует более обширный провенанс (подтвержденная свидетельствами история его пути через века), чем тот, который нам удалось установить. В Италии в архивах, скорее всего, хранятся документы и письменные свидетельства об этом произведении искусства.

Я уже рассказывал в главе «Достояние республики», что итальянцы смогли идентифицировать нашу находку как подлинник, еще даже не увидев фотографию, просто по описаниям. Значит, у них есть соответствующая информация и она почти со стопроцентной вероятностью идет из архивов.

Чтобы найти и обработать важные для истории автопортрета документы, нам требовались поддержка и помощь итальянских ученых. К сожалению, из-за провала переговоров с итальянским правительством и последовавших за этим трагических событий мы так и не смогли ее получить.

Тем не менее, тщательно изучив доступную литературу, читая приложения и исторические сноски в книгах Челлини и о Челлини, мы обнаружили прелюбопытный документ — нотариальный акт 1571 года об описи имущества после смерти Бенвенуто в его доме.

Документ свидетельствовал, что портрет мессера Бенвенуто в ореховой раме находился в доме художника, а именно в вестибюле, сразу после смерти Челлини в момент описи.

Нотариус записал: «В вестибюле… портрет мессера Бенвенуто в ореховой раме…»

Разумеется, что, раз портрет вставлен в деревянную раму, это всяко не барельеф и не скульптура. Речь идет именно о живописном портрете, и, раз он находился в доме, это портрет законченный, весьма удачный, которым владелец гордился. Иначе он не выставил бы его в вестибюле, то есть, по сути, в витрине своего дома.

Хочу напомнить современному читателю, что во времена Ренессанса не было других видов связи, кроме личного контакта. Визитеры приходили с вестью, по делу, в гости или для того, чтобы позвать, пригласить куда-нибудь хозяев. Все эти люди приходили в вестибюль, проходили через него или ожидали там.

А портрет хозяина дома, расположенный в вестибюле, был его визитной карточкой. И портрет этот не мог не быть превосходным, ведь речь идет о доме Бенвенуто Челлини — тонкого эстета и человека с безупречным вкусом.

Иными словами, нотариальный акт свидетельствует, что в

доме Бенвенуто висел его живописный автопортрет. Именно автопортрет, ибо нет никаких свидетельств или документов о том, что кто-нибудь из современников Бенвенуто удачно изобразил мессера, да еще так, чтобы сам Челлини гордился этим изображением.

Более того, Бенвенуто Челлини теперь известен публике, пожалуй, даже больше искрометной автобиографией, чем своими ювелирными работами или скульптурами. То есть известен своей книгой, которая заслуженно считается одной из наиболее важных и ярких книг эпохи Ренессанса.

Совершенно ясно, что, написав свое великолепное произведение, работа над которым заняла у него несколько лет жизни, Бенвенуто не мог не озаботиться своим портретом для нее. Обратное совершенно невероятно. Портрет был ему необходим в качестве иллюстрации для своего шестисотстраничного произведения.

Просто представьте себе, что Челлини, при каждом удобном случае «подписывавший» свои скульптурные работы автопортретом, не позаботился об иллюстрации к своей книге. Это просто невозможно.

Стилистическая экспертиза

Известно три основных вида искусствоведческих экспертиз:

1) техническая,

2) стилистическая,

3) провенанс.

В нашем случае добавилась еще одна:

4) антропологическая.

Только совокупность всех трех и отсутствие противоречий между ними может гарантировать правильную атрибуцию картины тому или иному автору, школе и периоду времени.

Стилистическая экспертиза — ее еще называют стилистическим анализом или искусствоведческой экспертизой — это самый субъективный анализ из всех. Его результаты целиком и полностью зависят от личности, знаний, опыта и настроения эксперта.

В нашем случае кто-то из искусствоведов-экспертов должен был четко и ясно написать заключение: «Настоящее произведение — автопортрет Бенвенуто Челлини; дата его создания — вторая половина XVI века» — и подписаться под этим.

Абстрагировавшись от всех предыдущих приключений, попробуйте встать на мое место. Вопрос такой: куда и к кому идти? Вы поймете, что идти-то почти и некуда.

В музей обращаться бесполезно. «Музейские» не имеют права высказываться да и не хотят этого делать. А признанного светила, однозначного авторитета в области искусства Ренессанса, которому был бы по силам сам Челлини, в Париже 2005 года просто-напросто не существовало. По крайней мере, мы не знаем его имени.

В Италию не сунешься, там засада. В Сотбис, Christie's тоже. Скорее всего, их экспертов люди сеньора Веспуччи обзвонили в первую очередь.

У меня уже был опыт общения с Б. Б., которого считают в Париже ведущим специалистом по рисункам старых европейских мастеров. Он же представлялся как наиболее авторитетная кандидатура эксперта и в нашем случае…

Но по опыту общения с ним (мы показывали ему кое-какие рисунки из нашей коллекции) я прекрасно отдавал себе отчет, что, как максимум, этот чрезмерно осторожный парижский специалист на словах скажет что-нибудь двусмысленное, а бумагу при любом раскладе писать поостережется. Слишком громкое это дело, и слишком велик для него риск. Здравый смысл подсказывал, что нечего к нему с этим вопросом и обращаться.

Кстати, с атрибуцией рисунка из нашей коллекции, известного как «Голова Прелата», Б. Б. ошибся.

Потому-то, решая сложную задачу, мы обратились к респектабельному и честному эксперту в Провансе, а не в Париже: к месье Ришару Давиду — уважаемому на Юге специалисту и официальному эксперту Апелляционного суда в городе Экс-эн-Прованс (суд второй инстанции).

Месье Давид подошел к делу весьма серьезно. Изучил документы, осмотрел картину и связался с коллегами в Италии.

Наконец по истечении недели или двух он принял для себя решение и написал ясное, короткое заключение. Оно свидетельствовало, что рассматриваемая картина на самом деле портрет Бенвенуто Челлини, изготовленный во второй половине XVI века. При этом месье Давид присовокупил к документу и рапорты других экспертиз.

Как я уже сказал, месье Давид — опытный, известный человек без каких-либо пятен на своей репутации. Он возглавляет местную ассоциацию экспертов. Однако позднее, когда у нас установились хорошие связи в Лондоне, я заказал специалистам из Оксфорда еще один стилистический анализ, а также исследование итальянских живописных этюдов XVI века, выполненных на бумаге.

Эти исследования полностью и недвусмысленно подтвердили правоту месье Ришара Давида.

RICHARD DAVID
EXPERT PRÈS LA COUR D'APPEL
D'AIX-EN-PROVENCE
ANTIQUITÉS – OBJETS D'ART
BIJOUX – GEMMOLOGIE
79, boulevard Paul Doumer
06110 LE CANNET
Téléphone - Fax 04 93 69 11 57
E-mail rdavid.expert@libertysurf.fr

Le Cannet, le 10 janvier 2007

Réf E.F.S. 27019

CERTIFICAT D'EXPERTISE

RICHARD DAVID

Huile sur papier marouflé sur toile,
portrait de Benvenuto CELLINI (1500-1571), portant une barbe fournie et une capuche rouge
61 x 48 cm
Florence, époque troisième quart du XVIe siècle.
Restaurations d'usage et d'entretien

En annexe du présent certificat sont joints en photocopies :

le rapport d'expertise du Docteur Raoul PERROT, Expert près la Cour d'Appel de Lyon en anthropologie médico-légale, du laboratoire d'Anthropologie Anatomique, Département de Biologie Humaine de l'université Claude BERNARD - Lyon 1, attestant de la personnalité de Benvenuto CELLINI.

le rapport d'analyse de l'Institut d'Art Conservation et Couleur en date du 24 juin 2005 authentifiant cette œuvre du milieu du XVIe siècle.

Fait au Cannet,
le 10 janvier 2007
Pour servir et valoir
ce que de droit.

R. DAVID

RICHARD DAVID
EXPERT JUDICIAIRE
79, BD. PAUL DOUMER
06110 LE CANNET

Экспертиза Ришара Давида

Загадка красного капюшона. Фрески Кампо Санто

У портрета, попавшего к нам в руки, была одна загадка, которую до 2007 года нам никак не удавалось разрешить. Вернее, это была главная тайна портрета. Что именно хотел сказать художник, изобразив себя в красном капюшоне, а точнее, в красной шапочке?

Известно, что во времена Ренессанса интеллектуальная составляющая искусства ценилась не менее мастерства и визуальной гармонии. Творцы шифровали своими образами какие-то важные с их точки зрения послания к зрителю. Причем в классовом и кастовом обществе смысл таких посланий был доступен отнюдь не всем ступеням социальной лестницы. Понимать и видеть было скорее привилегией избранных.

Иначе говоря, художники высшего света просто обязаны были закладывать некие важные смыслы в свои работы, потому что примитивная, бессмысленная картинка не имела шансов быть признанной и по достоинству оцененной в благородном обществе.

На нашем портрете нет никаких «говорящих» деталей: ни книги, ни инструментов, ни фамильного герба… Ничего, чем мог бы гордиться Бенвенуто Челлини и с чем он мог себя ассоциировать. Ничего, кроме странного красного головного убора. По-французски такая деталь одежды называется «бонне(т)».

Кстати, на черно-белых фото, сделанных в инфракрасном свете, видно, что это именно шапочка бонне. Мы продолжаем называть ее «капюшоном» только потому, что это название на русском языке несколько благозвучнее, чем «шапочка».

Загадка красного капюшона занимала меня уже долгое время, она возникла сразу же после того, как мы идентифицировали персонаж. И с того самого часа я при случае пытался как-то приблизиться к разгадке: искал информацию в книгах по истории костюма, обращал внимание на картины, где встречались персонажи в круглых шапочках, и их бэкграунд. Однако всерьез я смог заняться этим вопросом, только когда установилось относительное затишье в делах и на фронтах нашей борьбы за выживание.

Подход к исследованию темы «красной шапочки» мы с Ириной систематизировали так:

• история костюма — когда, где и кто носил подобные шапки;

• значение красного цвета головного убора, значение материала (в данном случае бархата): шапочка выглядит бархатной, судя по характерной форме складок и игре светотеней;

• профессиональная принадлежность и ее отражение в головных уборах;

• религиозные мотивы и тайные секты;

• изображения подобных шапочек в истории изобразительного искусства и расшифровка их смысла.

К 2007 году пришлось признать, что мы топчемся на месте и задача нам не по зубам. Ни один из этих пунктов не привел нас к разгадке. Я просмотрел тысячи картин и прочитал немало специальных книг, но тщетно. К сожалению, и ученые, к которым мы обращались за консультацией, не могли нам подсказать ничего существенного. Но так совпало, что примерно в это же время мы решили съездить в Пизу.

Во-первых, мы никогда там не были, хотя частенько посещаем Тоскану и ее столицу, Флоренцию (а это совсем рядом с Пизой). Во-вторых, к 2007 году дочь уже подросла настолько, что ей тоже была бы интересна поездка к «кривой башне». Ну и в-третьих, последние слова в автобиографии Бенвенуто: «Я уезжаю в Пизу».

Вот и мы отправились туда поздней весной.

Я не стану здесь рассказывать про этот древний и знаменитый город. Про университеты, историю, войны, искусство, современность. Кому интересно, тот сам найдет информацию у более компетентных авторов. Для меня было важно, что Пиза — это город, где Челлини учился ремеслу и в котором у юного Бенвенуто открылись глаза на прекрасное. Он рассказывает в своей биографии, как постоянно находил время рисовать прекрасные скульптуры на древнем кладбище Пизы, называемом Кампо Санто.

Туда же, в этот город, Челлини отправился и в конце своей жизни… И вот более четырехсот лет спустя мы просто шли по его следам.

Некоторые места древнего города почти не изменились с тех давних пор. Среди изумрудного газона в туристическом центре Пизы находятся три замечательных туристических объекта: знаменитая падающая башня, великолепный кафедральный собор и «Святое кладбище» (Кампо Санто).

Причем если падающая башня привлекает огромные толпы людей, то скромная, сдержанная стена Кампо Санто не вызывает особого внимания у публики, и экскурсии туда менее популярны.

Тем не менее на кладбище путешественники все-таки заходят, но несравнимо реже и преимущественно группами:

Кампо Санто включено в набор осмотра городских достопримечательностей. Мы тоже поступили как все заправские туристы. Купили билеты и первым делом взобрались на башню. Однако потом у меня уже не хватило терпения, и, не заходя в кафедральный собор, мы всей семьей решительно отправились к Кампо Санто.

В длинной, высокой и почти гладкой стене есть неприметная дверь. Это вход на кладбище. Там внутри — строгие галереи, практически мощенные могильными плитами, и зеленые поляны с надгробиями, датированными начиная с античных времен и заканчивая Средневековьем. Стены галерей всюду расписаны роскошными фресками.

Сначала мы бродили по кладбищу с восхищением. Но, честно говоря, довольно быстро все это стало нам надоедать. Я пытался увидеть пространство, фрески и надгробия глазами Бенвенуто, ведь он несколько раз говорил в своей книге, что приходил сюда подростком, чтобы учиться искусству, и много срисовывал с натуры. Но ничего особенно интересного мне заметить не удавалось.

Проблуждав так около часа и уже смирившись с тем, что пора уходить, мы вошли в еще одну довольно узкую дверь в стене галереи и оказались в большом зале с кирпичным полом и прозрачным потолком. Очевидно, этот зал был специально подготовлен для выставки огромных фресок, занимавших три его стены. Я скользнул по фрескам взглядом, потом посмотрел внимательнее… И оторопел. По коже пробежали мурашки, я вдруг всем естеством осознал: вот она, разгадка автопортрета. Мы наконец нашли то, что искали.

Прямо перед нами бородатый суровый старец в круглой красной шапочке, держа в руке развернутый свиток, давал жесткий урок праздной и богатой, напуганной жизненной правдой молодежи…

Святой Макарий

Старец выглядел точно как Челлини — тот же головной убор, та же композиция, такой же ракурс, и даже борода изображена похоже… Но фреска, которая находилась перед нами, на самом деле была написана в XIV веке, более чем за двести лет до портрета Челлини. Этот же персонаж в красной шапочке был изображен на левой и правой стенах зала. Надпись под фреской

гласила: «Триумф Смерти. Буонамико Буффальмакко».

Фреска «Триумф Смерти»

Я сел на скамейку в центре зала, и время перестало для меня существовать.

Ирина разделяла мое возбуждение, но в конце концов обязанности матери вынудили ее уйти из зала, чтобы показать дочери что-нибудь другое — кафедральный собор, например. Они ушли, а я остался.

Приходили и уходили группы туристов, сопровождаемые экскурсоводами. Некоторые языки я понимал хорошо: русский, английский, чешский, французский; некоторые лишь отчасти, догадываясь о смысле: итальянский, испанский, немецкий…

Забавно было наблюдать, что уровень подачи материала и смысловые акценты, которые экскурсовод делал в своем рассказе для туристов из разных стран, тоже были разными. Так, англоязычные (американские особенно) группы выслушали практичную бытовую версию. Французам рассказывали историю эмоционально и с описанием несколько надуманных красивостей. Но в целом информация была полезной и мне.

Тех, кто интересуется этими фресками, их историей и смыслом, я приглашаю прочитать специализированную литературу на эту тему. А сейчас достаточно будет сказать, что

теперь каждому очевидно: Бенвенуто Челлини изобразил себя для потомков в образе святого Макария, чрезвычайно известного в то время персонажа фрески «Триумф Смерти» из Кампо Санто в Пизе.

Анахорет в тюрьме

Пикантность ситуации в том, что во время создания

автопортрета Челлини как раз находился под очередным домашним арестом по пустяковому делу — за содомию и хулиганство. В этой связи вопрос. Ну кто, кроме него самого, мог это сделать? Кто еще мог сопоставить и отождествить себя со святым Макарием, преподающим урок жизни праздным аристократам?

Коротко говоря, сюжет ключевого для нас эпизода фрески, которым вдохновился Бенвенуто, таков. Богатые молодые аристократы, девушки и юноши, выехали на конную прогулку, чтобы развлечься. Жизнь кажется им забавной, легкой и беззаботной. Но неожиданно на лесной дороге они видят три открытых гроба, и в каждом из них — полуразложившийся труп.

Этот неожиданный, отвратительный вид Смерти и ужасный запах испугал и поверг их в смятение.

И только мудрец, отшельник, познавший, что есть жизнь и что есть смерть, — святой Макарий — преподает праздной элите суровый урок, читая древний свиток.

Вот так и изобразил себя для Вечности Бенвенуто Челлини: гений, мистик, отшельник поневоле, дерзкий убийца, умиравший в тюрьме, но выживший и вознесенный к вершинам славы.

Бенвенуто считал себя вправе преподать урок о смысле Жизни и Смерти — это следует из его автобиографии, воспоминаний и свидетельств о нем других людей.

Анахорет у печи

Анахорет и лукавый

Описываемый сюжет со святым Макарием мы находим на правой от входа фреске. Но и на левой стене есть изображения, имеющие много общего с жизнью и личностью Бенвенуто. Там находится фреска, которая называется «Жизнь анахоретов». И хотя название предполагает, что анахоретов там несколько, мы видим одного и того же персонажа, отшельника в той же красной шапочке, кадр за кадром, как в кино, проживающего свою жизнь.

Невозможно отрицать, что некоторые «кадры» Бенвенуто, придя сюда снова в конце жизни, мог воспринимать исключительно как нечто личное. Вот анахорет в тюрьме, как и

сам Челлини.

Вот он управляется с огнем в печи, такое привычное для Бенвенуто дело… Вот он хоронит друзей и близких…

А здесь к нему приходит якобы друг, а на самом деле лукавый — из-под подола его платья торчит зеленая лапа.

Да и все остальные эпизоды жизни анахорета, без сомнения, находят отклик в биографии Челлини. Поэтому всю фреску, а вернее, обе фрески Бенвенуто воспринимал как древнее пророчество, относящееся к нему лично. Воспринимал как мистическое предсказание его собственной жизни.

Без сомнения, пророчество, касающееся его собственной судьбы, казалось ему Божественным Промыслом, а сам себя он вполне обоснованно ощущал как раз тем персонажем, что был изображен на соседней фреске. Все это стало мне ясно и не могло трактоваться иначе…

Ощущение научного открытия большой важности переполняло меня. В душе звучала целая симфония возвышенных, трагических и высоких чувств…

Глядя на эти роскошные фрески, каждой клеткой ощущая гармонию и единение времен, я вдруг четко осознал, что нам уже не очень-то и нужны эти трусливые и ленивые карлики из Лувра или упрямый и злой старик Антонио Веспуччи.

Теперь мы были готовы представить портрет широкой публике, не обращая никакого внимания на этих трусов.

Эпилог

Катрин перешла из мира больших финансов на работу в компанию, продающую суперкары. Я уверен, что там эта лиса с успехом и удовольствием потрошит самовлюбленных петушков.

Мы созванивались, я поздравил ее с Новым годом. Она тепло пожелала мне настоящих друзей. Думаю, так она извинялась за всю свою вынужденную фальшь. Похоже, она больше не сможет работать в разведке.

Жан-Кристоф Парис пропал из виду. Швейцарские официальные лица письменно проинформировали меня, что в силу известных обстоятельств я не несу никакой ответственности за свою швейцарскую компанию, открытую в рамках шпионских провокаций французов. Иными словами, Швейцария избавила нас с Ириной от лишней головной боли. Надеюсь, они занялись своими женевскими «кротами» всерьез, и провокаторы теперь давятся плодами своих посевов.

Сикуза ничего не добился для себя, кроме геморроя: английская страховая компания отказалась выплачивать ему деньги. Он якобы нарушил условия контракта, поскольку не стал спасать уцелевшее после пожара оборудование и просто бросил его.

Когда нарыв лопнул, Сикуза куда-то исчез, оставив имущество и недвижимость. Видимо, его просто «расплющили» в его же «конторе». В самом деле, резидент разведки вздумал угрожать и вымогать деньги с «клиента» в тот самый момент, когда моя история и так уже стала для Республики страшной головной болью.

Уголовные дела по факту пожара, угроз и вымогательства денег с нашего предприятия агентами разведки французская полиция и жандармерия тормозили изо всех сил вплоть до февраля 2013 года, когда наконец новое начальство дало делу ход.

Оказалось, что в официальном рапорте полиции причиной пожара прямо назван поджог. Жандармы и прокурор, очевидно, пытались дело замять, выводя из-под удара агентуру ДСРИ. Этим они лишили нас, вместе со всеми пострадавшими, права на защиту от произвола. То есть совершили преступление, за которое, на мой взгляд, им придется ответить.

Все, что с нами произошло, само собой, несовместимо с принципами «правового государства». Об этом я написал 19 ноября 2012 года новому президенту Республики Франсуа Оланду и новому министру внутренних дел Эмманюэлю Вальсу. Я

рассказал им о грубой вербовке, издевательствах и терроре по отношению к членам моей семьи.

Мне ответил лично месье Беснар, руководитель президентской администрации. И видимо, только после смены всего состава «силовиков», а вернее, опричников Саркози дело сдвинулось.

Документы моему сыну, которые бюрократы мурыжили уже около двух лет, вдруг срочно выдали, да еще и задним числом. Степан получил свои бумаги в мэрии 4 декабря, но работники драгиньянской супрефектуры божились и чуть ли не ели землю, что выслали бумаги почтой в Монтару еще 25 октября. Секретарь в мэрии просто обалдела от такого наглого вранья.

Мой вид на жительство супрефектура Драгиньяна продлила без всяких задержек и бюрократических проволочек в апреле 2013 года. Документы выдали стремительно, на пять месяцев раньше обычного срока. То же самое случилось и с документами моей жены.

Страховку после пожара я до сих пор не получил, потому что действия банды сексотов здорово осложнили дело.

Префекта департамента Вар сняли и выгнали взашей.

Министра внутренних дел, близкого друга и соратника Саркози Клода Геана отстранили от должности, и сейчас он под следствием. У него при обыске нашли крупные суммы денег, происхождение которых месье Геан объяснил следующим образом:

1. «Я продал две картины голландского художника незнакомому адвокату из Малайзии. За пятьсот тысяч евро».

При этом выяснилось, что картинам (если они вообще существовали в природе) цена двадцать тысяч за обе. К тому же ни таможенных деклараций, ни сертификатов «дю биен кюльтюрель» бывший министр не оформлял. Об этом официально заявило Министерство культуры.

2. «Я выписывал себе премии из фондов министерства».

Имеются в виду «премии» из денег, предназначенных на оплату информаторов и сексотов. Тут и комментарии излишни.

Начальник ДСРИ, близкий к Саркози, — некий Бернар Скварсини — отстранен от должности и находится под следствием. Прокурор передал его дело в уголовный суд. Скварсини обвиняют в незаконной слежке и шпионаже.

Начальник полиции месье Пешнар смещен со своей должности, и на его блестящей карьере поставлен крест.

Мелкие сошки из числа опричников Саркози отстранены от работы и наказаны.

Филипп Губэ арестован в Дубаи и депортирован во Францию.

Руководитель Лувра смещен со своего поста.

«Фишье» Банк де Франс, о котором я говорил в книге, отменили, и больше его не будут вести.

Николя Саркози, бывший президент Французской Республики, находится под следствием по уголовному делу.

Сильвио Берлускони осужден уголовным судом и избегает наказания исключительно в силу своего возраста и амнистии. Впрочем, он проходит в качестве подсудимого и по другим делам, где ему грозят многолетние сроки.

Папа римский Бенедикт XVI покинул Ватикан.

Портрет Бенвенуто Челлини мы собираемся и далее время от времени показывать на выставках.

Вот, пожалуй, и всё.

notes

Примечания

1

Уголовная полиция — *Фр.*

2

Он совсем дурак, что ли? — *Фр.*

3

Очень распространенное французское ругательство, означающее в вольном переводе «идиот», «дурак».

4

Спецслужба Франции (Tracfin), созданная в 1990 г. для борьбы с отмыванием денег и незаконными финансовыми организациями, осуществляет контроль за оборотом капитала в стране.

5

SCI (société civile immobilière) — сосиете сивиль иммобильер, юридическая форма предприятия, чья деятельности заключается исключительно во владении недвижимостью.

6

Использование влияния (в незаконных корыстных целях) 433-2. — *Фр.*

Инспекцию труда. — *Фр.*

8

Вот номера уголовного дела и досье: No du Parquet 02/20405, No de L'Instruction 103/00008, Procedure Correctionnelle. — *Примеч. авт.*

9

Всего томов было два. И основные дела находились во втором. — *Примеч. авт.*

10

Брассери — небольшое французское кафе.

11

Ершов П. П. Конек-Горбунок.

12

Он совсем дурак, что ли? — *Фр.*

13

Очень распространенное французское ругательство, означающее в вольном переводе «идиот», «дурак».